

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Валентина Нарыжная	
Стихотворения.....	135
Сергей Смайлиев	
Стихотворения.....	141
Анатолий Шевякин	
Стихотворения.....	151
Елена Ядрина	
Стихотворения.....	155

ПРОЗА

Иван Аксёнов	
Фирма «Эребус»	
Повесть	9
Галина Туз	
«...И еще раз: земля...»	
Рассказ.....	145

*Литературное
Ставрополье
№ 4 (2018)*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Петр Чекалов	
О встрече с А.И. Солженицыным	171
Галина Шевченко	
«Седая печаль»	
Виктора Логвинова.....	179

КРАЕВЕДЕНИЕ

Юрий Тимашев	
Северо-Кавказский фестиваль поэзии «Родники дружбы»	3
Николай Охонько	
Азово-Моздокская линия – пограничный рубеж на Северном Кавказе.....	159

© Правительство
Ставропольского края

Главный редактор
Владимир Бутенко

ББК 84(2=411.2)64
УДК 821.161.1(470.63)-8
А72

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**А72 Литературное Ставрополье. Альманах. –
Ставрополь, 2018 г. – № 4.**

Адрес редакции:
355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.
Тел.: (8652) 26-31-50.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Дизайн и верстка: А.В. Климов
Корректор: В.Б. Иванов

Сдано в набор 28.09.2018. Подписано в печать 06.11.2018.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ № 318-4. Тираж 979 экз.
Отпечатано в типографии «Фаворит»:
394036, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Трудовая, дом 50, кв. 10.
Тел.: 8-958-649-53-31.

ISBN 978-5-6041333-3-0

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ФЕСТИВАЛЬ
ПОЭЗИИ**

**«РОДНИКИ
ДРУЖБЫ»**

Третий год кряду Курский район Ставрополья и краевое отделение Союза писателей России провели этой осенью фестиваль поэзии народов Северного Кавказа «Родники дружбы».

Из Кабардино-Балкарии приехали уже маститые писатели Валерий Крушельницкий, поэт, прозаик, краевед, и Хыйса Османов, автор книги «Балкария сквозь века», вышедшей в 2017 году к 190-летию вхождения Балкарии в Россию. И совсем молодые поэты – Исмаил Бейтуганов, зав. отделом поэзии балкарского журнала «Мингитау», и Залим Маиров, автор книги на кабардинском языке «Искушение».

С заместителем председателя Союза писателей Северной Осетии Эльбрусом Скодтаевым, лауреатом на-

циональной премии «Яблоко нартов», приехали молодой поэт Казбек Чегаев и два очень интересных литературных критика, кандидаты филологических наук Борис Хозиев, заслуженный работник культуры России, и Тамерлан Техов, лауреат премии Правительства РСО-Алания.

Карачаево-Черкесию представляли: ногайская поэтесса, заслуженный работник культуры Республики Римма Утемисова; редактор детского журнала на карачаевском языке «Сокол», заслуженный работник образования КЧР Кулина Салпагарова; абазинская поэтесса, драматург, переводчик, народный поэт Республики Лариса Шебзухова; заслуженный работник культуры России и Карачаево-Черкесии, редактор детского журнала на черкесском языке «Радуга», народный поэт Республики Ахмед Шоров.

Народный поэт Дагестана, редактор детского журнала «Соколенок» на даргинском языке Аминат Абдулманапова приехала не только со своими талантливыми подругами Альбиной Абдулаевой и Альпийат Закавовой, но и с двумя весьма способными внуками Мухаммадом и Маккашарипом.

От Ставрополя во главе с председателем краевой писательской организации Александром Куприным в фестивале участвовали лауреаты краевой литературной премии имени Андрея Губина Олег Воропаев, Александр Мосиенко и Сергей Рыбалко, лауреат премии имени Валентины Слядневой Валентина Дмитриченко, детские писатели Николай Ананьченко и Любовь Шубная, поэтессы Сусанна Баграмян, Юлия Каунова, Нина

Можная, Елена Яровая, поэты Николай Бондаренко и Игорь Гревцев.

Тепло и радушно встречали гостей начальник управления культуры Курского района Галина Жулина и директор районной библиотеки Зинаида Зеленова. Детский оздоровительный центр «Звёздный», расположившийся на окраине станицы на берегу реки Кура, на три дня приветливо распахнул свои объятия для писателей.

После регистрации, размещения в уютных домиках и сытного обеда участники фестиваля отправились в прекрасно отремонтированную районную библиотеку, где прошёл круглый стол: «Современная поэзия Северного Кавказа: задачи и пути развития». Трудно ли быть поэтом в XXI веке? Как дальше донести поэтическое творчество до читателя? Как стимулировать интерес детей и молодёжи к чтению? Судя по эмоциональности высказываний участников, предложенные для обсуждения темы им очень близки.

По предложению Галины Жулиной было решено издать коллективный сборник поэзии участников фестиваля.

А вечером состоялось торжественное поднятие флага фестиваля «Родники дружбы».

Кстати, учредить флаг предложила в прошлом году Валентина Дмитриченко. Она же по собственному эскизу изготовила его. А Тамерлан Техов предложил девиз: «Родники дружбы». Тут же у флагштока они были награждены грамотами фестиваля.

После этого местные литераторы и руководители писательских делегаций с факелами в

руках зажгли костёр кавказской дружбы, а все участники образовали единый круг, ощущая неразрывную связь друг с другом. И зазвучали у костра заветные стихи, и зазвенели любимые песни, и закружились в танцах писатели Кавказа.

На следующий день, после торжественного приема в администрации района, шесть писательских групп провели творческие встречи в сёлах Полтавском и Графском, в станице Галюгаевской, в посёлках Мирном, Рощино и Балтийском. Мне посчастливилось побывать в станице Галюгаевской, где в 1937–1939 годах директором школы работал мой отец – Захар Фёдорович Тимашев. Надо ли говорить, как была удивлена и обрадована нынешний директор школы Лидия Васильевна Луценко. Встреча с учащимися прошла на одном дыхании. Ребята долго не отпускали поэтов, задавали вопросы и протягивали тетрадные листы для автографов.

А когда, вечером, писатели вернулись с творческих встреч – все как один говорили о тёплом приёме со стороны детей и взрослых и что испытывали чувство радости от общения с такими пытливыми и заинтересованными читателями.

После ужина поэты собирались по интересам. К примеру, Николай Ананьченко с детскими писателями Аминат Абдулманаповой, Риммой Утемисовой, Ларисой Шебзуховой, Любовью Шубной обговорили идею создания творческого объединения детских писателей Северного Кавказа. И для начала решили издать коллективный сборник для детей, редактором которого будет автор идеи.

Третий день ознаменовался поэтическим концертом участников фестиваля в капитально отремонтированном районном Доме культуры.

Дружными аплодисментами писатели Северного Кавказа встретили Главу Курского района Сергея Ивановича Калашникова, который поблагодарил всех за участие в фестивале и пожелал, чтобы такие, очень нужные, встречи и дальше проходили на Курской земле. А участники фестиваля выразили глубокую признательность Сергею Ивановичу за чуткое и внимательное отношение к писателям.

Надо сказать, что Курский район уникален по своему народонаселению. При общей численности в 54 000 человек на его территории проживают представители 62 национальностей. И провозглашенный руководством района несколько лет назад девиз: «Курский район – территория мира и согласия» стал главным жизненным ориентиром каждого жителя района. Мы убедились в этом на встречах с читателями и на книжной выставке-ярмарке наших книг, которая была устроена на центральной площади станицы Курской.

Накануне отъезда я попросил поэтов кратко оценить итоги фестиваля:

Казбек Чегаев: – Сплошной восторг!

Тамерлан Техов: – Настоящий праздник!

Сусанна Баграмян: – Огромный стимул для творчества!

Валерий Крушельницкий: – Мы – разные, но мы – вместе!

Прекрасное и очень полезное мероприятие организовал руководитель ставропольских пи-

сателей А. И. Куприн. Всех участников он знает в лицо, к каждому относится благожелательно, и все отвечают ему уважением и благодарностью.

Фестиваль завершился. До встречи на IV фестивале!

**ЮРИЙ
ТИМАШЕВ**

ФИРМА «ЭРЕБУС»

1

Стоял мучительно жаркий июль. Лето, казалось, намерено было выжечь дотла всё живое. Днем нестерпимо палило слепящее белое солнце; томительно душными были безлунные ночи, стоячий воздух которых пропитался выхлопными газами автомобилей и миазмами асфальтобетонного завода; на багровом, словно раскалённом, краю неба подслеповато тлели тусклооранжевые звезды.

Наконец в одну из таких тягостных ночей где-то далеко на западе, за угрюмыми утёсами домов затрепетали беззвучные зарницы, а на другой день, к вечеру, когда уже казалось, что сердце не выдержит до предела сгустившейся духоты, разразилась поистине чудовищная гроза. Ранний мрак накрыл город; водопадами рушилось небо всю ночь напролёт. Не прекратился дождь и с наступлением утра.

Из окна второго этажа Игорю Ильичу Уткину видны были яркие, похожие на тропические цветы зонты прохожих, плывущие над мокрыми тротуарами, неряшливо заляпан-

**ИВАН
АКСЁНОВ**

Проза

ные грязью автомобили, потемневшие от сырости стены домов на противоположной стороне улицы. Грузный гул громоздких автобусов сотрясал стёкла.

И настроение было у него – погоде под стать: не просто унылое, какое нередко приходит в дождливый день, а прямо-таки отчаянное, тоскливо-безнадежное. Ощущение тупика, в который загнали его обстоятельства, не давало покоя ни днем, ни ночью. Нечто подобное испытывал он раньше лишь во сне, только тогда достаточно было проснуться – и все невзгоды враз исчезали, теперь же спасительное пробуждение никак не наступало.

Игорь Ильич бесцельно бродил из комнаты в комнату, не зная, чем занять себя. Ничего не хотелось делать, ни о чём не хотелось думать. Никогда в прошлые годы и в голову ему прийти не могло, что однажды он станет безработным. Считалось, что никакой безработицы в стране у нас нет и никогда не будет. Однако он лишился должности уже давно – полгода назад.

С приходом весны он ещё мог находить удовлетворение в работе на даче. Это позволяло ему чувствовать, что хоть какую-то пользу семье приносит. Пять лет назад сложил он на своем участке маленький домик, где можно было спрятать садовый инвентарь, отдохнуть на стареньком диване, пообедать за самодельным столиком.

Но, как это часто у нас бывает, дачу несколько раз разоряли. Потом украли пять мешков картофеля, оставленных там на ночь. Все эти разбойничьи набеги, конечно, бесили Игоря Ильича, но он упорно держался за дачу до тех пор, пока в мае нынешнего года не обнаружил, что её почти полностью разрушили: сняли и увезли шифер с крыши, выдрали окно и двери и даже разобрали одну стену.

Пришлось уступить участок соседу-милиционеру, уже давно мечтавшему расширить огород.

Жена Уткина Надя сегодня с утра ушла на работу (она была учительница и сейчас, во время отпуска, ремонтировала с учениками классную комнату); сын Митя отдыхал в загородном лагере, и Игорь Ильич, послонявшись по квартире, включил телевизор, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, но там шел какой-то американский мультфильм; потом переключился на другой канал, где толстоморденькая певичка, из тех скороспелых юных «звёзд», что штампуются, как пластмассовые стаканы, усилиями сластолюбивых покровителей-спонсоров, жалобно пищала о том, что кто-то нехороший бросил её и теперь она невыносимо страдает одна в своей холодной постели.

Посидев в оцепенении, он вскочил и чуть ли не бегом спустился на первый этаж, к почтовому ящику. Писем, как всегда, не было, да он уже и не ждал их ниоткуда. Единственная газета, на которую подписался, была городская «вечёрка».

Достав из платяного шкафа очки, он открыл третью страницу и стал внимательно просматривать объявления. Требовались уборщицы, каменщики, сантехники, секретари-машинистки, электромонтёры да ещё молодые привлекательные женщины для работы за границей официантками и танцовщицами. Эти объявления печатались из номера в номер, люди же его профессии нигде не были нужны: слишком много юристов наплодили в последние годы вузы и их филиалы. Он уже хотел отложить газету, не дочитав, как вдруг в самом низу последней колонки увидел короткое объявление: «Фирме «Эребус» требуется юристконсульт, мужчина не старше 35 лет. Тел.: 16-06-00».

Сердце у него замерло, потом застучало гулко, словно метроном. Неужели это правда? Он ещё раз прочитал лаконичный текст, на этот раз очень внимательно, вдумываясь в каждое слово – никакой ошибки быть не могло: некоей фирме «Эребус» действительно требовался юрисконсульт.

Он бросился к телефону, опрокинув по пути стул, и поспешно набрал указанный в объявлении номер. После первого же гудка в трубке щёлкнуло, и низкий женский голос сказал:

– Фирма «Эребус». Секретарь.

– Моя фамилия – Уткин. Скажите, пожалуйста, это правда, что вам нужен юрисконсульт?

– Правда, – ответил голос. – Стаж работы у вас – какой?

– Десять лет и два месяца.

– Хорошо. Подходите к одиннадцати. Только документы не забудьте.

– А как вас найти?

– Переулок Вишнёвый, 13.

Он ощутил сладкое волнение в сердце. Но тут же в душу закралось сомнение: вдруг кто-то опередит его. Взрослый, здоровый мужчина тридцати четырёх лет, с высшим юридическим образованием, с неплохим стажем работы, сидит на шее у жены-учительницы, получающей скромную зарплату. Конечно, дома он не бездельничает – чем может, помогает ей: стирает, гладит, моет посуду, готовит пищу, да разве это мужское дело? А у жены характер тяжёлый и властный. Она пока ещё молчит, не упрекает его ни в чём, но видно, что терпение её уже на исходе. Как тяжело, как стыдно чувствовать себя нахлебником!

На часах – половина десятого. Пора собираться.

Побрившись, Уткин подстриг усы, выгладил белую рубашку и брюки, оделся и опять подошёл

к зеркалу. Оно отразило красивого молодого человека, бодрого, подтянутого, такого, каким он привык видеть себя раньше. Достав из комода папку с документами, он вложил в неё паспорт и военный билет и сбежал по лестнице. Переулок Вишнёвый был ему хорошо знаком: там жил друг его детства Костя Емельянов.

«Фирма «Эребус», – размышлял он, быстро шагая по улице. – Почему «Эребус»? Кажется, так у древних греков или римлян ад назывался. «Эреб» или «Эребус». И вулкан того же названия где-то есть. Ну и народ эти «новые русские»: услышат звучное иностранное слово и сразу в дело его! Претензии большие, а грамотности не хватает; откуда им знать, что это слово означает? В словарь же иностранных слов заглянуть – кишка тонка, они просто про него, скорее всего, и не слышали никогда. А может, и знали, что это значит, и фирму свою нарочно так окрестили, чтоб людей подразнить. А что – звучит солидно, даже устрашающе! Для тех, кто знает, конечно. А кто знает? Я сам это слово в книге про одного полярного путешественника, – кажется, Джона Франклина – встретил. У него корабли назывались «Террор» и «Эребус». Вот там и было объяснение этого слова».

От этих размышлений Уткину стало немного не по себе, даже что-то похожее на дурное предчувствие в душе шевельнулось. Впрочем, к дурным предчувствиям ему не привыкать, все это – следствие неврастения. Да любого на его место поставь, пусть посидит с полгода без работы, и он наверняка неврастеником станет, если, конечно, не закоренелый бездельник и лодырь. С тех пор как их предприятие обанкротилось и Уткин лишился работы, его стала мучить бессонница. И кусок в горло не лезет. Идти в чернорабочие или в сторо-

жа самолюбие не позволяет, и заработки там такие, что даже на сигареты не хватает. Вот и приходится на жалкое пособие по безработице жить. Дай Бог, чтобы хоть на этот раз повезло ему наконец почувствовать твёрдую почву под ногами, перестать быть жалким приживальщиком, выпрашивающим у жены деньги на сигареты.

Он до омерзения устал жить в тесной скорлупе одиночества, в этой бесчеловечной среде, с мучительным сознанием собственной ненужности не только всему миру, но даже собственной жене. Он изгой, он нищий, его знания, его опыт, его способности не нужны никому. И если и сегодня его с презрением отвергнут, этой неудачи он уже не переживёт!

2

Чем ближе подходил он к переулку Вишнёвому, где сейчас должна была решиться его судьба, тем тревожнее билось его сердце. Только бы не опоздать! Вдруг придёшь, а тебе скажут: «Ну что же вы так поздно? А мы уже другого приняли, он раньше вас пришёл». Сейчас он был готов служить кому угодно, хоть самому дьяволу, и на любых, пусть даже самых невыгодных условиях, только бы получить наконец работу и хоть какую-нибудь плату за неё.

Он прошёл мимо дома, в котором жил друг его детства. Это был полуторазэтажный коттедж с гаражом, высоким забором из плоского шифера и железными воротами, выкрашенными зелёной краской. Ему так не хотелось сейчас встретиться с Костей. Вот если его примут на работу, он с удовольствием зайдёт к Емельянову и будет разговаривать с ним на равных, как мужчина с мужчиной, а не как жалкий отщепенец, на которого смотрят с

опаской: а не попросит ли он денег взаймы? К счастью, всё обошлось: Костя на улицу не выглянул, и Уткин, облегчённо вздохнув, прошёл мимо его дома.

Особняк, в котором размещалась фирма «Эребус», находился в двух кварталах от Костиного дома. До революции здесь была мужская гимназия, потом райком комсомола, после войны ещё что-то, а когда здание, давно не ремонтировавшееся, окончательно пришло в упадок, его выкупила богатая организация, сделала капитальный ремонт, и сейчас оно, тёмно-красное, с белоснежными пилястрами, выглядело как новое. Перед зданием росли высокие туи, похожие на сужающиеся кверху зелёные свечи, а справа, на большой заасфальтированной площадке, стояли чёрный «БМВ», три «жигулёнка» да оранжевая «Нива».

Неподалеку от здания играл мальчик лет двенадцати с лицом олигофрена. Он запускал бумажного голубя и вприпрыжку бегал за ним. Увидев, что Уткин направляется к входу в офис, он остановился, уставившись на него, и вдруг сказал:

– Дядя, не ходи туда!

Игорь Ильич так и замер на месте.

– Что? – спросил он.

– Не ходи туда! – повторил мальчик, печальными глазами больного животного глядя на него.

– Почему? – удивился Уткин.

– Не ходи! – ещё раз предупредил его мальчик и, повернувшись и даже забыв на асфальте своего бумажного голубя, пошёл прочь.

– Тьфу ты, чёрт! – ругнулся Уткин. – Какой-то debil брякнул, что ему в голову пришло, а у меня и коленки задрожали! Совсем нервы ни к чёрту стали!

И тут же подумал: «А что? Ведь известно, что животные как-то предчувствуют стихийные бед-

ствия, но вот человеку этого не дано. А дебил от животного недалеко ушел, он тоже инстинктами живёт. Может, и этот предчувствует что-то нехорошее, опасное для меня, чего сам я не умею чувствовать, и хочет меня предупредить».

Но тут же он усмехнулся своему нелепому предположению и вошёл в украшенную причудливой резьбой дверь. Прямо перед ним оказалась широкая чугунная лестница, ведущая на второй этаж. По лестнице неторопливо спускалась пожилая женщина с ведром и шваброй.

– Скажите, пожалуйста, – обратился к ней Уткин, – как мне кабинет директора найти?

Женщина внимательно оглядела его с головы до ног и, похоже, осталась довольна осмотром, потому что улыбнулась, показав отсутствие передних зубов, и доброжелательно посоветовала:

– А вы по лестнице поднимитесь и налево идите. Директор как раз в конце коридора будет. А примет он вас или нет – это вам секретарша скажет. Анна Германовна её зовут. Но... – тут она понизила голос, – скорее всего, не примет.

– Почему? – удивился Уткин.

– Да он никогда никого не принимает.

– Мне назначено, – сказал Уткин. – На одиннадцать.

– Да вы прямо к секретарше и идите. Она вам всё и скажет.

Игорь Ильич поблагодарил уборщицу и пошёл наверх по гулким, отполированным до блеска металлическим ступеням.

В приёмной сидела за компьютером немолодая, невероятно костлявая и прямая, как швабра, женщина. Её седые, слегка подсиненные волосы были разделены посередине головы на прямой пробор и стянуты на затылке в тугий узел. Длин-

ное сухое лицо с выдающимися скулами, серые холодные глаза и какая-то не то брезгливая, не то саркастическая улыбка тонких губ – всё это неприятно подействовало на Игоря Ильича. Одета секретарша была в строгий светло-серый костюм и в белую блузку с узеньким чёрным бантом.

Эта странная фигура удивила Уткина. Немало учреждений и предприятий пришлось обойти ему за полгода безработицы, и везде видел он на секретарских местах молодых длинноногих красавиц с роскошными причёсками. Руководители у нас всегда любили окружать себя красотой и роскошью. Красивая секретарша – это нечто вроде визитной карточки директора.

Игорь Ильич поздоровался, заискивающе улыбаясь и в то же время стыдясь этой жалкой, просительной улыбки, ставшей в последнее время привычной, но секретарша лишь скользнула по нему равнодушным рыбьим взглядом и холодно кивнула.

– Моя фамилия Уткин, – представился Игорь Ильич. – Я вам звонил сегодня насчёт места юрисконсульта. Вы назначили мне на одиннадцать.

– Да-да, помню, – низким, похожим на мужской, голосом сказала секретарша, заглянув в перекидной настольный календарь. – Давайте сюда вашу папку.

И тут Уткин заметил на стене, в углу кабинета, под самым потолком, небольшую телекамеру, которая медленно поворачивалась в его сторону. Почему-то между лопатками у него пробежал неприятный холодок. За ним следят, как за каким-нибудь рецидивистом. Зачем и кому понадобились подобные меры предосторожности?

Секретарша приложила к уху телефонную трубку и нажала на какую-то кнопку.

– Геннадий Иосифович, – сказала она. – У меня тут Уткин, юрист, о котором я вам утром докладывала.

Держа трубку возле уха, она стала неторопливо листать документы Уткина, держа их под объективом другой телекамеры, закреплённой на штативе, стоящем на столе, и Игорь Ильич понял, что невидимый собеседник секретарши, несомненно, глава фирмы, сидящий в соседнем кабинете за обитой чёрной кожей дверью с бронзовой табличкой «Директор», тоже пристально разглядывает его бумаги на экране монитора. От этого он почувствовал себя очень неуютно, совсем как в юности на призывной комиссии, когда приходилось бегать в чём мать родила из кабинета в кабинет под насмешливыми взглядами молоденьких медсестёр.

Наконец изучение его документов закончилось. По-видимому, директор дал «добро», потому что секретарша вложила документы обратно в папку и сказала:

– Идите в одиннадцатый кабинет, оформляйтесь.

Уткин поблагодарил её и чуть ли не бегом бросился искать нужный ему кабинет. Ему казалось, что у него крылья выросли. Теперь сам черт ему не брат: его приняли на работу в солидную фирму.

На дверях одиннадцатого кабинета висела табличка:

Зав. отделом кадров
ЛЕБЕДЕВА
Аида Адамовна

Игорь Ильич ожидал увидеть и там такую же невзрачную особу, как секретарша, – этакую бесцветную канцелярскую крысу, пожилую, одетую в

серое, однако, к его удивлению, Аида Адамовна оказалась красивой женщиной лет тридцати, с весёлыми живыми глазами, изящным носом с горбинкой и огненно-рыжими волосами, плавными волнами ниспадавшими на обнажённые бронзовые плечи. На ней было вишнёво-красное платье на узеньких бретельках, до половины открывающее грудь. Она была так хороша, так празднично-эффектна, что Уткин невольно залюбовался ею.

– Вы Игорь Ильич Уткин? – спросила она. Голос у неё оказался на редкость мелодичным. – Мне уже сообщили о вас. Давайте сюда вашу папочку.

Игорь Ильич положил папку на стол. Аида Адамовна тонкими пальчиками развязала тесёмки и выложила документы перед собою.

– Уткин – какая забавная фамилия! – засмеялась она. – Мы с вами чуть ли не родственники: оба из семейства водоплавающих. Вы Уткин, а я – Лебедева.

– Это фамилия вашего мужа или девичья? – неизвестно зачем поинтересовался Игорь Ильич. Ему почему-то хотелось услышать, что она не замужем.

– Бывшего мужа, – ответила Лебедева. – Мы развелись, имущество поделили, а фамилия до того мне понравилась, что я так и не захотела с нею расстаться.

И она расхохоталась звонко и жизнерадостно, словно девочка.

– Ну ладно, – отсмеявшись, сказала она. – Превжде всего – дело. Вот вам бумага и ручка, напишите заявление на имя директора. Вот по этому образцу, – и она подала ему листок, отпечатанный на принтере.

– А как фамилия директора? – поинтересовался Уткин.

– Неважно. Напишите просто: «Господину директору фирмы «Эребус»». Этого будет вполне до-

статочно. У нас тут всё запросто, без особых церемоний.

«Ничего себе, запросто! – подумал Уткин, заметив, что и здесь есть телекамера, которая, словно дуло пулемёта, поворачивается вслед за ним, когда он переходит от стола Лебедевой к другому, чтобы написать там заявление. – Видно, людям здесь не очень-то доверяют, раз везде эти соглядатаи понатыканы».

Телекамера продолжала следить за ним и тогда, когда он, написав заявление, возвращался к столу Аиды Адамовны.

Лебедева встретила его ласковой улыбкой.

– Уже готово? – удивилась она. – Как быстро вы пишете!

Она черкнула что-то в левом углу, где обычно ставит свою визу руководитель предприятия, потом достала из ящика стола какой-то штамп. Когда она задвигала ящик, штамп, выскользнув из её пальцев, упал на пол. Аида Адамовна наклонилась, чтобы поднять его, и тут произошел неожиданный конфуз: бретелька соскользнула с её плеча и обнажилась круглая грудь, молочно-белая, в отличие от загорелых плеч и рук.

Уткин смутился, но Аида Адамовна без тени растерянности на лице улыбнулась и, то ли замешкавшись, то ли давая Игорю Ильичу возможность вдоволь налюбоваться её красотой, сначала положила штампик на стол и только потом водрузила бретельку на место.

«Вот это сюрприз! – удивился про себя Уткин. – Что это: случайность или она нарочно это сделала? Почему она не сразу ляпочку подняла? Реакции у неё замедленные или это один из приемов опытной искусительницы? Впрочем, какое это имеет

значение? Главное – женщина она на редкость очаровательная – просто глаз не оторвёшь!»

– Это факсимиле росписи директора, – объяснила она, прикладывая штамп к заявлению Уткина. – Сам он такие документы не подписывает, доверяет это дело мне. Приказ о вашем назначении на работу сегодня будет готов. А сейчас я сделаю ксерокопии с ваших документов.

Она встала из-за стола и пошла к ксероксу, стоявшему в углу, и Уткин опять поймал себя на том, что любит её – стройной фигурой в облегающем красном платье, загорелыми до золотистого цвета плечами, руками и ногами.

– Да, вот ещё что, – сказала она, вернувшись за стол и пряча документы в красивую синюю папку. – У нас принято, чтобы мужчины приходили на службу в чёрном или тёмно-сером костюме и в белой сорочке с неярким галстуком. И ещё. Вы, наверное, запомнили слова из образца заявления: «Обязуюсь не разглашать тайн фирмы и содержания всех разговоров, ведущихся между её сотрудниками».

– Да, я их помню, – сказал Уткин. – Но можете быть спокойны: я не отношусь к числу болтунов.

– Ну и ладненько, – улыбнулась Аида Адамовна. – Надеюсь, вам здесь понравится. Народ у нас хороший: дружный, работающий.

Уткин кивнул и поднялся, пряча паспорт и военный билет в карман.

– А скажите, почему у вас в здании так тихо? – спросил он.

Аида Адамовна подняла брови:

– Вы что, забыли, что сейчас июль, время летних отпусков? Большинство сотрудников на отдыхе. Вот подождите, к сентябрю тут столько шума будет, что покоя захочется!

– А у вас когда отпуск, если не секрет? – спросил Уткин: ему уже хотелось, чтобы Аида Адамовна оставалась на работе, и он мог бы встречаться с нею каждый день.

– Я всего три дня как с моря вернулась. Разве по загару не видно? – и она, сделав вид, будто собирается спустить бретельку, озорно посмотрела на него и весело рассмеялась. – Отдохнула, на весь год солнечной энергией запаслась!

Уткин попрощался.

– Всего вам хорошего, – Аида Адамовна крепко, по-мужски пожала ему руку и добавила: – Завтра, к девяти утра, жду вас. Да, а почему вы не интересуетесь, сколько вы получать будете? Готовы бесплатно работать?

– А сколько, если не секрет?

– Ставка у вас – пять с половиной тысяч. Хорошо зарекомендуете себя – будете ещё больше получать. Такая сумма вас устроит?

– Вполне, – стараясь говорить как можно спокойнее, чтобы не выдать рвущееся наружу ликование, сказал Уткин. – По нашим временам зарплата неплохая.

А сам подумал: «Бог ты мой, какая удача! Пять с половиной тысяч! Да я теперь буржуем, навряд ли Сороса или Абрамовича, чувствовать себя буду».

Он вышел из кабинета Лебедевой окрылённый, с блаженной улыбкой на губах. Хотелось не идти, а лететь, так что приходилось сдерживать себя, чтобы не побежать вприпрыжку.

Навстречу ему шли двое молодых людей в одинаковых черных костюмах. Это, по-видимому, были сотрудники фирмы. Они внимательно посмотрели на Уткина, и он, мгновенно стерев улыбку с лица, кивнул им и прошёл мимо. Уже у самой лестницы он оглянулся: молодые люди стояли и смотрели

ему вслед, о чем-то переговариваясь, и от этих любопытных взглядов и перешёптывания ему стало как-то не по себе: во всём этом почувствовалась ему насмешка, а насмешек он боялся больше всего.

3

И все-таки домой он летел как на крыльях. Неудержимая радость переполняла сердце, хотелось петь и смеяться, чего он давно уже не испытывал. Как же обрадуется жена, когда он сообщит ей о том, что нашёл себе хорошую работу и теперь будет получать огромную, прямо-таки фантастическую зарплату! Теперь он полноценный глава семьи, а не иждивенец, кем был прошедшие полгода.

Только выйдя на улицу Энгельса, он заметил, что тучи рассеялись и всё вокруг залито ликующим солнечным светом. Тротуары уже не выглядели такими мокрыми и грязными, как утром; омытые дождём деревья и трава на газонах посветлели, очистились от пыли и теперь радовали взор яркой, звонкой зеленью. Даже лица людей повеселели, стали добрее и приветливее.

На углу улиц Энгельса и Садовой, остановившись у перехода в ожидании зелёного огня светофора, он огляделся и тут заметил медленно приближающуюся к перекрёстку оранжевую «Ниву», которую видел у офиса «Эребуса». Какая-то легкая волна беспокойства неизвестно почему на мгновение омыла его сердце, но сразу схлынула, потому что внимание его тут же отвлёк на себя щупленький старичок, попытавшийся перейти улицу на красный свет и чуть было не угодивший под колеса голубого «Москвича».

Потом загорелся зелёный свет, и Уткин, перейдя дорогу, пошёл по Садовой. Об оранжевой «Ниве» он так и не вспомнил больше до тех пор,

пока не оглянулся случайно назад. Машина ползла по улице, словно водитель её боялся потерять его из виду. Теперь он испытывал не просто тревогу, а нечто похожее на страх. Черт возьми, выходит, что за ним и в самом деле следят! Кто они, кому это он дорогу перешёл?

Уткин ускорил шаги, то и дело оглядываясь. «Нива» тоже поехала быстрее. Тогда он свернул на боковую улицу и нырнул в первый попавшийся магазин. Подойдя к прилавку, оглянулся: автомобиль медленно поехал дальше.

Уткин решил задержаться здесь подольше: пусть водитель «Нивы» потеряет его из виду.

Это был магазин канцелярских товаров. Чего тут только не было! Разнообразные ручки, карандаши, краски и кисти, бумага в пачках, калькуляторы, чертёжные инструменты и много всякого другого добра, о котором лет десять назад можно было только мечтать.

Он присмотрел себе красиво оформленный ежедневник и набор авторучек, а для сына – толстый альбом и коробку акварельных красок, решив, что купит всё это сразу же, как только получит первую зарплату.

Когда он вышел из магазина, оранжевой «Нивы» нигде не было видно, и это его как-то сразу успокоило. Вполне возможно, что машина случайно поехала тою же дорогой, по которой шел он. А может, это совсем не та «Нива», которая стояла у здания фирмы. Мало ли в городе одинаковых «Нив»?

Поднявшись в свою квартиру, он переоделся в домашнюю одежду, причёсался у трюмо, стоящего у окна, и тут его взгляд случайно упал на улицу. «Нива» остановилась напротив его дома, и водитель её, грузный мужчина с висячими чёрными

усами, одетый в чёрную майку с надписью «BOSS» на груди, в бейсболке с длинным козырьком, дымил рядом с ней сигаретой и смотрел на окна квартиры Уткиных.

– Фу ты, чёрт! – выругался вслух Игорь Ильич. – Всё-таки за мною и в самом деле следят!

Сердце застучало лихорадочно, как после быстрого бега, и под мышками вспотело.

Что за странная фирма такая, что всюду понатыкано телекамер, да ещё и на улице за её работниками следят? Кто этот человек? Сотрудник «Эребуса» или, может быть, незадачливый претендент на место юрисконсульта, недовольный тем, что Уткин его опередил? Уж не собирается ли этот амбал припугнуть Игоря Ильича, чтобы тот уступил ему место? По виду он настоящий головорез, которому человека убить – всё равно что комара прихлопнуть.

Громила достал из кармана мобильник, набрал номер, сказал несколько слов, потом сел за руль, машина сорвалась с места, а Уткин без сил упал на стул и глубоко задумался. Странное беспокойство овладело им. От радости, с которой вышел из конторы фирмы, не осталось и следа. Напрасно убеждал он себя в том, что никакой опасности нет, что его тревога – следствие расшатанных нервов; немало времени прошло, прежде чем ему удалось успокоиться.

4

Жена, придя домой, до слёз обрадовалась известию о том, что Игорь Ильич нашёл работу, да еще и высокооплачиваемую. Она даже поцеловала его, чего не делала уже много лет после тяжелой размолвки, виновницей которой сама же и была. Тогда он чуть было не ушёл от неё, и только боязнь потерять сына удержала его в семье, но отношения с женой разладились с тех пор окончательно.

Уткин не стал ей ничего говорить об оранжевой «Ниве»: пусть уж лучше остаётся в неведении, иначе опять начнутся упреки: «Вечно у тебя всё не так, как у людей! Не успел на работу поступить, а уже неприятности начались! Вот придёшь завтра, а тебе скажут, что ошибка произошла, что на твое место уже другого взяли». Её мнительность Игорю Ильичу хорошо известна.

Впрочем, к вечеру он и сам совершенно успокоился. Вполне возможно, что всё это – просто случайные совпадения: и на улицу к ним человек этот по каким-нибудь своим делам заехал, и напротив его дома остановился тоже случайно. Не стоит раньше времени труса праздновать. Доживём до завтра: утро вечера мудренее.

Жена на радостях устроила небольшой праздничный ужин – с пельменями и даже бутылкой марочного вина, вкус которого Уткин давно уже успел забыть.

Вечером он обстоятельно подготовился к завтрашнему дню: выгладил свой чёрный костюм, свежую белую рубашку, нашёл серый в крапинку галстук. Шляпа, правда, порыжела от солнца и дождей, но до осенних холодов ещё далеко, так что пока можно будет обойтись и без шляпы.

На службу Уткин явился за пять минут до девяти и сразу направился в отдел кадров. Аида Адамовна была уже у себя. Она сидела у распахнутого настёжь окна, положив ногу на ногу, и курила длинную сигарету с золотистым фильтром. Жужжавший на столе вентилятор выгонял дым в окно, развеивал ее волосы, и они сияли золотым ореолом вокруг её тонкого лица. На ней было платье из серебристого шёлка, длинное, с боковым разрезом, открывавшим стройное загорелое бедро до самого верха.

Увидев Уткина, Аида Адамовна встала, выключила вентилятор, положила сигарету в хрустальную пепельницу и пошла навстречу ему, протягивая обе руки.

– Рада вас видеть, Игорь Ильич, – приветствовала она его. – Всё в порядке: приказ готов, ваш кабинет ждет вас. Идёмте, покажу его.

Она пошла впереди него по коридору легкой танцующей походкой, высокая, стройная, вся переливающаяся серебряным блеском. Огненно-рыжие волосы развеивались от сквозняка, как знамя.

«Господи, до чего же хороша! – изумился Уткин. – Серебристая рыбка, а не женщина. Русалка настоящая! Взгляд оторвать невозможно! Откуда только берутся такие красавицы?»

На двери кабинета, расположенного напротив директорского, уже висела красивая табличка:

Юрисконсульт
УТКИН
Игорь Ильич

Аида Адамовна отперла дверь и торжественно вручила ключ Уткину.

– Теперь вы здесь хозяин. Чувствуйте себя как дома. Захочется чаю, заходите ко мне – всегда вам рада!

Чувствовать себя как дома в таком роскошном кабинете было непросто. Дорогие матовые обои на стенах, итальянская мебель, кондиционер в окне, красивая настольная лампа, роскошный мягкий палас, занимающий всю комнату – всё это было так не похоже на убогую обстановку его квартиры. На стене висела хорошая копия знакомой Уткину картины Клода Моне «Стог сена в Живерни»: жаркое полуденное солнце, фиолетовый стог на переднем

плане, поодаль другой, а за ними – длинный ряд пирамидальных тополей.

Аида Адамовна пошла было к двери, но, взявшись за ручку, обернулась и предупредила:

– Курить в кабинетах у нас не положено. Для этого отведено место в туалете. А здесь под потолком – вон, видите? – пожарная сигнализация. Попадёт в неё дым – такой вой подымет, хоть святых выноси! Только мне и Анне Германовне, секретарше нашей, это не возбраняется, в форточку курим.

Она ласково улыбнулась и вышла. Посидев немного в кресле, Уткин осмотрел кабинет, даже в шкафы заглянул и вздохнул облегчённо: телекамеры нигде не было. Правда, это не сделало его менее недоверчивым. После вчерашней слежки на душе было беспокойно. Наверняка где-то здесь спрятан «жучок», чтобы подслушивать ведущиеся в кабинете разговоры. На всякий случай Игорь Ильич заглянул под крышку стола, вытащил все ящики и осмотрел их дно, проверил настольную лампу – подслушивающего устройства нигде не было. Если оно и есть, то скорее всего спрятано в телефонном аппарате, но не будешь же его разбирать! Одно ясно: вести себя здесь следует предельно осторожно, не болтать ничего лишнего, иначе сразу же лишишься места. А это в его планы не входит: безработицы он уже хлебнул по горло.

Уткин ещё раз зачем-то заглянул в пустые ящики, перебрал карандаши и авторучки в пластиковом стакане, передвинул на край стола стопку чистой бумаги и вдруг почувствовал себя обманщиком, собирающимся получать высокую зарплату, ничего не делая. Походив по кабинету и порывшись в шкафах, наполненных юридической литературой, он вдруг решительно вышел из кабинета и открыл дверь приёмной.

Анна Германовна вопросительно подняла на него свои холодные рыбы глаза.

– Могу я поговорить с директором? – спросил Уткин.

Секретарша как-то нелепо дёрнула головой и почему-то испуганно посмотрела на него. «Отчего это она так встрепелась? – удивился он. – Вроде бы ничего крамольного я не сказал».

– К нему нельзя! – горячо запротестовала Анна Германовна. – Он очень занят! А что вы хотели?

– Да ничего особенного, – успокоил ее Уткин. – Я просто хотел спросить, какую работу мне делать. Не привык я на службе бездельничать.

– Это похвально, – серьёзно сказала секретарша. – Но пока вы можете спокойно заниматься чтением специальной литературы. Освежите свои знания. А когда вы понадобится, я вас извещу. Директора по таким пустякам у нас беспокоить не принято.

– Хорошо, – согласился Уткин и вышел. Хотелось курить, и он направился в туалет. Там, у открытого окна, курили те двое молодых людей, которых он встретил вчера в коридоре. Игорь Ильич поздоровался. Один из парней, черноволосый и загорелый, спросил:

– Вы наш новый юрист?

– Да.

– Тогда давайте знакомиться.

– Игорь, – представился Уткин.

– А отчество? – спросил черноволосый. – У нас тут негласный приказ действует: в стенах офиса называть друг друга только по имени и отчеству. А за пределами этого заведения можно и по-свойски, по именам, а если есть охота и взаимное согласие, то хоть и по кличкам.

– Ясно. Уткин, Игорь Ильич.

– А я – Евгений Петрович Поляков, – сказал черноволосый.

Его товарищ, красивый, белокурый, с ровным пробором в волосах, тоже подал Уткину руку и представился:

– Юрий Эрихович Альбрехт, русскоязычный немец, сбежавший из Казахстана от горячей дружбы народов.

И он, весело рассмеявшись, протянул Уткину пачку сигарет «Пётр Первый». Игорь Ильич закурил. Постояли, поговорили о вчерашнем футбольном матче, о назойливой рекламе, которая даже спортивные репортажи посмотреть спокойно не даёт. У выхода из курительной комнаты Уткин пожаловался:

– Хотел сейчас к директору попасть, да ничего не вышло.

Юрий Эрихович спросил, обращаясь к Полякову:

– А ты когда последний раз директора видел?

– Я? Да ни разу за все три года работы.

– А я, – Альбрехт повернулся к Уткину, – уже пятый год в этом присутственном месте служу, а так и не знаю кому. По крайней мере, даже представления не имею, как наш директор выглядит. Может, он марсианин с щупальцами, или рожа у него, как у Фредди Крюгера. Настоящая загадка природы, а не директор. Прямо какой-то «Гудвин, великий и ужасный». О нём говорят, ему подчиняются, перед ним трепещут, а никто его в глаза не видел.

– Доступ к его телу имеет только Анна Германовна, – добавил Поляков.

– Но почему? – удивился Уткин.

– Дальнейшее – молчанье! – процитировал Юрий Эрихович Шекспира и предупредил: – Чем меньше будете знать, тем спокойнее будете спать.

Болтун – находка для врага! – и он с улыбкой прижал палец к губам.

Вышли из туалета. Уткин направился к своему кабинету. И тут неожиданно до слуха его долетели слова, негромко сказанные кем-то из его новых знакомых:

– Бедняга! Еще один кандидат в...

Последнего слова Игорь Ильич не расслышал: то ли «в законники», то ли «в поклонники». А может, «в покойники»? Первое отпадает, потому что он не кандидат, а самый настоящий «законник» – со стажем. Если «кандидат в поклонники», то, по-видимому, речь идет о чарах Аиды Адамовны. Уж не ревнуют ли они её к нему, новичку? А что, если его назвали «кандидатом в покойники»? Что это может означать?

Ему стало как-то не по себе. Он вспомнил оранжевую «Ниву» и её водителя в чёрном и подумал, что, наверное, покоя здесь ему не видать, как вампиру Дракуле рая.

Уткин оглянулся, но Альбрехта и Полякова в коридоре уже не было.

5

И опять город погрузился в нескончаемый удушливый зной, мучительный, отупляющий, изнуряющий мозг и тело. Опять по ночам Уткин метался в измятой постели, на короткое время проваливаясь в тяжелую, полную нелепых видений дрему, и тотчас просыпался в жарком поту, с отчаянно бьющимся сердцем, а утром, не отдохнувший, разморенный, с тяжёлой, отупевшей головой, вяло плёлся на работу. Горячее, трепещущее в сизом мареве солнце яростно накаляло стены и крыши домов, иссушало оцепеневшие в неподвижном воздухе деревья, роняющие пожелтевшие до време-

ни листья, и асфальт под ногами мягко пружинил, источая обжигающий дыхательные пути битумный смрад.

Зато, когда Уткин входил в свой кабинет, его охватывала спасительная прохлада: кондиционер делал свое дело. Даже в пиджаке и галстуке Игорю Ильичу не было жарко.

Шли дни, и он постепенно привыкал к своей новой службе. Работы у него было немного, лишь иногда приходилось проверять проекты договоров, заключаемых предприятиями, «на предмет их соответствия российскому законодательству», как выразилась однажды Анна Германовна.

Игорь Ильич заглядывал в прокуратуру, в отдел внутренних дел, в адвокатскую контору, где у него было немало знакомых, но большую часть времени проводил у себя, в спасительной прохладе кабинета.

В течение августа здание конторы постепенно заполнялось: служащие возвращались из отпуска отдохнувшие, загоревшие до черноты, жизнерадостные. Появилось несколько красивых девушек, и Уткин заметил, что его новые знакомые, Поляков и Альбрехт, проявляют к некоторым из них нескрываемый интерес, с Лебедевой же общаются только по делам службы. Это означало, что Аида Адамовна не занимала большого места в сердцах этих молодых людей, а, следовательно, не как о «поклоннике» говорил тогда о нём один из них в коридоре офиса, а наверняка как о «кандидате в покойники». Но почему? Что могло угрожать его жизни здесь, в этом тихом мирке, где почти все спокойны и доброжелательны друг к другу, кроме разве лишь Горгоны-секретарши, взглядом василиска замораживавшей его, когда он входил к ней в приёмную?

С Альбрехтом и Поляковым у Игоря Ильича сложились к тому времени чуть ли не дружеские отношения. Но особенно подружился он с Аидой Адамовной. Время от времени она приглашала его в свой кабинет на чашку чая.

– Больше всего зелёный люблю, – призналась она. – Ничто так не утоляет жажду, как зелёный чай.

Уткин к зелёному относился довольно равнодушно, однако на приглашения Аиды Адамовны откликнулся охотно. Она была интересна ему как женщина. Он не мог налюбоваться свежей прелестью её тонкого лица, глубокими зелёными омутами глаз. С каждым днём эти омуты всё больше затягивали его в свою бездну, и он чувствовал, что ему всё труднее сопротивляться их могучей манящей силе. Он готов был часами любоваться пламенным ореолом её волос, её кожей, прозрачной, словно розовый мрамор, нежными золотистыми веснушками, её восхитительной фигурой и лёгкой походкой.

Во время одного из таких чаепитий она спросила:

– Ну как вы – привыкли у нас?

– Привык.

– Начальство наше вами довольно. Чувствуется в вас большой профессионализм. Правда, и раньше бывали на вашем месте неплохие профессионалы, но они как-то недолго продержались... – Тут она прикусила язык и опасно посмотрела на телекамеру.

Уткин заметил её заминку и испуг, и это встревожило его. Он попытался вернуть её к этой теме, однако Аида Адамовна готова была говорить о чём угодно, но только не о его предшественниках. Игорь Ильич не понимал, почему мысль о тех, кто был здесь юрисконсультom раньше, так волнует

его. По-видимому, люди эти рассчитывались и уходили, не сработавшись по каким-то причинам с руководством фирмы, но почему это происходило, с чем они были не согласны или в чем провинились – об этом он мог только гадать.

Каждый день в коридоре встречал Уткин пожилую уборщицу, в первый его визит сюда указавшую ему дорогу к директорскому кабинету. Он всегда приветливо здоровался с нею, иногда даже останавливался, чтобы переброситься с нею двумя-тремя незначительными словами. И вот однажды она остановила его у самого входа в контору и, оглядевшись по сторонам, обратилась к нему:

– Игорь Ильич, мне ваш совет нужен. В юридическую консультацию идти боязно: там, говорят, деньги большие платить надо, а откуда они у меня? Конечно, тут зарплата у технички чуть больше, чем в школе (я раньше в школе работала), но нам с сыном денег этих еле-еле хватает, чтоб до новой полочки дотянуть.

Уткин спросил, какой совет ей нужен, и она, пожаловавшись на больное сердце, сказала, что боится умереть в одночасье, и тогда мальчик останется без наследства, поэтому хотела бы узнать, надо ли ей составлять завещание, или сын и без завещания сможет получить материнскую квартиру и всю обстановку. Главное, чтоб ему большую пошлину платить не пришлось, потому что он пока ещё школьник и зарабатывать начнёт не скоро.

Уткин объяснил ей, как следует поступить в ее случае.

– Вот спасибо! – обрадовалась уборщица. – Хороший вы человек, Игорь Ильич, добрый. У нас тут, на вашем месте, всякие были, четыре человека при мне сменилось, но только один был не гордый, а такой, как вы.

– А почему они ушли? – спросил Уткин. – Нашли места получше или их за что-то уволили?

– Померли они все, – понизив голос, сказала уборщица. – Все, как один, померли.

– Померли? – встревожился Игорь Ильич. – Но почему?

Уборщица испуганно огляделась, потом, схватив ведро и швабру, сказала:

– Ой, заболталась я тут с вами, а мне коридор ещё вымыть надо!

И она поспешно засемила прочь от Уткина.

6

Этот разговор заставил Игоря Ильича серьезно задуматься о своей судьбе. Теперь ему ясно стало, что Поляков и Альбрехт называли его тогда именно «кандидатом в покойники», потому что знали: тот, кто занял должность юрисконсульта в фирме «Эребус», долго на этом свете не задержится.

Но почему? Что случилось с его предшественниками? Почему они – все четверо – умерли? Вопрос этот не давал покоя ни днём, ни ночью.

Но однажды его осенила идея: надо перелистать подшивки городской газеты за прошлые годы – а вдруг там удастся найти какую-то загадку. В один из субботних вечеров он зашёл в читальный зал городской библиотеки и попросил подшивки за нынешний и прошлый годы. Листая их, он обращал внимание на соболезнования, обведённые траурной рамкой. В одном из майских номеров оказалось такое сообщение:

Сотрудники фирмы «Эребус»
с прискорбием извещают о том,
что после тяжелой и продолжительной
болезни скончался юрисконсульт

ПЕЧЕРНИКОВ
Василий Васильевич,
и выражают соболезнование
родным и близким покойного

В прошлогодней подшивке подобных сообщений не было, и Уткин попросил газеты за два предыдущих года. Вскоре взгляд его остановился ещё на одной траурной рамке. Фирма «Эребус» выражала соболезнование семье юриконсультанта Иванова Николая Петровича в связи с его трагической гибелью. Годом раньше погиб юриконсультант Шевченко Максим Андреевич, и в тот же год какая-то трагическая участь постигла и Строгих Михаила Петровича.

Итак, теперь он знал имена всех четырёх юриконсультантов фирмы, умерших один за другим. Но неизвестно было, отчего погибли они. Узнать это можно только одним способом – найти и расспросить их родственников. Уж они-то едва ли станут скрывать обстоятельства гибели своих мужей, братьев или отцов.

7

Постепенно лето истратило свой пыл. Свет солнца стал жидким, болезненно-жёлтым, сухая жара сменилась влажной прохладой. Пришла осень. Богатыми, празднично-яркими красками расцвел октябрь листву деревьев и кустов; стал чище, яснее ультрамариновый купол неба, и один за другим потянулись по нему чёткие журавлиные клинья.

К этому времени Игорь Ильич уже совершенно привык к новому месту службы. Особых трудностей в работе он не испытывал, никто ни разу не упрекнул его ни в чём, напротив, – он даже получил

солидную премию. С большим удовлетворением отметил Уткин про себя, что семья его понемногу выбирается из бедности: сыну купили куртку и ботинки, кожаный ранец с бронзовыми накладками, жене – зимние сапоги, а сам Игорь Ильич стал обладателем нового чёрного костюма и шляпы. И питались они теперь намного лучше, чем прежде.

Жена Надя стала заметно мягче, добрее относиться к нему, хотя той, давнишней нежности, утраченной в последние годы, по-прежнему не было. Но сейчас это почему-то не тревожило его так, как тревожило раньше.

Он добился успеха, о котором недавно и мечтать не смел. Казалось бы, живи и радуйся, но какой-то червь сомнения постоянно точил его душу. Игорь Ильич не переставал думать о своих предшественниках, погибших неизвестно почему за последние четыре года. А тут ещё чуть ли не каждое утро, подходя к офису, он видел мальчика-олигофрена, сказавшего ему в первую встречу: «Дядя, не ходи туда!» Теперь он, правда, молчал, но провожал Уткина взглядом, полным укоризны, и это очень беспокоило Игоря Ильича. Что он знает, этот больной мальчик, о будущей судьбе Уткина, какие предчувствия посещают его? Может, и другим юриконсультантам фирмы он говорил те же слова, что сказал ему: «Дядя, не ходи туда!»? Не ожидает ли и Игоря Ильича та же печальная участь, которая постигла его предшественников, если он не сумеет избежать какой-то неведомой ошибки, которую, по-видимому, совершили они, за что и заплатились жизнями? Неужели должность юриконсультанта в «Эребусе» – проклятое место?

Смущало его и кое-что другое. Сотрудников фирмы в здании было не менее трёх десятков, но никакого шума, о котором говорила в июле Аида

Адамовна, слышно не было. Напротив, разговоры велись вполголоса, как-то опасливо. Иногда Уткин заходил то к Альбрехту, то к Полякову, время от времени тот или другой заглядывали к нему в кабинет; встречались они и в курительной комнате. Наверное, и другие сотрудники заходили друг к другу поболтать о том о сём, но Игорь Ильич о таких визитах ничего не знал.

Зато у Аиды Адамовны он бывал часто. Они пили чай или кофе, обсуждали телепередачи и прочитанные книги, но о делах фирмы не разговаривали никогда.

Постепенно у него сложилось убеждение, что Аида Адамовна равнодушна к нему. Ей явно приятно было его общество и очень хотелось понравиться ему. Она то и дело принимала соблазнительные позы, при этом испытующе поглядывая на него, будто любуясь произведенным эффектом, и Уткин чувствовал, что его всё больше влечёт к ней.

Невозможно было не любоваться ею. У неё было удлинённое лицо с острым подбородком и пушистые ресницы, как у Мадонны с картины Эль Греко «Святое семейство». Раньше Уткин считал выдумкой поэтов-романтиков слова о сиянии любимых глаз, об излучаемом ими свете, но теперь ему самому стало казаться, будто глаза Аиды Адамовны и вправду горят зелёным мерцающим огнём. Стройная, легкая, весёлая, она так непохожа была на его жену, с её двойным подбородком и оплывшей, погрузневшей фигурой, с постоянно усталым и недовольным выражением лица.

Когда Аида Адамовна бросала на Уткина свой колдовской взгляд, у него сладко замирало сердце, и ему немалых усилий стоило сдержать свои порывы: так хотелось обнять её и говорить, без конца говорить ей о любви.

Он убеждал себя, что не имеет права любить её: у него жена, сын Митя, которому нужен отец, но, вопреки этому, чувствовал, что какая-то могучая сила, противостоять которой он уже не может, несёт его навстречу неизвестности.

Однажды после рабочего дня, когда они вместе вышли на улицу, он предложил Аиде Адамовне зайти в кафе и посидеть там за бутылкой вина.

– А знаете что, – сказала она, – пойдём-ка мы лучше ко мне. Не люблю многолюдья, шума, а дома у меня есть бутылка отличного французского коньяка (друзья из Питера летом в подарок привезли). Пить в одиночку я не люблю, поэтому прошу вас составить мне компанию. Посидим, хорошую музыку послушаем. Вы любите классическую музыку?

– Очень люблю.

– Вот и ладненько! У меня уйма замечательных записей. Заодно и поболтаем о том о сём.

Уткин как-то сразу, без колебаний, согласился. Ему подумалось, что, может, удастся выведать что-нибудь о прежних юристах фирмы. Должен же он понять, чего ему следует остерегаться, заняв должность юрисконсульта.

Аида Адамовна жила в просторной трёхкомнатной квартире, неплохо обставленной.

– Это хижина мне при разводе досталась, – сказала она. – Её купил муж, но когда мы с ним разъезжались, он предпочёл забрать свой любимый «мерседес», всю радио- и телеаппаратуру, ну и, конечно, дачу, где у него огромная мастерская на втором этаже. А мне квартиру уступил. Должна же я где-то жить, верно? Прихватил он и кое-что из мебели, так что мне пришлось потом уже некоторые вещи прикупить. Как вам моё гнездышко?

– Очень уютное.

– Хотели бы в таком жить?

– Не отказался бы. У нас только две комнаты, причем совсем маленькие. Теснота ужасная. А мебель собирали – с бору по сосенке.

– Вы пока посидите, – сказала Аида Адамовна, ставя на проигрыватель пластинку (это был Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского), – музыку послушайте, а я пойду переоденусь. – И она вышла в соседнюю комнату.

Уткин осмотрелся. Его внимание привлекла картина, изображающая обнажённую женщину. Он подошел поближе. Это была работа, выполненная пастелью, явно рукою большого мастера. На ней изображена была Аида Адамовна, сидящая в обитом светло-голубым шёлком кресле, положив ногу на ногу и подперев голову рукой. Золотистые волосы рассыпались по плечам, и всё тело освещено было мягким рассеянным светом, трепещущим на нежном перламутре кожи.

Уткин на мгновение задохнулся от волнения, так неотразима была эта женщина в сиянии своей восхитительной наготы. Он стоял и смотрел на картину в каком-то ошеломлении, с учащённо бьющимся сердцем, и даже не заметил, как Аида Адамовна, неслышно ступая по мягкому ковру, подошла и остановилась позади него.

– Что, нравится? – спросила она, и он от неожиданности вздрогнул, потом, прокашлявшись, ответил:

– Очень! Просто удивительно! Кто же это сделал?

– Мой бывший муж. Он у меня большой талант был. Вы даже представить себе не можете, сколько превосходных картин он написал. Даже две персональные выставки у него были. Кстати, у вас в кабинете копия с картины Моне висит, так это тоже

его работа. И ещё копии есть – в других кабинетах, это наше начальство ему заказало. Вы, наверное, не поверите, но Анна Германовна – большая поклонница импрессионистов. Именно ей в голову пришло заказать ему копии их картин. Немало у него, конечно, и оригинальных работ. Копии – это так, для заработка. Он у меня портретист модный был. Ему городские тузы портреты парадные заказывали – свои, а также жён своих и любовниц. И новые русские буржуи от них отставать не хотели. Так что жили мы с мужем не хуже Рубенса в пору расцвета его таланта, ни в чем отказа не знали.

– Вы всё время говорите: был. Он что, умер уже?

– Да нет, жив курилка! Даже новой подружкой обзавёлся недавно. Только боюсь, что и эта у него долго не задержится: больно уж он с Бахусом дружен, а как напьётся, такие чудеса творит, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Кто с таким уживётся? Я, например, не смогла. Но себя он ни в чём никогда не винит. Считает, что пьянство и дебоширство – это неизбежная плата за гениальность. Не может гений жить, как все другие живут. Ван Гога, Гогена, Тулуз-Лотрека в пример приводит, говорит, что они тоже были не мёд, а он чем хуже их? Гений выше всякой морали, и окружающие должны с этим считаться и всё ему прощать.

Уткин по-прежнему не мог оторвать глаз от картины. И тогда Аида Адамовна потянула его за рукав.

– Ну ладно, посмотрели и хватит! А то у вас до того глаза от портрета разгорелись, что боюсь, как бы вы на оригинал не набросились! Идемте лучше коньяк пить.

Она усадила его на диван, пододвинула изящный журнальный столик, достала из холодильника большую коробку шоколадных конфет, порезала

лимон и засыпала его сахаром, налила в хрустальные рюмки золотистый ароматный коньяк. На ней была белая шелковая блузка с пояском и чёрная юбка.

– Давайте выпьем за удачу во всех наших делах! – предложила она.

Коньяк приятно обжог гортань, в груди сразу потеплело, и Уткин почувствовал себя вдруг уютно и спокойно, чего уже давно с ним не случалось. Аида Адамовна что-то говорила и весело смеялась, а он не сводил с неё глаз и не слышал её слов, потому что думал о том, что, если бы они встретились лет десять назад, жизнь его могла бы сложиться иначе.

– А теперь – за любовь! – сказала Аида Адамовна, посмотрев на Уткина таким призывно-нежным взглядом, что у него сладко защемило в груди.

Игорь Ильич давно уже не пил, и с непривычки после второй рюмки комната вдруг медленно поплыла у него перед глазами. Все тревоги и сомнения отодвинулись куда-то в сторону, и будущее озарилось новым, магическим светом, мир стал представляться ему гармоничным и радостным, каким казался разве только в детстве, да и то лишь иногда. Сейчас он любил всё: и ветер, раскачивающий за окнами чёрные сплетения ветвей, и голубоватые фонари на столбах, и рёв автобусов, сотрясающий стекла и извлекающий нежный звон хрустальной посуды в шкафу, и уютный зеленоватый полумрак комнаты. Но больше всего этого нравилась ему Аида Адамовна, её тонкое лицо, её роскошные волосы, обнажённые до плеч руки, тонкий стан, перетянутый шёлковым поясом.

– Третью давайте выпьем на брудершафт, – с улыбкой предложила Аида Адамовна. – Мы с вами давно друзья, а до сих пор на «вы». Пора с этим закончить. Согласны?

Они встали и выпили.

– Теперь положено поцеловаться, – заметила она и, обвив шею Уткина руками, крепко поцеловала его в губы долгим обжигающим поцелуем.

Кровь ударила ему в голову, всё тело обдало жаром, и он на миг перестал соображать, что делает; рука его непроизвольно скользнула под блузку, ощутив пьянящую прохладу шелковистой кожи, гибкую спину с нежной ложбинкой посередине. В тот же миг Аида Адамовна выскользнула из его рук и с улыбкой, в которой Игорю Ильичу почудилась насмешка, сказала:

– Ишь, какой быстрый! Потерпи, вот познакомимся поближе, тогда...

Уткин готов был сквозь землю провалиться от стыда. Весь хмель сразу вылетел из головы. Он совершил непростительную ошибку, которой теперь будет стыдиться всю жизнь. Как он мог до такой степени утратить самоконтроль? Ведь раньше он всегда вёл себя с женщинами сдержанно, почти робко, боясь быть отвергнутым и опозоренным. Пуще всего в жизни его страшила возможность стать смешным в глазах других людей. А вот теперь он так оконфузился – и всё потому, что не смог сдерживать своих эмоций, поддавшись действию хмеля.

– Простите, Аида Адамовна! – пробормотал он, чувствуя, что лицо его покрылось густой краской стыда. – Не знаю, что со мной случилось. Не надо было пить. Пожалуйста, не подумайте, что я такой уж нахал и бабник!

– Мы теперь на «ты», – поправила она его. – Называй меня просто «Ида», как друзья зовут. И не красней, как мальчик: ничего страшного не случилось, нормальная мужская реакция.

Они опять сели на диван. Через некоторое время Аида Адамовна опять наполнила рюмки.

– Выпьем за нашу дружбу! – торжественно сказала она, и Уткин вдруг почувствовал себя с нею легко и свободно, будто никакого конфуза с ним и не случилось. Смущение его как-то сразу прошло, и он, испытующе глядя на Аиду Адамовну, спросил:

– У тебя, наверное, немало поклонников?

– Не жалуюсь, – засмеялась она.

– И Геннадий Иосифович в их числе?

– Наш директор? Да ты что? Я его никогда в глаза не видела.

– Почему? – удивился Уткин.

– А кто его знает почему! Да его никто не видел, кроме нашей мегеры-секретарши. Но ту хоть на куски режь, всё равно ни слова не добьёшься!

– Не может быть, чтобы никто его не видел! – не поверил Уткин. – Он ведь на работу приезжает? А значит, к кабинету ему волей-неволей приходится по коридору идти.

Аида долго молчала, двигая пустую рюмку взад и вперед по гладкой поверхности столика, потом подняла глаза и заговорила:

– В том-то и дело, что нет – в коридоре он не появляется. Даже в приёмную никогда не выходит. Но я часто из окна своего кабинета вижу, как во двор чёрный «мерседес» въезжает. Стёкла затемнённые, поэтому невозможно разглядеть, кто там, внутри, сидит. Поднимут дверь гаража, машина туда въедет, и дверь сразу опускается. Наверное, из гаража в кабинет директора ведет потайная лестница. Бывает, что во двор какие-то парни въезжают, здоровенные, в чёрных майках и таких же кепках, по виду – настоящие бандиты, как их в кино изображают. Входят в гараж и надолго там пропадают. Инструкции они от него получают, что ли?

– И всё-таки, почему он на людях не появляется? – любопытствовал Уткин. – Зачем вся эта таинственность?

– Кто же его знает. Это тайна за семью печатями. Было время – мы все тут гадали, отчего это он от людей прячется, но так ни к чему и не пришли. Говорили, что, возможно, у директора нашего агрофобия, боязнь открытых пространств.

– Да, но ведь коридор или приёмная вовсе не открытое пространство, – возразил Уткин. – Тут, скорее всего, какая-то другая причина. Может, он покушений боится? В России сейчас многих бизнесменов его ранга на тот свет отправляют.

– Кто знает, может, и в самом деле он за шкуру свою боится. А может, у него заячья губа, или горб, или ещё какое уродство. А возможно, он просто людей боится. Я знала одну женщину, которая только по ночам осмеливалась из дому выходить. То ли она чужих людей стеснялась, то ли мизантропия у нее была, но на людях она не показывалась. Так и умерла старой девой. Хорошо ещё, что с матерью жила, не то с голоду померла бы, потому что даже в магазин за продуктами не ходила.

– Но хоть что-нибудь о директоре известно?

– Ничего, кроме имени и фамилии. Молодой он или старый, красивый или безобразный – всё это для нас тайна. А вот он о нас знает всё. Недаром везде телекамеры повешаны, за каждым шагом нашим следят. Да и эта карга старая, Анна Германовна, всё о нас ему докладывает. А в кабинете у него двойная дверь. И, если секретарша к директору входит, дверь автоматически запирается. А вообще, я даже голоса директорского ни разу не слышала, все его распоряжения нам через секретаршу передаются.

– Чёрт знает что! – возмутился Уткин. – Кафки они начитались, что ли? Таковую тень на плетень навели!

– Только о нашем с тобой разговоре никому ни слова! – предупредила Аида. – Не то мы с тобой с работы вылетим, как пробки из бутылки с шампанским. Не знаю, как ты, а я своим местом дорожу. Не хотелось бы мне опять, как до свадьбы, супчиком пустым питаться да в ситцевых платящих щеголять!

Уткин заверил её, что будет держать язык за зубами. После некоторого колебания он всё-таки решил задать ей давно уже мучивший его вопрос:

– Скажи, Ида, отчего всё-таки погибли трое ваших прежних юрисконсультов?

Аида Адамовна подняла на него глаза, и в них он увидел неприкрытый страх.

– Ты прости, но на этот вопрос я не могу тебе ответить, – сказала она после продолжительного молчания. – Это запретная тема. Да и не знаю я ничего, могу только догадываться. Будь благоразумным, не задавай его никому, иначе...

Она опять замолчала. Потом встала, прошлась по комнате и, остановившись перед ним, добавила:

– Помни, что ты дал обязательство не разглашать тайн фирмы. В каждой фирме есть свой скелет в шкафу. А мёртвые, бывает, хватают живых. Не дай Бог, если это случится с нами. Забудем об этом! Каждый должен делать своё дело и держать язык за зубами. Я очень надеюсь, что участь твоих предшественников тебя минует. Только молчи, пожалуйста. Ты мне очень дорог, и мне бы не хотелось потерять тебя!

8

В этот вечер Уткин пришел домой поздно, в половине одиннадцатого. Жена встретила его неприветливо:

– Что так поздно? Где ты был?

Уткин чуть было не брякнул, как толстяк из телерекламы: «Пиво пил», но вовремя прикусил язык, поняв, что жене не до шуток, а значит, может получиться грандиозный скандал, и попытался оправдаться как можно мягче:

– Да с товарищами по работе в кафе зашел, выпили немного. У одного из наших день рождения. Вот он и пригласил нас на мальчишник.

Надя посмотрела на него недоверчиво, но ничего не сказала. Он сам знал, что врать не умеет и что жена чувствует, когда он говорит неправду. На этот раз она сделала вид, что приняла его объяснение, но тем не менее весь остаток вечера или сердито молчала, или отвечала на его вопросы с явным раздражением.

Перед сном Уткин предупредил её:

– Завтра я тоже задержусь после работы. Надо к Косте Емельянову зайти, дело есть. Да и не виделись давно.

Надя не сказала ни слова, только бросила на него недовольный взгляд.

В эту ночь он долго не мог уснуть. Голова пылала, сердце напряженно билось от возбуждения, по замкнутому кругу ходила одна и та же мысль: зачем пригласила его к себе Аида? Чего она хочет от него, обольщая и одновременно отталкивая, зная, что этим еще больше разжигает в нём огонь страсти? Любит ли она его или просто ведет свою непонятную игру? Может, это просто обычное поведение женщины, привыкшей кружить головы мужчин, быть в центре их внимания, испытывать наслаждение от чужих сердечных страданий?

Разве потерял бы он голову сегодня, не будь поцелуй её так обжигающе страстен? Конечно, и неожиданное опьянение свою роль сыграло, но

даже в таком состоянии он наверняка не решился бы сделать то, что сделал, если бы Аида не поощрила его своим встречным движением.

Но вот что странно: она нисколько не обиделась на такую его вольность, даже напротив – дала понять, что в будущем ему может быть позволено большее. А в таком случае зачем же ему терзаться сейчас угрызениями совести?

И всё-таки он ступил на ненадёжную тропу, где подстерегают его тревоги и опасности. Не было покоя в прошлом, но ещё менее безмятежным обещает быть будущее. Давно уже не испытывает он радости от своей семейной жизни, неустойчивой, вымученной, безнадёжной. Отношения у них с Надей похожи на туго натянутую нить, которая может оборваться в любое мгновение, от малейшего пустяка. Но и начать новую жизнь вне привычной, хотя и тягостной обстановки, вдали от сына, будет ему нелегко.

Подумав об этом, он усмехнулся про себя, потому что вспомнил героя поэмы Байрона «Шильонский узник», который, выйдя из тюрьмы после двадцатилетнего заключения, сразу же вздохнул о своей темнице, потому что отвык от жизни на воле.

Понимал он и то, что Аида уже успела завладеть его сердцем. В голову пришло смешное и глупое сравнение: он уподобился мухе, попавшей на липучку – и сладко, и аромат медовый голову кружит, но это не рай, а гибельная западня, из которой уже не вырваться вовеки.

Резкий порыв ветра налетел на город. словно в панике, замахали чёрными ветвями тополя, их тени заметались по голубому экрану стены, разделённому на прямоугольники переплётом оконной рамы. Потом ветер на минуту-другую затих и налетел опять, ещё более сильным порывом, и тотчас же дробно застучали, забарабанили по стёклам

дождевые капли, и холодная струя воздуха из открытой форточки скользнула по лицу, словно мимоходом коснулась кожи костяная рука призрака.

Игорь Ильич встал и, кутаясь в одеяло, подошёл к окну, чтобы закрыть форточку. Фонари сияли в голубых ореолах мороси, мокрый асфальт сверкал разноцветными зигзагообразными отражениями неоновых реклам, редкие прохожие, согнувшись, спешили укрыться от ветра и дождя в уютных клетках своих квартир. Но Уткин и в собственной квартире не ощущал себя защищённым от неуютности и одиночества. Что-то надломилось в мире и в его душе, и даже намёка на гармонию внутри себя он больше не чувствовал.

Никогда не бывает человеку так одиноко и грустно, как в эту тоскливую пору – пору поздней осени, промозглой, ветреной, мерзкой слизью покрывающей мостовые, сизыми удушливыми клубами туманов заливающей безлюдные ночные коридоры улиц.

От скулящего бездомной собакой ветра, от победной барабанной дроби капель дождевых, от безрадостных бессонных размышлений Уткину захотелось вдруг, как в детстве, накрыться с головой одеялом, чтобы ничего не видеть и не слышать.

9

На следующий вечер он, купив бутылку водки, колбасы и булку хлеба, зашёл к Косте Емельянову.

В детстве, после того как Уткин приехал из деревни, они жили на одной улице и ходили в один и тот же класс. Когда Игорь впервые вошёл в классную комнату, ребята встретили новичка насмешками. Им казались нелепыми его деревенское произношение, короткая стрижка, поношенная ученическая форма. Кое-кто из мальчишек даже стал вызывать его на драку. Но тут неожиданно

подошёл рослый паренек, плечом отпихнул одного из задира и сказал:

– А ну все – брысь по местам, а то в лоб дам!

Потом взял Игоря за рукав и повёл к задней парте.

– Садись со мной, и тебя больше никто не тронет.

Они подружились как-то сразу. Стали ходить друг к другу в гости, вместе купались и загорали на реке, сбегали с одних и тех же уроков, читали одни и те же книги, участвовали в драках с мальчишками, жившими на другом берегу.

Жена Кости Лена встретила Уткина, как всегда, приветливо.

– Что давно глаз не кажешь? – спросила она. – Загордился, что ли?

– Было бы чем гордиться, – сказал Уткин. – А Костя где?

– Да где же ему быть? Как всегда, в гараже возится. Пойдем, заодно и я на него посмотрю, а то уже и лицо его скоро забуду. Если б на ночь домой его не загоняла, так он и спал бы в гараже!

Костя Емельянов возился при свете мощной электрической лампы в моторе белого «БМВ».

– Какие люди! – обрадованно воскликнул он, увидев Уткина. – Где это тебя столько времени черти носили? Почему не заявлялся?

– Без работы полгода сидел, – оправдывался Игорь Ильич. – Фирму нашу закрыли, банкротом объявили, и я на бобах остался. Никого видеть не хотелось. Плакаться в жилетку даже лучшему другу стыдно было: как-то не по-мужски это.

– Ну и зря! – сказал Костя. – Мы же тебе не чужие: чем-нибудь да помогли бы.

– Жили в долгах, как в шелках, – продолжал Игорь Ильич. – Каждый день по городу бегал, ра-

боту искал, да только нашего брата, юриста, наплодилось, как жуков колорадских. Все места заняты, у всех связи – попробуй спихни кого-нибудь! Ну и набедствовался же я!

– И всё-таки зря ты к нам не пришёл. Конечно, по специальности работу я бы тебе не смог найти, но всё равно что-нибудь да придумали бы. Правда, Лена?

– Конечно! – горячо откликнулась его жена и спросила: – А как Надя твоя поживает? С тех пор как я из-за этой чертовой директрисы перешла в другую школу, ничего о ней не знаю.

– Да что с ней станется? Жива, здорова, работает. Зарплата вот только маленькая.

Уткин достал из портфеля бутылку водки, хлеб и колбасу.

– Ты, Лена, не будешь возражать, если мы немного выпьем? – спросил он.

– Когда Костя пьёт с тобою, я могу не волноваться. Только идите лучше на кухню: там и теплее, и чище. Я мешать вам не буду: у меня большая стирка.

– Здесь нам удобнее, – возразил Костя. – Ты бы лучше принесла нам пару стаканов да кое-какую закусу.

Лена ушла. Костя вытащил из ящика старого шкафа нож с наборной рукояткой из пластмассы и стал резать колбасу.

– Помнишь эту финку? Не забыл, как пацаны из Заречья на нас напали – семеро на двоих? Такие широкие в плечах были, пока я им этот ножичек не показал. Враз их ветром сдуло: поняли, что я шутить с ними не настроен.

– Ну и драчливы же мы с тобой были! – рассмеялся Уткин.

Лена принесла всё, что просил муж, и поднялась к себе. Костя разлил водку по стаканам.

– Ну, за встречу!

– За встречу!

Выпили.

– Ну, а сейчас как у тебя с работой? – спросил Костя, жуя колбасу.

– Да вроде бы неплохо. На вашей улице работаю, в фирме «Эребус».

– А, в этом «ребусе» долбаном! – недовольно сказал Костя. – Зря ты с ним связался. Слава у него хреновая! Говорят, нечистые делишки за ним числятся.

– Да ты что? – удивился Уткин. – Первый раз об этом слышу. Я у них юрисконсультом служу, но никаких незаконных махинаций не заметил. А через мои руки немало документов проходит.

– Ага, станут они свои тёмные делишки документально оформлять! Держи карман! Рэкет и всякие другие пакости втихаря делаются. У них тут всё схвачено, все у них на побегушках: и милиция, и суд, и прокуратура. А знаешь, меня тоже к ним вербовали. Я же ещё с армии шоферу, собаку на этом съел. Вот приходит как-то ко мне приятель мой Максим Неретин и предлагает пойти в «Эребус» шофёром-дальнобойщиком. «Зарплата, – говорит, – ого-го! Нигде столько не платят. И командировки хорошие – за границу ездить будешь. Я уже и в Болгарии, и в Польше, и в Германии побывал». Я ему и говорю: «Давай лучше авторемонтную мастерскую откроем. Других таких мастеров, как мы с тобой, в нашем городе днём с огнём не сыщешь; получать будем куда больше, чем в твоём чертовом «ребусе». Не захотел он, а зря. Через полгода мы его схоронили.

– А что случилось?

– А вот слушай. Звонит он мне как-то раз. «Знаешь, говорит, тут такие грязные дела творятся! По

телефону не расскажешь, тем более возле будки одна сволочь огинаяется, подслушивает. Можно я сейчас к тебе зайду? Посоветоваться надо». И что же? Ждал, ждал я его, да так и не дождался. Не дошел он до меня, зарезали его по пути. Говорят, профессионал работал: с одного удара в сердце попал. Но следствие пришло к выводу, что это дело рук хулиганов каких-то. Так я и поверил! И нож тут же, как оказалось, бросили, а на нём ни одного отпечатка: в перчатках гад работал. Вот тебе и хулиганы! Уж те непременно наследили бы. Да и нож дорогой, охотничий, хулиганы его точно забрали бы. Зря ты с этой фирмой связался!

– А куда мне деваться было? – посетовал Уткин.

– Полгода без работы сидел. Знаешь, что это такое? Волком выть готов был. Да и не знал я ничего такого об этом «Эребусе».

– Ну ладно, раз уж так случилось, то хоть будь поосторожней. Не дай себя в какое-нибудь преступное дело втянуть. А то и тебя, как Максима, прикончат и фамилии не спросят! Руки у них, как видно, длинные. Они тут всё паутиной оплели, по всему городу у этой фирмы дочерние предприятия. Мне один их работник, кому я «ауди» отремонтировал, по пьяни выболтал кое-что. У них и розлив водки, и ночные клубы, и даже казино. Да ты, наверное, не хуже меня это знаешь. Лучше уж понемножку зондируй почву в других местах, где можно устроиться, только подальше от этой воровской «малины».

Костя опять наполнил стаканы.

– Давай выпьем за то, чтобы наше теля ихнего волка съело!

– Знаешь, Костя, – пожаловался Уткин, – я и сам чувствую себя не в своей тарелке. До меня за четыре года в фирме сменилось четыре юрисконсульта, и все они на тот свет отправились, причём

только один из них своею смертью умер. Я долго думал, как бы узнать, отчего это на них мор напал. Заглянул в архив фирмы и нашёл там адреса покойников. Побывал у их родственников, и вот что я узнал. Двое стали жертвами несчастных случаев, третьего застрелили, когда он из подъезда своего дома выходил. Боюсь, что им стало известно что-то о тайных делах фирмы, и за это их поспешили убрать. Вот и приходится мне теперь думать, как бы не узнать чего-нибудь опасного.

– Остерегайся, не остерегайся, а узнать можно совершенно случайно. Можешь ты быть уверен в том, что они не узнают про то, что тебе что-то известно? Кто тогда за твою жизнь поручится? Так что бегика ты лучше оттуда поскорее! Не хотелось бы мне друга потерять!

– Да куда же мне деваться? Мы только-только по-людски жить стали – и вдруг опять на голодный паёк садиться! Если я сейчас эту работу брошу, жена мне этого никогда не простит!

– Кстати, как вы сейчас с Надей живете? Если не секрет, конечно. Простил ты ей ту историю с Максимом Переваловым?

– Я-то простил, да она никак мне простить не может того, что я любовь их разбил. Живу с тех пор, как на вулкане.

– Так уйди от неё.

– Ушел бы, давно бы ушел, да Митю жалко. Ну ладно, не будем об этом. Как там Зоя Захаровна?

– Мама молодцом держится, – сказал Костя. – Давно уже на пенсии, а всё никак не угомонится: хозяйством занимается, больным соседям уколы делает. Прирожденная медсестра, ничего не поделаешь.

Уткин засиделся у Кости почти до девяти. Потом, идя по переулку, и трясясь в троллейбусе, и

уже лёжа в постели, чужой и холодной, какой бывает она в гостинице или на полке плацкартного вагона, всё думал и думал об одном – о той неведомой опасности, которая, как ему казалось, исходит от самого здания фирмы «Эребус», этого кроваво-красного особняка, с его белыми пилястрами и уютными стерильными кабинетами, от длинного сухого лица директорской секретарши, всякий раз встречающей его стылым взглядом своих стеклянных глаз и едва заметной презрительной улыбкой. Даже в своём кабинете он постоянно ощущает за спиной чей-то свинцовый взгляд. Оглянется – никого, лишь белая стена, оклеенная дорогими обоями, но чувство тревоги всё равно не проходит.

Думал ли он, поступая на службу в «Эребус», что попадёт в эту атмосферу тревоги и всё более сгущающегося душевного напряжения? Что же делать? Прислушаться к мнению Кости и рассчитаться, пока не поздно? Но кто это поймёт? Уж Надя точно не простит ему трусости. А как же Аида? Сможет ли он расстаться с нею, когда понял, что без неё жизнь его станет мёртвой, бесплодной пустыней?

Он мужчина и должен уметь по-мужски встречать угрозы, откуда бы они ни исходили, и делать своё дело, какие бы препятствия и опасности ни вставали на его пути.

10

Пришел декабрь, морозный, ветреный, унылый. Земля окаменела, скованная чёрной коркой льда; заструилась, засвистела по серому асфальту серебристая змеящаяся позёмка, посыпалась сверху сухая колючая снежная пыль, застонали под упругими порывами ветра тугие провода. Серые бессолнечные дни подавляли сердце и мозг своим безысходным однообразием, хриплыми кри-

ками ворон, визгом галок, к вечеру облепляющих голые ветви деревьев, чтобы потом, когда совсем стемнеет, тихо сняться и улететь на ночлег в далёкий лес, расположенный к востоку от города.

По-прежнему беспокойно было на душе у Уткина. После работы он спешил домой, чтобы помочь Мите подготовиться к завтрашним урокам, прочитать «Аргументы и факты» и «Известия», которые выписал недавно, а сам уже с вечера нетерпеливо ждал наступления утра, чтобы вновь увидеться с Аидой.

Однажды, обедая в кафе вместе с Уткиным, Поляковым и Альбрехтом, она сказала:

– А давайте, мальчики, соберемся сегодня вечером в моей берлоге. У меня вроде бы день рождения. Только не спрашивайте, пожалуйста, сколько мне лет: это моя тайна, а тайны хранить я умею!

Вечер удался на славу. Было шумно и весело. Пили шампанское и коньяк, пели, по очереди танцевали с Аидой Адамовной под магнитофон. Её красота, её жизнерадостность делали значительным любое произнесённое ею слово, любую её шутку, возбуждали желание быть смелым, остроумным, ловким. Игорь Ильич ощущал невыразимое словами блаженство; тёмные стороны жизни, ещё недавно тревожившие его, отступили вдаль; он испытывал радостное чувство близости к красоте, гармонии, чувство свободы от оупляющей житейской прозы. Ревниво следил он за Аидой, когда она танцевала с Поляковым или Альбрехтом и говорила с ними о чем-то, чего ему не было слышно из-за музыки, но, когда она бросала через плечо партнёра нежный, полный любви взгляд на Уткина, в груди у него что-то сладко таяло, и он отвечал ей таким же влюбленным взглядом.

Но чаще всего Игорь Ильич проводил вечера с Аидой наедине. Обычно они пили чай или кофе, слушали музыку, особенно Моцарта, которого Аида любила до самозабвения, вели бесконечные разговоры о литературе и живописи. Эти вечера на некоторое время заряжали Игоря Ильича энергией и оптимизмом, но в конце концов надо было возвращаться домой, а там ждала гнетущая атмосфера давнего недоброжелательства, к которой он так и не сумел привыкнуть за несколько лет. Какие процессы протекали в тёмных глубинах Надиной души, он не знал, но чувствовал, что там всё больше копится какая-то гремучая смесь страшной разрушительной силы, которая однажды взорвётся от одной-единственной крошечной искры и в клочья разнесет тот шаткий мир, который пока ещё существует между ними.

Отношения с Надей ухудшались с каждым днем. Она стала раздражительной, нетерпимой к чужому мнению, всё чаще в разговоре начала переходить на крик. Это и раньше случалось с нею, но Уткин списывал всё это на счёт особенностей её профессии. Как известно, учитель работает в состоянии постоянного стресса, получая чувствительные удары по нервам от учеников, от их родителей, требующих высоких оценок для своих совершенно не желающих учиться чад, от руководства школы и органов образования. А ведь учительница ещё и жена и мать, и дома ждёт её не менее тяжёлая работа: приготовление пищи, стирка, уборка, а потом, поздно ночью, – проверка тетрадей и подготовка к завтрашним урокам. На отдых, на сон времени остается очень мало. Какие нервы способны долго выдерживать подобные нагрузки?

А у Нади ко всему этому прибавились ещё и познания, что у Игоря Ильича появилась женщи-

на на стороне, и это бесило её. Бесило не потому, что она любила его, а потому, что это оскорбляло её чувство собственности. Уткину приходилось изворачиваться, придумывать разнообразные объяснения своих поздних возвращений с работы, но каждый раз он чувствовал, что жена ему не верит. Стыдно было лгать, он к этому не привык, но и сказать правду было трудно: он боялся её истерик, после которых много дней подряд испытывал глубокое отвращение и к ней, и к самому себе.

В один из вечеров, когда он начал излагать придуманную по дороге домой очередную уважительную причину своего опоздания, Надя остановила его:

– Может, хватит лапшу мне на уши вешать? Все эти именинники, захворавшие коллеги, командировки скоростижные – я им давно уже не верю! Ты лучше честно признайся, кто эта рыжая еврейка, с которой тебя не раз уже видели по вечерам? Говорят, красивая баба, а одета – ну прямо принцесса Диана!

Уткин окаменел от неожиданности. Откуда она могла узнать об Аиде? Ему казалось, что они достаточно осторожны, старались вместе не показываться в людных местах, да и квартира Аиды расположена довольно далеко отсюда, в другом районе города.

– Какая ещё баба? – пролепетал он, чувствуя, что бледнеет.

– А это ты мне должен сказать, какая! Как её зовут? Где это ты подцепить её ухитрился?

– Да что ты ко мне пристала? – взорвался Уткин. – Тебе наплели с три короба, а ты уши и развеси! Нет никакой женщины!

– Не-ет? – насмешливо протянула жена. – Так-таки и нет? Ну смотри, не дай Бог узнаю, что врешь, тогда...

– Что тогда? – перешёл на крик Игорь Ильич. – Любви своей лишишь меня? Так я давно уже её от тебя не видел! Ишь ты, угрожать она мне будет!

– Я не угрожаю, а предупреждаю! Но если никакой рыжей красотки нет в природе, чего же ты тогда раскричался? Того и гляди, Митю разбудишь!

Уткину стало стыдно и противно. Он злился и на жену, и на себя самого. На себя – за то, что солгал да еще и накричал на Надю, будто это не он, а она виновата во всём, а на неё – за то, что она затронула столь болезненную для него тему.

Он лёг на диван, отвернувшись к стене. Возбуждение не проходило, сердце готово было вырваться из груди, и нервы были взвинчены до предела. «Что делать? – в который раз спрашивал он себя. – Как поступить?» Рано или поздно решение принимать придётся; если его не примет он, то это сделает Надя. Расстаться с нею – это ещё куда ни шло, всё равно их совместная жизнь уже едва ли когда-нибудь наладится, но как Митю оставить? Без мальчика ему будет невыносимо тяжело, да и сын очень привязан к нему, и как же не хочется, чтобы он остался полусиротой!

Но и без Аиды жить Уткин уже не может. Странно устроен человек: всего каких-то четыре с половиной месяца назад Игорь Ильич даже не подозревал о её существовании, и до чего же быстро овладела она всем его существом, лишила его воли и последних остатков душевного покоя.

Вспомнился ему недавний разговор с Альбрехтом. В один из вечеров Поляков пригласил его и Уткина «обмыть» гонорар, полученный им за статью, опубликованную в какой-то экономической газете. Они сидели втроём в кафе и пили коньяк. Уткин разрешил налить себе всего полрюмки.

– Ты что, «завязал», что ли? – съязвил Поляков.
– Твёрдо встал на путь исправления? Чтобы путёвку в рай себе заработать?

– Да нет, всё обстоит гораздо прозаичней, – хмуро ответил Уткин. – Во-первых, не хочется дома в очередной раз выслушивать лекцию о вреде алкоголя, во-вторых, меня, сказать по правде, больше сам процесс питья интересует, чем его результат. От результатов я потом слишком долго в себя прихожу.

– А мне, – заявил Альбрехт, – нравится и то и другое, так что сегодня я хочу набраться до поросячьего визга.

И он выпил, не дожидаясь товарищей. Уткин и Поляков, переглянувшись, чокнулись и тоже выпили. Некоторое время они молча закусывали, поглядывая на хмурое лицо Альбрехта. Наконец Поляков не выдержал:

– А почто ты нынче, добрый молодец, мрачен, аки туча чёрная, и свиреп и дик, аки лютый зверь?

В ответ Юрий Эрихович процитировал своего любимого Генриха Гейне:

*Ich weiss nicht, was soll es bedeuten,
Dass ich so traurig bin.¹*

Уткин понял смысл сказанного, потому что знал это стихотворение ещё по урокам немецкого в старших классах.

– Warum sind Sie so traurig?² – спросил он, не совсем уверенный в том, что сумел правильно построить фразу.

Альбрехт опустошил ещё один стакан, наполненный Поляковым, и, немного помолчав, сердито сказал:

¹ Я не знаю, что это значит,
Что я так печален.

Г. Гейне

² Почему вы так печальны?

– Знали бы вы, до чего мне всё здесь осточертело! Кроме вас двоих, конечно!

Поляков и Уткин одновременно с усмешкой поклонились и сказали:

– Спасибо!

– Этот грязный вонючий городишко уже в печёнках сидит! И эта мерзопакостная фирма, названная в честь царства вечного мрака, чёрт бы её побрал! И лошадиная морда нашей секретарши у меня неизлечимую аллергию вызывает. Опостылел мне и наш глубоко законспирированный, как разведчик Исаев-Штирлиц, босс, который дёргает за невидимые ниточки, а мы, как марионетки, приплясываем под его музыку. Надоела и эта рыжеволосая валькирия Аида, с её вечной ослепительной улыбкой из теле-рекламы зубной пасты «Колгейт» и бодрым тоном, вдохновляющим нас на трудовые подвиги во имя построения в нашей недоразвитой стране развитого капитализма с человеческой мордой!

При имени Аиды Уткин вздрогнул и бросил на Альбрехта недовольный взгляд. Тот заметил это и сказал:

– Ах да, Игорь Ильич за Аиду может на меня обидеться. Извини, если мои слова тебя задела!

– Почему ты валькирией её назвал?

– Так она валькирия и есть. Настоящая дева-воительница. Или женщина-вамп, чей путь усеян разбитыми мужскими сердцами!

– Перестань, Юра! – попытался остановить его Поляков. – Ты пьян, вот и несёшь ахинею!

– Ну не так уж я и пьян, – возразил Альбрехт. – Просто я сегодня зол, как голодный бультерьер. Скорее бы выбраться из этой крысиной норы на свободу!

– Куда? – поинтересовался Уткин. Он уже немало остыл.

– Nach Deutschland³, на историческую родину. Мои родители уже второй год там живут, невеста моя – Таня Заурих – тоже, а я, чертов отщепенец, по-прежнему российское небо копчу. Знаете, чего я боюсь? Пока я свои документы из ОВИРа получу, моя Танюша замуж за какого-нибудь толстопузого бургера выскочит. Вы бы на моём месте разве стали бы благодушествовать?

Пока Поляков разливал коньяк, Юрий молчал, потом не спеша, явно растягивая удовольствие, выпил и признался:

– А если честно сказать, то я немного побаиваюсь этой перемены в жизни. Да что я говорю: немного? Я панически переезда боюсь! Кем я там буду? Язык пока знаю с пятого на десятое, на уровне дошколёнка немецкого, – всего около года с репетитором занимаюсь. Здесь я хорошим специалистом считаю, а там? Не придётся ли мне посуду в какой-нибудь забегаловке мыть или мостовую подметать, как наши пятнадцатисуточники?

Он поднялся из-за стола и, слегка покачиваясь, сказал:

– Ну ладно, не буду больше вам головы морочить: у вас и своих проблем – хоть отбавляй. Мне пора: я к восьми должен быть в одном месте. А ты, Игорь Ильич, за Аиду на меня не обижайся. Я знаю: она тебе дорога, а я брякнул глупость по пьянке. Она красавица и умница, а всё остальное несущественно. Auf Wiedersehen!⁴

Он пожал Уткину и Полякову руки и пошёл между столами, покачиваясь и напевая:

*Junge Leute
Brauchen Liebe...*⁵

³ В Германию.

⁴ До свидания.

⁵ Молодые люди

Нуждаются в любви.

Сидевшие за столами люди с любопытством провожали его взглядами.

– Не обижайся на него, – сказал Поляков. – Парень он что надо. Просто у него полоса такая. А о разбитых сердцах – это он из своего опыта. Одно время ему тоже не удалось устоять перед чарами Лебедевой, но она предложила ему вместо любви дружбу. Всё давно прошло, он уже другую полюбить успел и даже предложение ей сделал, но старые обиды у всех нас имеют обыкновение время от времени всплывать на поверхность, и с этим уже ничего не поделаешь...

11

Отшумели новогодние праздники, прошло Рождество, и опять потянулись серые, томительные будни. Засыпанный снегом город был наряжен и красив, лёгкий морозец покусывал щёки, вечера были безветренны и сверкали колючими кристалликами звёзд на чёрном небе.

В один из таких вечеров, когда Уткин, возвращаясь с работы, усталый и задумчивый, подходил к дому, его окликнули. Он оглянулся: следом за ним шла женщина в белом пальто из плащевой ткани, какие сейчас носят многие, и в сером шерстяном платке, закрывавшем пол-лица.

– Мне нужно с вами поговорить, Игорь Ильич, – сказала она.

Уткин узнал её только тогда, когда она вплотную подошла к нему и открыла лицо.

– Ира? – удивился он. – Ира Gladkova из ансамбля «Ромашка»? Я не ошибся?

– Тише, прошу вас, тише! – испуганно проговорила она, озираясь по сторонам. – Никто не должен знать, что я в городе.

Уткин удивился еще больше.

– Вы не ошиблись, это в самом деле я, – сказала Gladkova и тут же спросила: – Трудно узнать стало?

– Похудела сильно. Болееешь? Где пропадала столько времени?

– Вот об этом я и хотела с вами поговорить. Но разговор будет долгий. Где бы нам уединиться, так, чтоб никто не помешал нам и, не дай Бог, не подслушал бы? Боюсь засветиться – увидит кто-нибудь и донесёт куда следует.

– В чём дело? – встревожился Уткин. – Уж не из тюрьмы ли ты сбежала?

– Хуже. В тюрьме, наверное, было бы спокойнее: как-никак там свои, русские люди сидят. А я в таких краях побывала, среди таких подонков, что даже вспомнить страшно!

Уткин пригласил Ирину в свою квартиру. Надя встретила гостью приветливой улыбкой: оказалось, что днём они уже виделись и договорились о том, что Gladkova зайдёт вечером.

– Ну, рассказывай, что привело тебя ко мне, – предложил Уткин, когда они устроились на диване.

– Я долго думала, к кому обратиться, и решила, что только вы сможете мне помочь. Я-то хорошо помню, как вы нашу Катю Сивкову в суде защищали. Не побоялись против начальства пойти (а кое-кому из них очень уж хотелось её посадить) и такой допрос лжесвидетелям учинили, что сразу всем стало ясно, что они бессовестно врут, чтоб начальству угодить. Мы все прямо с ума от радости посходили, когда суд Катю оправдал. Мы на вас молиться тогда готовы были.

– Но теперь я уже не адвокат, чем же я тебе помочь могу?

– Я знаю, что вы юрисконсульт в «Эребусе» работаете. Вот об этой фирме я и хочу с вами поговорить. Может, вы посоветуете, что мне делать, чтоб себя и подруг спасти.

– Спасти? – удивился Уткин. – От кого? Ладно, рассказывай, что привело тебя ко мне.

Gladkova тяжело вздохнула.

– Не знаю, с чего начать, – сказала она. – Мне так тяжело говорить обо всём этом, так что вы меня простите, если вдруг начну плакать. Через такой ужас пройти пришлось! Никогда не думала, что в наше время подобное возможно!

Она с минуту помолчала, справляясь с волнением, потом продолжала:

– Вы, конечно, помните наш вокально-танцевальный коллектив. Он при городском Дворце культуры существовал. Нас не только в городе и в области знали, мы на всякие всероссийские конкурсы ездили, дипломы привозили, не раз на гастролях в крупных городах бывали, даже в Москве выступали. Правда, заработками высокими похвастаться не могли, но почёта и уважения было – хоть отбавляй. А потом меня и ещё пятерых девушек переманил ночной клуб «Русалка». Мы там пели и танцевали для «новых русских». Нет, стриптиза никакого не было, иначе мы быстро оттуда ушли бы, хоть и платили там хорошо, не то что в ДК.

Клуб этот вашему «Эребусу» принадлежит, как вам известно, а фирма эта ещё и трудоустройством в зарубежных странах занимается. И вот вызывает меня однажды директор клуба Малахов и предлагает мне заключить контракт на работу в Китае. «Китайцы, – говорит он, – очень любят русские песни и пляски. Зарплата будет в долларах, по две тысячи в месяц. Как сыр в масле кататься будете!» Ну, я, конечно, не сразу согласилась, сначала

с подругами посоветовалась, с родными. Кто-то сказал, будто одна наша горожанка горничной в Америке работала, так домой вернулась настоящей богачкой. Решили мы – я и ещё пять подружек моих – рискнуть. Чем чёрт не шутит, может, и нам разбогатеть удастся. Подписали договор с «Эребусом», всё честь по чести – с подписями руководителей, с печатями, – получили билеты на поезд, подъёмные и отправились на край земли, в Китайскую Народную Республику. Вёз нас один хохол, Василь Оноприенко, здоровенный лоб, грубый и наглый до невозможности. Всю дорогу пил как лошадь и орал дурацкий куплет:

*Раз пийшов я в театр музкомедии,
Там я Хвеську соби пидчипыв,
Дав ий жмэню сырого насиння
Тай квиток на галёрку купыв.*

Допоеет до конца и опять сначала начинает. Похоже, что ничего, кроме куплета этого, он не знает. И до того осточертел он своей дурацкой песней и пьяными приставаниями, что нам не раз в голову приходило выйти на ближайшей станции и домой вернуться. Но вот беда: в контракте записано было, что в таком случае каждая должна неустойку заплатить, а это ни много ни мало – десять тысяч рублей. А откуда у нас такие деньги? И вот приехали наконец в Пекин. Он у них почему-то «Бейцзин» называется. Там пересели в другой поезд и подались на юг, в Шанхай. Оттуда морем добрались до какого-то порта. И только тут мы поняли, в какую историю влипли. Привёл нас Оноприенко в какой-то дом, большой, двухэтажный, на клуб похожий. Завёл в прихожую. Стоим, ждём. Выходит к нам китайская баба, толстая-претолстая, ну ни дать ни взять – жаба

беременная. Жир на ней трясётся при каждом движении, как кисель. А вокруг неё какой-то маленький толстячок увивается, умильно на неё смотрит да кланяется как заведенный. И вот этот самый китаец вдруг обращается к нам на чистейшем русском языке, только шепелявит немножко. «Это ваша начальница, – говорит, – мадам Лэй. Зовите её «чжуфу», то есть хозяйка. А я главный её помощник, меня зовите «товарищ Чан», или по-китайски «Чан тунчжи». Давайте сюда ваши заграничные паспорта и контракты, я должен оформить вам временную прописку». Мы отдали. Оноприенко тут же получил несколько пачек долларов, пересчитал их, бросил небрежно в свой портфель затрёпанный, а контракты забрал у товарища Чана и на наших глазах сжёг их. Говорит: «Теперь они вам не понадобятся: тут у них законы другие. Так что, девочки, прощевайте, я до дому поехал. Не поминайте меня лихом. Привыкайте к тутошним порядкам. Тут белых баб дюже любят, так вы не обижайте братьев наших меньших, мужиков китайских, они хоть и замухрышки косоглазые, а тоже люди. Платить вам хорошо будут. Ох, и заживете вы тут – ну чисто принцессы заморские!» А сам, гад, нахально так ухмыляется: рад, что обдурил нас. Ушёл он, а товарищ Чан объяснил нам, что им не песни и танцы от нас нужны, а совсем другое. Короче, продала нас фирма «Эребус» в дом терпимости, в матросский бордель. Никогда не думала, что со мною такое приключиться может! Разве для этого я культпросветучилище заканчивала? Знали бы вы, сколько унижений, сколько позора претерпеть нам пришлось! За ночь пять-шесть клиентов принять надо было, а деньги у нас отбирали до копейки. А товарищ Чан и его «тунчжимыни» («товарищи» по-ихнему) норовили с нами на холяву переспать. Тамошние мужики, «наньжэньмыни», и в самом

деле любят «вирус ньюцзы» (это у них так русские девушки называются), попадали к нам не очень часто: у них долларов нет, одни юани, а мадам Лэй только доллары да фунты признаёт. Китайцев к нам она только богатых, с валютой, допускала.

Ирина замолчала, задумавшись. Видно было, что ей трудно говорить.

– Что же дальше было? – вопросом прервал её молчание Уткин.

– За каждую, даже самую мелкую провинность мадам Лэй нас по щекам ладонью своей жирной била, а мы должны были ещё и благодарить ее за науку, «сесе» говорить, «спасибо» то есть. Товарищ Чан (мы его между собой «товарищ Бочонок» называли, потому что на чан он по своим размерам не тянул всё-таки) тоже от неё не отставал – пинал нас, как каких-нибудь дворняжек приبلудных. Подопьёт, бывало (а выпить он не дурак был), – и давай хвастаться, что он интеллигентный человек, в Москве учился, диплом с отличием получил, а сам свинья свиньей, настоящий хам из подворотни, а не интеллигент. Требовал, чтобы мы с ним по-китайски здоровались: «ни хао» говорили, а это по-ихнему значит «ты хороший». Очень уж ему хотелось хорошим себя считать. А у нас язык не поворачивался такие слова ему говорить. Ещё он пугать нас любил. «Не вздумайте, – говорил, – попытаться удрать! Русского консула тут нет, жаловаться некому, а поймаем – убьем! Мои тунчжимыни – ребята крутые и работу свою потерять боятся, поэтому за вами смотрят в оба, не упустят!»

Ирина опять замолчала.

– Продолжай, пожалуйста, – сказал Уткин.

Она вытерла слёзы и опять заговорила:

– Одна из нас, Надя Ветрова, не выдержала издевательств и убежала, так они догнали её и из-

били до полусмерти. Хорошая девушка была, начитанная, классическую музыку любила, а какая добрая, интеллигентная! Ей труднее всех из-за её гордого характера было, вот она и не стерпела всех этих издевательств. А привели её обратно – она так уже и не встала на ноги, стала чахнуть – видно, внутри у неё что-то отбили – и вскоре умерла. Перед смертью собрала нас и говорит: «Девчонки, если кому из вас удастся вырваться отсюда и до родины добраться, сделайте всё, чтобы этих сволочей посадить: и Малахова, и Оноприенко, и директора «Эребуса», и всех, кто нас сюда в рабство продал. Из родни у меня только бабушка осталась, так ей вы ничего обо мне не говорите, жить ей осталось недолго, пускай обо мне не беспокоится. Скажите, что я за богатого американца замуж вышла и в Штатах живу».

Ирина разрыдалась и не могла дальше сказать ни слова. Уткин достал из шкафа настойку валерианы, налил и подал ей:

– Выпей и успокойся. Если не можешь дальше рассказывать – не надо.

– Нет, я хочу, чтобы вы до конца меня выслушали, – сказала Ирина, выпив лекарство. Через некоторое время она опять заговорила: – Мы понимали, что шансов вырваться на волю у нас почти никаких, но в глубине души всё-таки на что-то надеялись, потому что без надежды жить невозможно, в пору в петлю лезть. Но однажды случилось невероятное, мне крупно повезло. В порт пришёл российский пароход с лесом, и моряки стали заглядывать к нам в публичный дом. Меня выбрал боцман Николай Рожнов, высокий, красивый парень лет тридцати. Как я обрадовалась земляку! Он стал меня спрашивать, как я сюда попала, я и рассказала ему всё: как подло нас продали, как тут над нами издеваются, и

что денег нам не дают, и что кормят впроголодь, и как они Надю забили до смерти. Он и говорит: «Я постараюсь вытащить тебя отсюда». Пока их лесовоз разгружали, он каждый вечер ко мне приходил. И вот однажды говорит: «Завтра, на рассвете, мы уйдём во Владивосток. Я принёс тебе мужскую одежду, так что переодевайся, только побыстрее». А сам простыни с моей кровати на полосы порвал и верёвку из них скрутил. Спустил её в окно, один конец к кровати привязал и говорит: «Я первый. Как только спущусь, спускайся и ты. Я тебя подстрахую, так что, даже если сорвёшься, не кричи, иначе беда будет». Спустились мы благополучно. А нужно мимо входа проходить, где товарищ Чан со своими хунхузами⁶ торчат на посту. Они нас, конечно, сразу увидели. Мы бежать, они – за нами. Я испугалась, говорю Николаю: «Коля, они нас убьют!» А он: «Не бойся, мои ребята за углом в засаде сидят». Добежали мы до угла ближайшего дома, а оттуда выскакивают человек десять наших матросов с дубинками и давай Чана и банду его лупить. Отдубасили их хорошо; наверное, и сейчас еще лечатся. Ребята провели меня мимо полицейских под видом матроса на корабль, а утром мы отчалили. Я боялась, что ночью к нам полиция нагрянет, но, видно, товарищ Чан и мадам Лэй побоялись жаловаться: как бы тогда история с Надей Ветровой не открылась. А прибыли во Владивосток, Николай и говорит мне: «Оставайся у меня. Я вдовец, детей у меня нет. Жить есть где: я получил пять лет назад двухкомнатную квартиру. Поженимся и проживём дружно. Ты горя вволю хлебнула, и я знаю, что будешь мне верная жена. Соглашайся, от добра добра не ищут». Я ему и говорю: «Ты хороший человек, и лучшего мужа мне не надо. Я тебя полюбила.

⁶ Хунхузами – разбойники.

Но мне домой надо. Во-первых, там у меня российский паспорт остался, во-вторых, родители до сих пор не знают, жива ли я. Но самое главное – мне всю эту шайку посадить надо, чего бы мне это не стоило». Он спрашивает: «А ты уверена, что справишься с этим делом? Не боишься, что они тебя убьют?» Я говорю: «Конечно, боюсь. Но я должна выполнить Надину просьбу». Николай через своё пароходство и другие связи выхлопотал мне временный документ, его ребята сложились мне на дорогу, я договорилась с Николаем, что непременно выйду за него, и он обещал весною приехать за мной.

Она замолчала. Молчал и Уткин, потрясённый её рассказом. Наконец он прервал молчание:

– Страшную историю ты мне рассказала. Не думал я, что такое возможно.

– Как видите, возможно. А пришла я к вам не для того только, чтобы душу облегчить. Мне ваш совет нужен: с чего мне начать? Скажите, к кому мне обратиться, чтобы дать этому делу ход?

Игорь Ильич вскочил с дивана и стал нервно ходить взад и вперед по комнате. Гладкова с тревогой следила за ним, и лицо её с каждой минутой становилось всё бледнее. Видно, она решила, что от Уткина помощи ждать ей не следует.

А он всё шагал и шагал, низко опустив голову и крепко сцепив руки за спиной.

«В хорошенькую историю я влип! – в смятении думал он. – Недаром так боялся узнать что-нибудь опасное про фирму. Вот и узнал! Может, и мои предшественники жизнью заплатились за то, что какую-то тайну, вроде этой, узнали? Что же мне делать? Помочь Ирине – значит поставить под удар фирму. Закроют её – я опять безработный. Да и на тот свет запросто отправить меня могут. Эти люди ни перед чем, видно, не остановятся, чтобы шкуру свою

спаси. Ирина права, что старается поменьше на людях показываться: стоит им узнать, что она вернулась – и ей конец, последует за моими убитыми коллегами и за шофёром Неретиным. Что-то надо предпринять, но что? Не помогу Ирине – значит, я ничтожество, трус, предатель, пособник преступников. Как с таким пятном на совести жить потом? А помогу ей, и это откроется – мне не жить. Так что же мне дороже: совесть или жизнь?»

Он подошел к окну и стал смотреть в ночь, туда, где светились окна домов, горели фонари, один за другим проезжали автомобили, спешили домой люди. Потом решил.

– Подожди минутку, – сказал он Ирине и вышел в соседнюю комнату. В одном из ящиков секретера хранились визитные карточки. Порывшись в них, он нашёл нужную и вернулся к Гладковой.

– Завтра утром пойдёшь вот к этому человеку. Адрес здесь указан. Это следователь Олег Павлович Меркурьев. Человек он честный и решительный, ни на какие чины и должности не смотрит и ни за какие деньги не продаётся. Я позвоню ему, и он тебя примет. Только будь осторожна, на улице поменьше появляйся и лицо закрывай платком, воротником, тёмными очками, чем угодно, только бы тебя не узнали. Сейчас холодно, это не будет выглядеть подозрительно. Кто-нибудь из соседей о твоём приезде знает?

– Да вроде бы нет. Я маму просила никому об этом не говорить, если моя жизнь ей дорога.

– Вот и хорошо.

Он вручил ей визитную карточку, и она стала одеваться.

– Я провожу тебя до троллейбусной остановки, – сказал Уткин, – и заодно позвоню из автомата Олегу Павловичу: мой телефон может прослушиваться.

У телефонной будки они остановились, и Игорь Ильич набрал номер квартирного телефона Меркурьева. К счастью, тот оказался дома.

– Послушай, Олег, – сказал Уткин. – Завтра утром прими, пожалуйста, одну девушку по очень важному делу. Она расскажет тебе то, что мне сейчас рассказала. Думаю, тебя это очень заинтересует и, возможно, кое в чём тебе поможет. Постарайся в девять утра встретить её у входа в отдел.

Он описал приметы Ирины и попросился. Потом посадил Гладкову в троллейбус и пошёл домой. На сердце было тяжело. Смутные предчувствия, томившие его раньше, теперь сменились уверенностью в неотвратимости беды. Он только что принял опасное решение, ввязался в борьбу с каким-то неведомым, но опасным врагом, и пощады ждать от него ему не следует.

12

На следующий день произошло то, чего Игорь Ильич никак не ожидал, – серьёзная размолвка с Аидой.

Ночь перед этим он провел беспокойную: разговор с Ириной Гладковой не прошёл для него бесследно. Стоило ему задремать, и он проваливался в чёрную дыру очередного кошмара. То он, спрыгнув с самолета, обнаруживал, что забыл надеть парашют, то за ним гналась оранжевая «Нива», которая тут же превращалась в немецкий танк, то он проваливался в прорубь и барахтался в ледяной воде, безуспешно пытаясь выбраться на лед.

На службе всё валилось у него из рук. Мучительное беспокойство непрерывно томило его сердце, он пытался сосредоточиться на каком-нибудь деле, но мысли заняты были вчерашним разговором с Ириной Гладковой. «Не знал я раньше,

что так труслив, – со злобой думал он. – Вот до чего полгода безработицы довели: меня даже не смерть страшит, а возможность работу в фирме потерять».

В обеденный перерыв к нему зашла Аида, – как всегда, красивая, элегантная и разговорчивая.

– Ну что, – спросила она, – пойдём в кафе, подкрепимся?

Людей в зале оказалось почему-то немного, и Уткин с Аидой заняли маленький столик в дальнем углу. Сейчас ему не хотелось многолюдья, шума, суеты, он молча слушал веселую болтовню Аиды, сосредоточенно уставившись в тарелку, словно там надеялся найти ответ на мучившие его вопросы.

– Да что с тобой сегодня? – не выдержала она наконец. – С женой поссорился или на работе какие неприятности? Может, наша баба-яга Анна Германовна чем обидела?

– Нет, никто меня не обижал.

– Так что же ты надулся, как мышь на крупу?

– Просто у меня есть над чем подумать, – неохотно ответил Игорь Ильич. Аида с любопытством посмотрела на него.

– Думаешь о спасении погрязшего в грехах человечества? – с улыбкой спросила она. – Мировая скорбь душу терзает? Или какие-нибудь мелкие домашние проблемы спать не дают?

Уткин молчал, размышляя: можно ли поделиться с Аидой доверенной ему тайной? Но так уж устроен человек, что, когда он влюблен, он способен на необдуманные поступки, чтобы угодить предмету своей страсти. От любимого существа у него не может быть секретов, ему даже в голову прийти не может, что тайна, открытая в приступе любви и откровенности, может стать достоянием тех людей, которым знать её нежелательно.

– Так что же тебя мучит? – опять задала вопрос Аида. – Может, я чем помогу?

– Ну что ж, с тобой я могу поделиться, – решил Уткин. – Только обещаю, что всё сказанное мною останется между нами.

– Никому ни слова! – заверила его Аида. – Могла!

– Ладно, слушай, – оглядевшись и понизив голос, начал Игорь Ильич. – Как тебе известно, наша фирма занимается трудоустройством за рубежом.

Аида Адамовна сразу насторожилась и даже вилку положила на край тарелки.

– Так вот, – продолжал Уткин. – Я встретился с одной девушкой, заключившей контракт на работу в Китае. Она и ее подруги должны были работать там танцовщицами в кабаре. На самом же деле их продали в публичный дом. Там над ними издевались, как над рабынями, а одну даже забили до смерти. Этой девушке чудом удалось бежать, и я боюсь, что нашей фирме теперь угрожают серьезные неприятности.

Всё это время он не сводил глаз с Аиды Адамовны. Рассказ его явно напугал её: лицо побледнело, губы дрожали.

– Что с тобой, Ида? – встревожился он.

– Ничего особенного, – невнятно пробормотала она. – Боюсь, что обед не пошёл мне на пользу. Да ты не волнуйся: со мной такое иногда случается. Сейчас всё пройдёт.

Постепенно лицо её вновь обрело живые краски, она глубоко вздохнула и улыбнулась.

– А можно этой девушке верить? – спросила Аида. – Она не показалась тебе немного не того? С некоторыми женщинами это случается. Я знала одну, которая уверяла, что её однажды английский принц Чарльз изнасиловал. Может, и эта такая? Кстати, как её фамилия?

И только теперь Уткин понял, какую ошибку он совершил, доверившись Аиде. Он вспомнил своего покойного отца, который, узнав, что сын его собирается жениться, посоветовал ему:

– Только никогда не раскрывайся перед женщиной полностью. Даже если безумно любишь её. Некоторые сразу выкладывают невесте все свои недостатки и прошлые грешки. Мужчина может быть благородным, он может прощать женщине даже измены, а вот она не забывает ничего. Наступит день, когда твоя откровенность так тебе откликнется, что ты проклянешь тот час, когда открылся ей! Каждое лыко в строку поставлено будет!

Впоследствии Уткин не раз убеждался в правоте отца: стоило ему поссориться с Надей, как она бросала ему в лицо всё, чем когда-то в порыве любви он откровенно поделился с нею.

– Так как же зовут эту девушку? – ещё раз спросила Аида Адамовна.

– Ты извини меня, Ида, но я не могу назвать тебе её фамилию.

– Но почему? – удивилась она. – Ты что, не доверишь мне?

– Я никому не доверяю так, как тебе! Но это не моя тайна. Я слово дал.

– Вот как! – удивилась Аида, и в голосе ее слышалось глубокое разочарование. – А мне казалось, что ты меня любишь... Я что, дала тебе какие-то основания подозревать меня в предательстве?

Напрасно Уткин пытался её успокоить, Аида Адамовна, оставив недоеденную котлету и остывший кофе, встала и в слезах покинула кафе. Он хотел было пойти за нею, но она остановила его резким жестом руки, и он покорно сел на стул.

«Ну вот и поговорили! – мрачно думал он. – Что это с ней? Для чего ей имя беглянки понадо-

билось? А что если и она в этой грязной истории замешана?»

Но он тут же прогнал эту мысль: чистая, добрая, благородная Аида, женщина, которую он так любит, не может быть запачкана мерзкой грязью работоторговли.

Ничего, завтра всё пройдёт. Аида поймёт, что он был прав, не раскрыв чужой тайны, и они опять станут добрыми друзьями. А может, она уже успокоилась и, если он зайдёт к ней в кабинет, встретит его обычной ласковой улыбкой.

Подойдя к её кабинету, он постучал в дверь – никто ему не ответил. Дверь была заперта. Ещё несколько раз во второй половине дня пытался он увидеться с нею, но в своем кабинете она так и не появилась. Наконец он спросил об Аиде у секретарши, и та сказала, что она ушла куда-то по делам фирмы.

Едва Уткин успел поужинать, как зазвонил телефон. «Тебя!» – сказала жена, подавая ему трубку. Звонивший не представился, но Игорь Ильич узнал его по голосу: это был Олег Меркурьев.

– Игорь, – сказал он, – нам нужно встретиться, и немедленно. Сам знаешь, по какому вопросу. Ты можешь сейчас подъехать к центральному универсаму? Я буду ждать тебя в сквере у фонтана. Постарайся «хвоста» за собою не привести.

– Буду минут через пятнадцать, – сказал Уткин.

Звонок Олега взволновал его. Значит, машина завертелась. Ясно, что Меркурьеву нужен свой человек в «Эребусе». Вот и кончилась его спокойная работа. Он должен действовать теперь против фирмы, которая обеспечила ему безбедную жизнь. Как бы не пришлось в ближайшее время опять по городу бегать в поисках работы.

Доехав до центрального универсама, он огляделся по сторонам. На стоянке скопилось множе-

ство автомобилей самых разных марок, но внимание его привлекла только оранжевая «Нива». Неужели та самая? Оказалась она здесь случайно или из-за него? Тогда откуда они узнать могли, что Уткину назначена встреча, причём именно здесь? Уж не прослушивается ли его телефон на самом деле? Видно, так оно и есть, и Меркурьев потому и не представился ему, и об Ирине Гладковой не упомянул именно потому, что предполагал это.

Игорь Ильич перешёл через дорогу, спиной ощущая опасность. Казалось, что чей-то взгляд насквозь сверлит его. Странное чувство незащищённости и тоскливого одиночества в пустом безлюдном пространстве ощущал он каждой клеткой тела. Опасность висела в воздухе, холодном, угрюмом, пропитанном выхлопными газами, пряталась в заснеженных елях, чья тёмно-зелёная хвоя в свете люминесцентных ламп выглядела глухой, траурно-чёрной.

Укрывшись за раскидистой елью у фонтана, он стал в ожидании Олега Меркурьева наблюдать за оранжевой «Нивой». Олег всё не шёл, и Уткин начал нервничать.

Вдруг дверца «Нивы» отворилась, и из салона вышла стройная женщина в длинном чёрном пальто и широкополой шляпе. Оглядевшись по сторонам, она решительно направилась через дорогу к скверу. У Игоря Ильича замерло сердце: фигурой и походкой женщина была похожа на Аиду Лебедеву.

– Привет! – раздался голос Меркурьева, и Уткин вздрогнул от неожиданности и обернулся. В теплой кожаной куртке с капюшоном, в шапке из меха нутрии, Олег ничем не отличался от тысячи других мужчин, живущих в городе: рабочих, торговцев, врачей.

– Не окоченел ещё? – спросил он, пожимая Уткину руку.

– Не успел пока.

– «Хвоста» не заметил?

Игорь Ильич поделился с ним своими подозрениями насчёт «Нивы» и женщины в чёрном, вошедшей в сквер.

– Ага, ясненько! – весело сказал Олег. Он вытащил из кармана мобильник и набрал номер.

– Коля, ты на месте? Видишь на стоянке «Ниву» оранжевого цвета? Пройди мимо и посмотри, кто в ней сидит. Номер запомни непременно. А потом пройди в сквер и поинтересуйся, чем занимается дамочка в длинном чёрном пальто и в шляпе. Сделай так, чтоб у неё пропала охота за нами подглядывать.

Он спрятал мобильник и заговорил вполголоса:

– Если они следят за тобой, значит, наш телефонный разговор подслушали. Сам понимаешь, что мой от этого застрахован. Выходит, что прослушивается твой, иначе откуда они могли узнать о нашей встрече? Скажи, ты никому не говорил об Ирине Гладковой?

Уткина бросило в жар. Так вот в чём дело! Он хотел сказать «нет», однако почувствовал, что это не тот случай, когда можно солгать, и передал Меркурьеву содержание своего разговора с Аидой Адамовной.

– А имя Ирины ты назвал?

– Нет, вовремя понял, что этого нельзя делать.

– А ей очень хотелось узнать?

– Мне показалось, что очень.

Меркурьев задумался. Через несколько минут в кармане его куртки запищал телефон. Он поднёс трубку к уху.

– Ага, хорошо... молодец... то, что надо... Покарауль их незаметно, если они ещё не уехали.

Потом он сказал Уткину:

– Николай сделал все, как надо. Приметы дамы: блондинка, с длинными прямыми волосами, на ней очки с розовыми стеклами, шляпа из чёрного ворсистого фетра.

Уткин облегчённо вздохнул, подумав: «Слава Богу, это не Аида!»

– Николай у меня ещё тот артист, – продолжал Олег. – Он подвыпившего нахала разыграл, стал к ней приставать, и ей к машине пришлось ретироваться. Да, вот ещё интересная деталь: когда она Николая увидела, то спрятала в сумочку небольшую телекамеру. В машине, по словам Николая, сидит какой-то тип за рулем, настоящий шкаф с черными усищами до пупа. Говорит, что с таким в тёмном переулке без берданки лучше не встречаться. Завтра проверим, кто это такой.

Меркурьев прямо-таки излучал надёжность, и Уткин рядом с ним почувствовал себя более уверенно и спокойно.

– Но вернёмся, как говорят, к нашим баранам, – сказал Олег. – Если завтра Лебедева опять начнет выпытывать у тебя имя нашей «китайки», то ты поломайся для приличия, а потом сдайся, расколись. Скажи, что это Надежда Ветрова. До этой они уже не дотянутся. Если Лебедева расспрашивала тебя не из простого бабьего любопытства, то она тут же доложит обо всём хозяевам, а те постараются эту опасную свидетельницу как можно скорее на тот свет спровадить. Сам понимаешь, что, в отличие от Ирины, Наде это не угрожает. Адрес Ветровой им известен, и они попытаются этой же ночью отправить её к праотцам. Смерть с доставкой на дом!

– Но ведь там её бабушка живёт, – возразил Уткин. – Зачем же её под удар подставлять?

– Уже не живёт. Ещё весной от инфаркта умерла. Квартира опечатана, так что они, как говорится, понюхают пробой, да и домой! Решат, что Надя где-то скрывается, и начнут искать её по всему городу. А мы за ними последим тем временем. Когда люди нервничать начинают, от них можно ожидать всяких проколов и глупостей. Вот тут-то мы их и прищучим!

– А как же Ирина? – спросил Уткин. – А вдруг они начнут квартиры Надиных подруг проверять: не скрывается ли она у кого-нибудь из их родителей?

– Об Ирине не беспокойся: в городе её уже нет. Я её в надёжном месте спрятал и строго-настрого наказал не писать и не звонить никому. Только мне и только в крайнем случае. Им её ни за что не найти. А для нас она – самый важный свидетель: с её помощью мы взорвём к чёртовой матери это змеиное гнездо. Этот проклятый «Эребус» давно у нас в печёнках сидит, но пока им как-то удавалось от ответственности улизнуть: «крыша» у них почти непромокаемая. Но на этот раз им не отвертеться. И покровители их сразу хвосты подожмут, побоятся, что мы и их за задницу возьмём!

Меркурьев замолчал, и Игорь Ильич решил задать ему вопрос, не дававший ему покоя:

– А что ты об Аиде Лебедевой думаешь? Какую роль во всей этой истории играет она?

Меркурьев испытующе посмотрел на него.

– Она очень дорога тебе? – спросил он.

Уткин нахмурился.

– Ладно, ладно, не сердись! Лезть в ваши отношения я не стану. Пока что я не очень ясно представляю, как глубоко она в преступных делах фир-

мы увязла. Контракты с девушками наверняка при её участии заключались. Но знала ли она, какая судьба уготована этим девушкам? Возможно, что нет, что и её обманули. Да скорее всего, так оно и есть. Но тебе на всякий случай я бы посоветовал быть с нею поосторожней, не слишком откровенничать. Даже если ты ей очень дорог, она может по своей бабьей болтливости тебя заложить. Я очень надеюсь на твое содействие следствию. Мне нужен свой человек в фирме. Смотри в оба и ухо остро держи. Узнаешь что-то важное – звони мне, но только из автомата, а не из дому или фирмы.

Уткин давно уже понял, что Меркурьев сделает ему именно это предложение. Ему придётся шпионить за женщиной, которую он любит. Он должен помочь правосудию посадить её в тюрьму. Можно ли придумать что-нибудь более жестокое и страшное для любящего мужчины? Неужели он способен на подобную низость – предать любимую женщину в холодные, безжалостные руки судей? Уж кому-кому, а ему, бывшему адвокату, хорошо известно, что наши суды почти никогда никого не оправдывают, кроме тех разве, кто ворует миллионы.

А в то, что Аида преступница, он не верит. Может быть, она случайно проговорила кому-нибудь из подруг о девушке, вернувшейся из Китая, не предполагая даже, что из-за этого за ним, Уткиным, начнётся слежка. Но это ведь вовсе не означает, что она предала его.

И когда он пришёл к такому выводу, на сердце у него стало как-то спокойнее, и он решил поделиться с Олегом некоторыми другими сомнениями.

– Ещё вот что меня беспокоит, – сказал он. – До меня в «Эребусе» сменилось четверо юрисконсуль-

тов, и все они один за другим умерли, причём трое насильственной смертью. Не потому ли это произошло, что они что-то раскопали?

– Вполне возможно, – согласился с ним Меркурьев.

– Меня это очень встревожило, – продолжал Уткин, – и я попытался разобраться во всем этом. Нашел в архиве их адреса, побеседовал с родными покойников и вот что узнал. Иванова сбил грузовик при очень загадочных обстоятельствах: не на дороге, а на середине тротуара. Строгих в пруду утонул, хотя плавал отлично, а Шевченко застрелили прямо у подъезда его дома, когда он на службу шёл.

– Да, эту историю я помню, – сказал Меркурьев. – Подозревали его бывшую жену, но это подозрение сразу отпало: мотива у неё не было – она даже рада была, что он от неё ушел, больно уж спиртным баловался. И любовник у неё был, который на ней сразу же женился, как только она с прежним мужем развелась. Да и не тот она человек, чтобы на такой шаг пойти. И киллера профессионального нанять ей при всём желании не на что было: жили они довольно бедно. А что убит он был профессионалом, ни у кого сомнений не было. Так это дело и осталось нераскрытым. Решили, что он запутался в каких-то денежных делах: пил крепко и в карты играл. И с Ивановым тоже история тёмная. Грузовик с места происшествия скрылся. Потом его нашли, но оказалось, что накануне его украли в коммунхозе. Ну а что касается утонувшего, то, возможно, он по собственной глупости погиб. Выпил и в воду полез. Только за прошлый год в городе семеро мужиков по этой причине утонули. Но ты на всякий случай будь поосторожнее: теперь, когда хозяева фирмы узнали, что тебе об афере с девушками из-

вестно, у них может появиться соблазн избавиться от тебя.

Когда они расстались, Уткин пошёл к остановке троллейбуса. Выйдя из сквера, он увидел идущую ему навстречу оранжевую «Ниву». Он скользнул взглядом по лицу водителя и отметил про себя чёрные висячие усы и тупой подбородок. Это был тот человек, который следил за ним в день его поступления на службу в «Эребус». С радостью Уткин обнаружил, что рядом с водителем сидит не Аида, а незнакомая женщина. Правда, лица разглядеть ему не удалось из-за широкополой шляпы и больших солнцезащитных очков, но волосы были не такие, как у Аиды, – прямые и белые, а не рыжие и волнистые, и это окончательно успокоило Игоря Ильича, так что домой он вернулся в приподнятом настроении.

13

На следующее утро от обиды Аиды Адамовны, как и предполагал Уткин, не осталось и следа. Она то и дело забегала к нему в кабинет, а в обеденный перерыв, когда Игорь Ильич сидел в кафе с Поляковым и Альбрехтом, подседа к ним и даже рассказала забавную историю, приключившуюся с одной из её знакомых.

«Ну, слава Богу, – подумал Уткин. – Кажется, она и сама поняла, что вчера я не мог поступить иначе, и больше на меня не обижается».

В конце рабочего дня она предложила Игорю Ильичу:

– А не махнуть ли нам ко мне? Вчера я чудесную ветчину купила. А еще у меня есть бутылка отличного виски – «Уайт Хорс» называется. Выпьем, поужинаем. А я тебе свои морские фотографии покажу наконец: ведь ты давно уже хотел их видеть.

Игорь Ильич не сразу ответил Аиде. Было очень заманчиво провести вечер в её обществе, но это означало, что он поздно вернётся домой, и тогда очередного скандала ему не избежать. А с него хватит и вчерашнего. Когда он после встречи с Олегом Меркурьевым явился домой, Надя почему-то пришла в исступление и оскорбляла его последними словами, будто она не учительница, а пьяная бомжиха из грязного подвала.

– Ты же знаешь, что меня Олег Меркурьев вызвал, – пытался успокоить жену Игорь Ильич, но Надю в такие минуты остановить невозможно.

– Ну, что же ты молчишь? – возмутилась Аида. – Колеблешься? Сплетен испугался? Не бойся, долго держать тебя не буду, отпущу в лоно любимой семьи. Да и почему ты должен за каждый свой шаг перед женой отчитываться? Ты главный работник в семье, так пусть жена научится считаться с твоими интересами, а не контролировать тебя, как мальчишку сомнительного поведения!

Уткину стало стыдно за свое малодушие.

– Хорошо, едем, – согласился он.

В прихожей он снял пальто и шапку, отдал их Аиде Адамовне и прошёл в гостиную. Пока Аида принимала душ и переодевалась, он сидел у телевизора и смотрел какую-то слезливую бразильскую мелодраму. Выйдя из ванной в золотистом шелковом халате, порозовевшая, свежая, Аида Адамовна весело воскликнула:

– Выключай телевизор, ужинать будем! Да сними ты пиджак: у меня жара, как в Кара-Кумах!

Она взяла пиджак и вышла в прихожую. Игорь Ильич выключил бразильский фильм в тот момент, когда слёзы несчастной героини готовы были уже выплеснуться с экрана на палас.

Аида порезала хлеб, ветчину и сыр, откупила бутылку виски. После второй рюмки мир как-то сразу преобразился – стал светлее, добрее, и завтрашний день уже не казался больше безысходно мрачным, и как-то безразлично стало, что подумает и что скажет сегодня жена. Аида права: хозяин в доме он, Уткин, именно на нём, на его высоких заработках держится благополучие семьи, и Наде пора наконец это понять и свыкнуться с его самостоятельностью, с его поздними возвращениями домой. Ведь не уходит же он от нее навсегда, хотя мог бы сделать это в любой день и час, потому что есть женщина, которая с радостью примет его. Уж она-то умеет ценить настоящих мужчин, чего так не хватало Наде. Жене его надо бы стать более терпимой к нему, особенно после того, как он уличил ее в супружеской измене. Но нет, она слишком горда, слишком высоко ценит себя, а его, видно, считает недостойным счастья быть её мужем.

Он так глубоко задумался, что следующую рюмку выпил как-то механически, даже не заметив вкуса виски.

– Ты, кажется, хотел мои фотографии посмотреть? – спросила Аида.

– Да, конечно, – очнулся Уткин. – С удовольствием посмотрю.

– Тогда пройдем в спальню.

В её спальне Игорь Ильич оказался впервые. Аида включила торшер, озаривший мягким светом стены, огромную кровать, большую картину в золоченой багетовой раме. Она была написана маслом, и на ней изображена была Аида Адамовна, тоже обнажённая, как и на пастельной работе, висящей в гостиной. На белой атласной простыне, мастерски написанной, она лежала на левом боку,

согнув одну ногу, тонкая талия её переходила в плавный высокий изгиб правого бедра; трепещущий свет играл на её восхитительно нежной бархатной коже. Художник приглушил яркость её волос, сделав их золотистыми, а не рыжими.

– Ну что, хороша? – с лёгкой иронией спросила Аида.

– Просто поразительно, до чего хороша! – горячо воскликнул Уткин.

– Не подумай, будто муж здесь идеализировал меня. В те годы я и в самом деле красива была. Это сейчас я старушонкой стала.

Игорь Ильич запротестовал с таким жаром, что она расхохоталась.

– А теперь я вот какая, – сказала Аида, раскладывая на постели цветные фотографии. Уткин взглянул на них и спохватился:

– Ах, чёрт, очки в пиджаке остались!

И он пошёл в прихожую. Там был встроенный шкаф с пятью дверцами. Он открыл одну – пиджака там не было. Не оказалось его и во втором отделении. Третье было заперто, но ключ торчал в замочной скважине. Уткин повернул его, открыл дверцу и остолбенел: на одной из полок стояла пластмассовая болванка, и на ней надеты были парик с длинными прямыми волосами цвета соломы и черная шляпа из ворсистого фетра.

Ему показалось, что прямо в сердце дунул откуда-то сырой холодный ветер и всё тело от этого внутреннего холода вдруг заледенело и покрылось гусиной кожей. Это был жестокий удар ниже пояса, удар неожиданный и убийственный. От недавнего хмеля в голове не осталось и следа, лишь один вопрос вертелся в мозгу, как обрывок фразы на заезженной грампластинке: «Что мне делать теперь? Что мне делать теперь?»

В самом деле, как ему поступить после этого сокрушительного удара под дых? Учинить Аиде допрос или сделать вид, будто никакого открытия и не было, будто он и не видел ни шляпы, ни парика?

Он нашёл очки в четвёртом отделении шкафа и отправился обратно, так ничего и не решив. По пути он остановился у столика, тупо глядя на бутылку с виски, потом решительно налил половину фужера и залпом выпил. Постепенно сердце согрелось и стало биться ровнее, и кровь прилила к щекам. Постояв с полминуты, он ещё раз налил виски и опять выпил, решив, что не скажет ничего, пусть Аида останется в неведении относительно его открытия.

Аида Адамовна встретила его радостной улыбкой. Фотографии были уже разложены на постели, и она стала подавать их ему одну за другой, комментируя их содержание. Уткин, надев очки, стал рассматривать снимки, сначала рассеянно, потом все внимательнее. От виски приятное тепло разлилось по всему телу, боль как-то притупилась, отодвинулась куда-то вдалеку.

На фотографиях Аида была удивительно хороша. Голубой купальник оттенял бронзовость её загорелой кожи. Капли воды сверкали у неё на теле, мокрые волосы струились по тонким плечам, по нежным точёным ключицам.

Теперь он уже почти не помнил о вчерашней слежке, о чёрной шляпе и парике; он был полностью поглощён красотой и изяществом её тела. Когда он наконец поднял глаза на Аиду, то увидел, что она с улыбкой смотрит на него.

– Ну как я в «бикини»? Правда, неотразима? – спросила она. – А без него я ещё лучше. Хочешь посмотреть?

Уткин растерянно улыбнулся и кивнул.

– Ну так смотри! – торжественно произнесла

Аида и, отойдя на несколько шагов, развязала пояс халата. В следующее мгновение шёлковая ткань, соскользнув с её плеч, мягко упала на пол, и Игорь Ильич на мгновение задохнулся от невыразимого восторга: так изумительны были плавные линии её тела, изящные, как у мраморной Венеры скульптора Витали, которой он не раз любовался в Русском музее. Только теперь это была живая, тёплая плоть, нежно светящаяся в прохладной полутьме спальни.

Он шагнул к Аиде, протягивая руки, и она тоже сделала навстречу ему шаг, другой, руки её нежно обвилились вокруг его шеи, и поцелуй ожёг ему губы. Какое-то отчаянно-ликующее чувство с головой захлестнуло его, и он враз забыл обо всём, что тревожило его до этого мгновения. Не было больше ни прошлого, ни будущего, был только этот прекрасный, восхитительный миг – миг упоения красотой и любовью, миг торжества души и плоти. Казалось, по лицу Аиды пробегали стремительные волны света и тени, делая его каждое мгновение другим, незнакомым и в то же время мучительно родным и близким.

Потом они, обессиленные, с блаженными улыбками на разгорячённых лицах, лежали рядом, среди разбросанных фотографий, пока не успокоились лихорадочно бившиеся сердца.

Первой заговорила Аида:

– Знал бы ты, как счастлива я сейчас и как не хочется мне после всего этого думать о завтрашнем дне, о работе, о том, что опять надо будет рано подниматься, наскоро завтракать, трястись в переполненном троллейбусе. А сколько у нас людей, живущих совершенно иначе: они встают, когда захочется, ездят за границу, покупают всё, что им заблагорассудится. Мы тоже вроде бы не самые

бедные, зарабатываем не так уж и плохо, но разве можем мы позволить себе то, что они позволяют?

– Нам с тобой грех жаловаться, – возразил Игорь Ильич. – Многие кусок хлеба не каждый день имеют. Да и сам я давно ли из бедности выбрался? И до сих пор мне всё сегодняшнее добрым сном кажется; боюсь, что проснусь однажды, а я по-прежнему безработный!

Аида приподнялась на локте и заглянула Уткину в глаза.

– А знаешь, – сказала она, – ведь я вчера именно этого испугалась, когда ты мне про ту девушку рассказал. Мне стало страшно, что фирму нашу возьмут да прикроют – и прости-прощай работа! Я ведь, когда контракт этот составляла, искренне верила, что девочки там петь и танцевать будут. А выходит, что и я к этому преступлению руку приложила. Что теперь со мною будет? Как я докажу, что и меня обманули, не только тех девушек?

И она горько разрыдалась, уткнувшись Уткину в грудь.

– Не плачь, не надо! – уговаривал он её, гладя волосы и прохладную шёлковую спину. – Всё будет хорошо! Ты ни в чем не виновата: ты ничего не знала.

– Но ведь на договорах и моя роспись стоит, – не унималась Аида.

– Да успокойся ты: Надя сказала, что Оноприенко эти бумажки на глазах у них сжёг. А вторые экземпляры наша секретарша тоже наверняка уничтожила.

– Надя? – оживилась Аида. – Ты ее Надей назвал? А фамилия её как? Там две Нади было.

– Да зачем тебе её фамилия? – поинтересовался Уткин.

– Хотелось бы с нею поговорить, прощения у неё попросить, сказать, что я ни в чем не виновата. Ну пожалуйста, скажи её фамилию!

– Ну не имею я права! – упирался Уткин, помня совет Меркурьева. – Я ведь обещал Наде никому о ней не говорить.

– Значит, ты меня не любишь, – разочарованно заметила Аида. – А я думала...

– Ну что ты! – возразил Игорь Ильич. – Ты даже представить себе не можешь, насколько ты мне дорога и как я тебя люблю! Но я слово дал.

Аида Адамовна опять расплакалась.

– Ну хорошо, хорошо, – сдался Уткин. – Скажу я тебе фамилию. Только поклянись, что от тебя никто её не узнает.

– Клянусь! – горячо воскликнула Аида, глядя прямо в глаза ему своими чистыми зелёными глазами, полными слёз.

– Фамилия её Ветрова. Надя Ветрова. Адреса её я, правда, не знаю.

Лгать было тяжело, но Уткин все-таки солгал: адрес покойной Надиной бабушки Олег Меркурьев на всякий случай сообщил ему.

Игорь Ильич взглянул на часы и забеспокоился:

– Ух ты! Вот это я задержался! Ну и скандал дома будет! – И он стал поспешно собираться.

– Я такси вызову, – предложила Аида, надевая халат.

Такси подъехало через семнадцать минут.

– Улица Чайковского, 27, – сказал Игорь Ильич шофёру. Он вспомнил слова Меркурьева: «Надо проверить, не пойдёт ли Лебедева киллера по этому адресу». – «Да ты что!? – возмутился Уткин, услышав такое. – Ты уже её окончательно в преступницы записал?» – «Не записал, – возразил Олег. – Но в нашем деле приходится соблюдать правило: доверяй, но проверяй».

Расплатившись с таксистом, Игорь Ильич пошёл к дому номер двадцать семь и осмотрелся.

Укрыться можно было только в заброшенном павильоне с облупившейся надписью «Мороженое», стоявшем рядом с домом. Дул холодный ветер, с неба сыпался мелкий снег, и вскоре у Уткина стали мёрзнуть ноги, а минут через двадцать уже зуб на зуб не попадал. Машины шли одна за другой, но у дома не останавливались.

Уже совсем ооченев и решив, что ждать больше не имеет смысла, он вдруг заметил знакомую «Ниву». Она остановилась на противоположной стороне улицы, и из неё вышли двое: тот самый коренастый мужчина с висячими запорожскими усами и высокий парень в желтой дублёнке и кожаной шапке с козырьком. Они перешли через дорогу и, оглядевшись по сторонам, нырнули в подъезд.

Ждать их Игорю Ильичу пришлось недолго – минуты три-четыре. Выйдя из подъезда, они держались у дверей, чтобы закурить. Длинный несколько раз чиркнул зажигалкой.

– Вот сука! – выругался он. – Газ закончился!

И он со злостью швырнул зажигалку на асфальт.

Черноусый зажгёт спичку и, держа её в пригоршнях, чтобы не задуло ветром, сначала прикурил сам, а потом поднёс огонёк к сигарете длинного.

– Куда же эта стерва схоронилась? – спросил он.

– А хрен её знает! – зло ответил длинный. – Надо выяснить, кто из подруг тут у неё есть. Раз квартира опечатана, значит, она у какой-нибудь мочалки залегла. Теперь найди её попробуй!

– Ничего, найдём! Пускай поживёт пока, перед смертью надышится, – мрачно сказал черноусый, и они направились к машине.

Подождав, пока «Нива» скроется вдаль, Уткин вышел из своего укрытия и подобрал с помощью

платка брошенную длинным зажигалку. Из ближайшей телефонной будки он позвонил Меркурьеву и рассказал ему о визите киллеров в дом № 27 и о найденной зажигалке.

– Отлично! – сказал Олег. – Завтра же заберу её у тебя: там непременно пальчики будут. Надо узнать, кто этот длинный. Вполне возможно, что отпечатки его пальцев у нас имеются.

14

Глубокий колодец, неумело вырытый. Стены неровные: то углубления, то нависающие над головой угловатые глыбы жёлтой глины, кое-где пронизанные тонкими корешками. Тупой лопатой Уткин долбит неподатливую землю, лопнувшие мозоли саднят, хочется упасть на сырую глину и лежать, стараясь отдышаться, но бросать работу нельзя: за спиною плачет Аида, умоляя его:

– Копай быстрее! Без воды нам конец!

Рубашка вся промокла от пота, дыхание со свистом вырывается из груди, но он рубит и рубит крепкую, как камень, глину. Где-то там, в глубине, должна быть спасительная вода.

Уткин совершенно не помнит, как и почему они с Аидой оказались в этой яме. Кто-то толкнул их туда, но кто и за что?

Положение безвыходное. До верхнего края колодца не дотянуться, как ни старайся. Ему смутно помнится, будто Аида уже взбиралась ему на плечи, потом он пытался поднять её на вытянутых руках, но до края ямы она так и не достала.

Кричать и звать на помощь бесполезно. Они уже успели надорвать голосовые связки, но их отчаянных криков так никто и не услышал.

Уткин понимает, что даже если он и доберётся до воды, то это спасет их не надолго. Они погибнут

здесь голодной смертью. Но тем не менее он продолжал ожесточённо долбить закаменелую глину, не останавливаясь ни на минуту. Тяжело дыша, он распрямляет наконец измученную спину, чтобы утереть со лба пот, и вдруг настораживается: над головой раздаётся слабое потрескивание, и в тот же миг сверху начинает сыпаться глина. Он поднимает глаза и видит в полутьме, что по краю одной из нависающих глыб бежит кверху змеистая чёрная трещина. На глазах у Уткина огромный пласт начинает медленно сползать вниз.

– Берегись! – кричит он Аиде, но сам отскочить не успевает; глыба, разваливаясь на куски, рушится прямо на него. Оглушённый, он лежит на дне колодца, упираясь в землю руками и ногами, пытается встать, но многопудовая тяжесть придавила его к земле, пыль набилась в лёгкие, и грудь разрывается от кашля.

– Ида, помоги! – хочет крикнуть он, но, кроме хриплого кашля, у него ничего не выходит.

Пробуждение было тяжёлым. Не открывая глаз, он сел на постели, и долго ещё тело его содрогалось от надрывного кашля. Потом, откинувшись навзничь, он увидел над головой вместо светлого кружка неба в отверстии колодца незнакомый дощатый потолок, выкрашенный голубой масляной краской и тускло освещённый снизу.

В поисках источника света он повёл глазами вправо: там горела маленькая лампадка перед образами. Какая-то смутная догадка забрезжила в его уме, но он ещё не успел освободиться из плена только что пережитого кошмара и не сразу вспомнил, где он находится и как очутился здесь. Иконы были явно знакомы ему. На одной – Богородица держала младенца, не по летам серьезного

и печального, на другой – Спаситель благословлял людей поднятой правой рукой с двумя вытянутыми перстами, в левой же держал раскрытую книгу. Уткин вспомнил, что на страницах её старославянской кириллицей написано было: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы».

Теперь он знал, что лежит на диване в маленьком домике, принадлежащем Зое Захаровне, матери Кости Емельянова, и что поселился он здесь несколько дней назад. Перед этим произошла у них жестокая ссора с Надей, и ему пришлось уйти из дому. Сюда Игоря Ильича привёз Костя, попросив мать приютить его друга, пока тот не подыщет себе более подходящее жильё. Это было в субботу, а в воскресенье к вечеру у Уткина вдруг поднялась температура, начался насморк, потом кашель, и утром в понедельник он уже не смог пойти на работу.

Он простудился в тот злосчастный вечер, когда, в ожидании оранжевой «Нивы», основательно продрог, а потом, ошеломлённый увиденным, в тоске и отчаянии бродил часа два по городу. Никаких сомнений у него больше не осталось: Аида – участница преступной шайки. Прикинувшись влюблённой, она затащила его в постель, чтобы выведать фамилию девушки, приехавшей из Китая, а узнав, тотчас же послала к ней убийцу. Этим она нанесла ему удар в самое сердце.

Страшно смотреть на то, как рушится весь этот расшатанный мир, в котором ты прожил не один десяток лет, даже не подозревая о том, до какой степени он зыбок, неустойчив. Но ещё страшнее быть свидетелем того, как превращается в руины твой внутренний мир, и ни одной зацепки не остаётся, за которую можно было бы ухватиться, чтобы

удержаться на краю бездны. Как странно переплетаются иногда такие далёкие одна от другой человеческие судьбы, несовместимые характеры, и как трудно заглянуть в глухие, не озарённые светом понимания тайные уголки души даже самого близкого человека.

Ему казалось, что Аида раскрыла перед ним не только красоту своего тела, но и удивительно нежный, утончённый мир души. Она казалась ему незаслуженным подарком судьбы, невиданным счастьем, неслыханным чудом. Ради неё он готов был забыть всё, что было в прошлом, оставить семью, переменить весь образ жизни. И что же? Аида предала его, обдуманно, расчётливо, подло. Кому же верить теперь, как жить?

Многого не мог понять он в тот страшный вечер, когда, ошеломлённый своим открытием, бродил по ночному городу, но одно понимал отчетливо и ясно: случилась катастрофа, какой в его жизни никогда ещё не было, грудой обломков стала его семейная жизнь, а любовь Аиды оказалась не более чем ловкой приманкой, чтобы использовать его в интересах преступной организации.

К дому своему в тот вечер он приближался с таким чувством, с каким приближается к эшафоту приговорённый к смерти. Там ждала его не простая семейная сцена, а суровая расправа. В этом он не сомневался.

Когда он женился на Наде, она была хрупкой девушкой, тихой и бесхитростной, легко красневшей от чужого нескромного взгляда или слова. Была ли она скромной и беззащитной на самом деле или умело играла эту роль – сейчас он не смог бы ответить на этот вопрос. Скорее всего, её мягкость и застенчивость были всего лишь маской, потому что слишком уж круто переменялась

она потом. Необратимые перемены произошли в ней за какие-то два-три года замужества. То ли профессия наложила на неё свой неумолимый отпечаток, то ли к этому времени проявились скрытые до поры жестокая властность, нетерпимость, стремление любой ценой настоять на своём, но она стала прямой противоположностью той милой юной девушке, которую он любил в студенческие годы. А в последние пять лет опустила и внешне: располнела, стала небрежно одеваться, как попало краситься, подстриглась под мальчика, чтобы не возиться по утрам с причёской. Но всё это можно было бы терпеть, если бы не её зычный командирский голос, её желание во что бы то ни стало сделать из мужа послушного мальчишку на побегушках.

В тот злосчастный вечер, когда он, измученный и продрогший, переступил порог своей квартиры, Надя встретила его язвительным вопросом:

– Ну что, выпустила тебя наконец твоя рыжая Аида из своих цепких лап?

«Она уже и имя её знает? – растерянно подумал Уткин. – Шпионила она за мною, что ли?»

– Что молчишь, как гнилой пень? – ещё больше повысила голос жена. – И рад бы возразить, да крыть нечем? С поличным поймали? Ну и кобель в мужья мне достался!

– Подбирай выражения! – попробовал возразить Уткин. – Ты всё-таки учительница, а не баба Дуня с колхозного рынка! И не кричи так: весь дом разбудишь!

Он понимал, что она права, что он дал ей основания для упреков, но терпеть её брань больше не мог.

– Ты ещё учить меня будешь? – побагровев от гнева, закричала она. – Учи лучше свою Аиду

из оперы Чайковского! А меня учить – кишка тонка!

– Аида – это из оперы Верди, – не удержался Уткин. – Тебе, учителю-словеснику, следовало бы это знать.

– А, так ты ещё и в невежестве уличать меня смеешь! Небось, эта шлюха Лебедева в операх получше меня соображает? Я для тебя на кухне столько лет угробила, я тебя обстирывала и обглаживала, я лучшие свои годы тебе отдала, чтобы ты в благодарность за мою верность по чужим бабам бегал!

Это было уже слишком. Уткин вскипел:

– Это кто там о верности заикнулся? Ты, что ли? И это после того, как я пять лет назад от Максима Перевалова тебя вынужден был по частям отлеплять? Тогда ты ни обо мне, ни о сыне в Максимовых объятиях и думать не хотела. Хороша верность!

– Ах, вон что ты вспомнил! – в ярости возопила Надя: слова мужа задела её за живое. – Максим настоящий мужчина был, не то что ты! Сильный, волевой, уверенный в себе! Да за ним я жила бы как за каменной стеной!

– И это при том, что он баб как перчатки меняет? С четвёртой женой живёт уже.

– А это потому, что ты любовь нашу разбил! – веско сказала Надя. – Со мной он жил бы до самой смерти. А ты... – она никак не могла придумать что-нибудь пооскорбительнее. – Ты у меня на шею полгода сидел, захребетник несчастный! А теперь ишь как распетушился: как же, зарабатывать больше меня стал!

Уткин вскочил с места и в ярости зашагал по кухне.

– Ну что ж, – сказал он, немного успокоившись, – я знал, что однажды ты мне мою безработицу при-

помнишь! Ну спасибо, дождался! Забыла, видно, что не сидел я, а бегал по городу, работу искал?

– А что толку? Ну бегал, ну искал! Да кому ты такой нужен? Удивляюсь, как это тебя уже полгода в этой фирме держат, не раскусили до сих пор! Ну, ничего, скоро раскусят и вышвырнут, как щенка! Вот тогда ты ко мне приползёшь!

Внутри у Игоря Ильича с каждой минутой всё больше разгорался настоящий пожар, и казалось, что достаточно жене сказать ещё одно злое слово – и тогда может случиться непоправимое.

– Давай лучше оставим этот нелепый разговор, – предложил он, изо всех сил стараясь удержаться на краю развершейся перед ним пропасти. – Зачем друг друга озлоблять: нам ведь всё равно вместе жить.

– Что? Жить вместе? Ещё чего не хватало! – закричала Надя, и в голосе её и в выражении лица было столько ненависти, что Уткин понял: всё кончено и примирения не будет. – Жить он со мной собирается после всего этого! Хватит, нажилась! Чтоб завтра духу твоего тут не было!

– Да ты что? – изумился Уткин. – Эту квартиру мне дали, а не тебе, и я никуда из неё не уйду.

– Уйдёшь, как миленький уйдёшь! Не станешь же ты нас с Митей на улицу выбрасывать? А под одной крышей с тобой я больше жить не стану, хоть ты меня убей!

Она ещё что-то кричала, но Игорь Ильич вдруг успокоился, потому что принял решение: утром он уйдёт отсюда. Совесть не позволит ему судиться из-за квартиры с Надей. И, конечно, сын не виноват в том, что произошло между родителями, и не должен скитаться по чужим углам. И в этот миг Уткин оглянулся и увидел сына. Было уже далеко за полночь, мальчика, видно, разбудили крики ма-

тери, и он пришел на кухню, встревоженный и испуганный. Он переводил непонимающий взгляд с матери на отца и обратно, потом подошел к Игорю Ильичу и спросил:

– Папа, ты же не насовсем уйдёшь? Мама, я не хочу без папы жить: мальчишки в классе засмеют меня, как Вовку Сизова.

Горло Уткина сдавила невидимая жёсткая петля, и слёзы выступили у него на глазах.

– Не бойся, сынок, – попытался успокоить он Митю. – Я скоро вернусь. Мама успокоится, передумает...

– Не передумаю! – перешла на истерический крик Надя. – Не успокоюсь, не надейся! Завтра чтоб тебя тут не было!

Ну что ж, он давно знал, что всякое благородство, способность прощать чужды его жене. Её истерическая натура не знает полутонов и полумер, ею всегда руководит максимализм: или всё, или ничего.

Он как мог успокоил Митю, уложил его в постель и долго сидел возле него на стуле, беседуя с ним, пока мальчик не заснул. Ему больно было расставаться с сыном, но он был бессилён исправить то, что случилось сегодня. Утром он уйдёт, хотя совершенно не представляет куда. Обидно то, что жена всё сделает, чтобы он как можно меньше виделся с сыном. В том, что именно так и будет, он ни минуты не сомневался.

Когда Митя уснул, Уткин поставил на кухне раскладушку, лёг на нее не раздеваясь, но так и не смог уснуть до утра. Саднило в горле, болела голова, похоже было на то, что у него повышается температура. Но страшнее всего было то, что творилось в душе. Он потерял сына, квартиру, любимую женщину и оказался загнанным в угол, из которого нет выхода.

Утром он ушёл из дома, когда было ещё темно. Сын ещё спал, жена возилась в спальне, когда он, убрав раскладушку и умывшись, потихоньку вышел на лестничную площадку и спустился на улицу. Побродив часа два по городу, он позвонил Олегу Меркурьеву и назначил ему встречу.

Выслушав его отчёт о вчерашних событиях, Меркурьев задумчиво сказал:

– Да-а, значит, я был прав. Лебедева сообщила своему начальству, а оно послало к Наде киллеров. Какова бабёнка? Впрочем, кто её знает, может, её поймали на чём-нибудь, а теперь веревки из неё вьют. Ничего, разберёмся. Гораздо хуже то, что тебе из семьи уйти пришлось. Я чувствую себя виноватым. Если б не я, ты мог бы вернуться домой раньше и скандала бы не было никакого. Давай я с Надей твоей поговорю, скажу, что ты моё задание выполнял, а потому и задержался допоздна. А признаться ей в этом не мог: слово мне дал.

– Не надо! – возразил Уткин. – Ты плохо Надю знаешь. Она из тех людей, что всегда и во всем правы. Она твёрдо убеждена в том, что рождена повелевать. Если она что решила, то её уже никто не остановит. Пусть поживёт без меня, – может, со временем одумается. А просить её я ни о чём не стану. Я к ней могу только тогда вернуться, когда она сама меня об этом попросит. Хотя в такой исход я, сказать по правде, не особенно верю.

– Жаль, – сказал Меркурьев. – Мне очень жаль, что всё так скверно обернулось.

Уткин отдал Олегу зажигалку длинного и описал его внешность. После этого они расстались, и Игорь Ильич пошел к Косте Емельянову.

– Ничего, я вас помирю, – заявил Костя, выслушав его рассказ. – Всё это не так страшно: милые бранятся – только тешатся.

– Сегодня один товарищ уже предлагал помирить нас. Я отказался. И ты даже не пытайся – бесполезно. Надю ты хорошо знаешь, не такой она человек, чтоб на уступки пойти. Ты лучше помоги мне квартиру найти. Может, из ваших соседей кто сдаёт?

Так Уткин оказался в доме Костиной матери.

– За квартиру платить не надо, – сразу сказала она. – Я уже тому рада, что не одна жить буду. Думаю, Игорёк, тебе хорошо у меня будет. Вы с Костиком моим с детства друзья неразлучные, ты всегда как член семьи нашей был. А что вы с Надькой поскандалили, так это пройдет: дура-баба опомнится рано или поздно. Это сейчас она широкая в плечах, а поживёт одна – увидит, каково без мужика жить! Сама упрашивать будет, чтоб ты к ней вернулся. Я на такие дела за свою жизнь посмотрелась!

После полудня, воспользовавшись тем, что Надя с Митей ушли куда-то, Уткин забрал свои вещи и на машине Кости перевёз их на новую квартиру. Другу он наказал ни при каких условиях адреса его Наде не давать, хотя ему и не очень верилось, что она станет интересоваться его новым местожительством.

Всё воскресенье он чувствовал недомогание, а к ночи у него поднялась температура, начался сильный кашель. В городе уже полмесяца свирепствовал грипп, и, кажется, он добрался наконец и до Уткина.

На следующее утро он попросил Зою Захаровну позвонить из автомата по его карточке в фирму и сообщить, что он заболел, причём адрес его руководству фирмы знать не обязательно, – потом вызвать участкового врача, а также сообщить его местонахождение Олегу Меркурьеву.

– В карточках этих я не разбираюсь, – сказала Зоя Захаровна. – Когда надо, я от соседки звоню. Давай свою записочку с номерами.

Врач, дородная женщина в узких пластмассовых очках, смешно выглядевших на её широком добродушном лице, прослушала лёгкие и сердце Игоря Ильича и сказала:

– Это грипп. Пока ничего страшного. Главное – осложнение не получить. Из дому не выходите, пейте горячий чай с малиной. А вы, мама, – обратилась она к Зое Захаровне, – горчичники прикладывайте вот сюда, можно ноги в горчице попарить. Сейчас я рецепты выпишу. Через неделю, если легче станет, добро пожаловать ко мне на приём, к восьми часам. Больничный лист вам сегодня выпишу. Не полегчает – опять меня вызывайте.

Костя привёз из аптеки лекарства, горчичники, а от себя добавил бутылку водки.

– Все эти лекарства – чепуха. Грипп, если его лечить, проходит всего через две недели, а если не лечить, то аж через четырнадцать дней. Я сам только водкой спасаюсь!

К вечеру приехал Олег Меркурьев.

– Скверно, что ты свалился. Не вовремя. Мне сейчас твоя помощь нужна. Ну ничего – сам до всего докопаюсь. А ты вот что помни: когда Лебедева к тебе придёт (а она придёт непременно, потому что рассталась с тобою хорошо и о том, что ты её разоблачил, ничего ещё не знает), так вот, скажи ей, чтоб она раздобыла списки девушек, отправленных за границу, если, конечно, хочет в какой-то степени реабилитировать себя. Это сотрудничество с нами впоследствии ей зачтётся.

Потянулись дни болезни, долгие, томительные, тоскливые. Зоя Захаровна взялась за лечение Уткина очень серьёзно. За тридцать пять лет работы медсестрой она подняла на ноги немало людей, причём справлялась с болезнями по-серьёзной гриппа. Но первые трое суток болез-

ни оказались очень тяжёлыми. Особенно трудно было по ночам, когда донимали дикие, причудливые, полные каких-то мистических загадок кошмары.

Зоя Захаровна любила Уткина. Когда умерла его мать, а отец впал в отчаянье и забросил все домашние дела, она часто приглашала мальчика к себе, чтобы накормить и обстирать его. Иногда он даже жил у неё неделю-другую, – разумеется, с разрешения отца. Измученный тоской по матери, так рано ушедшей из жизни, он горячо привязался к этой доброй женщине, умевшей приободрить, поддержать его в трудную минуту.

И теперь она всё своё время посвящала ему: давала лекарства, поила чаем с малиновым вареньем и душистыми отварами лекарственных трав, по вечерам сидела у его постели, рассказывая ему длинные житейские истории, – в общем, как могла отвлекала его от мрачных мыслей.

– Ты о Надьке не тоскуй, – говорила она. – Все наладится. Сейчас главное для тебя – выздороветь. А будешь тосковать – болезнь верх над тобой возьмёт. Ты уж мне поверь: я за годы работы в больнице всяких людей навидалась! Бывало, что безнадежные больные быстро на ноги вставали, потому что хотели выздороветь, а бывало, что от пустячной болезни умирали, если жить не хотелось.

Как-то Зоя Захаровна вошла в комнату к Уткину и сообщила:

– Игорёк, а к тебе гостя.

Она сделала шаг в сторону – за спиной её стояла Аида.

– Не надо! – хотелось крикнуть ему, но он сдержался: всё-таки следовало поговорить с нею начистоту, расставить все точки над і.

– Вы тут побеседуйте, – сказала Зоя Захаровна, – а я пойду пока курочек покормлю.

Едва за нею закрылась дверь, как Аида бросилась к постели Уткина и сжала его ладони своими холодными руками.

– У меня грипп, – предупредил он её. – Ты можешь заразиться. Сядь от меня подальше.

Но Аида присела на краешек дивана, не выпуская его рук.

– Тебе больно? – спросила она. – У тебя такое несчастное лицо.

Уткин внимательно посмотрел на нее. Щёки её порозовели от мороза, меховую шапку и воротник пальто посеребрил иней. От неё веяло свежестью морозного утра.

– Ах да, – спохватилась она. – Я же с холода, могу ещё больше простудить тебя. Сяду подальше. Можно снять пальто?

Она повесила пальто на крючок и села поодаль на стул.

– Почему ты так печален? – спросила она. – Я знаю, что тебе пришлось уйти из дому. Всё дело в этом?

– Не только. Моя семейная жизнь давно на волоске висела. Дело в другом.

– В чём же, если не секрет?

– В том, что ты меня предала.

Аида изумленно подняла брови.

– Я? Тебя? Предала? В чём? Когда?

«Притворяется или и в самом деле не понимает, что сделала?» – подумал Уткин, а вслух сказал:

– Аида, я всё знаю. Я видел в твоём шкафу парик и чёрную шляпу, в которых ты за мною следила вечером в сквере. Ты и в постель меня увлекла не из любви ко мне, а чтобы выведать имя девушки, а потом послать к ней убийц.

На лице Аиды отразился неподдельный ужас.
– Ты что говоришь? – простонала она. – Ты думаешь, что говоришь? Каких убийц?
– Того, черноусого, с которым ты была тогда, и длинного, в кожаной шапке.
– Я никого ни к кому не посылала! Откуда ты всё это взял?
Игорь Ильич смотрел на неё и думал: «Неужели она уже так низко пала, что без лжи жить не может? Значит, всё это время она притворялась влюблённой в меня, чтобы под контролем меня держать? Неужели и предыдущие юрисконсульты – её жертвы?»
– Не посылала, говоришь? Да я ведь собственными глазами их видел и разговор их слышал, когда они на квартиру к Наде приезжали. Они убить её должны были, чтобы опасного свидетеля убрать.
Аида смотрела на него полными ужаса глазами, и он видел, как их наполняют слёзы. Бледное лицо её исказилось, и она горько разрыдалась, уткнувшись лицом в ладони.
– Я не знала... – с трудом выговорила она сквозь плач. – Не знала...
– Кому ты сказала, что вернулась девушка из Китая?
– Ты знаешь Юнону Оганесян из машбюро. У неё подруга, Каринэ, в той группе была. Вот я и спросила у неё, не Каринэ ли домой вернулась. А Юнона к Анне Германовне с этим вопросом побежала. Та и заставила меня следить за тобой. Позвонила вечером и сказала, что ты должен встретиться с одним опасным для нас человеком в сквере, дала мне маленькую телекамеру и приказала снять этого человека, чтобы узнать, с кем ты встречаешься. Но тот человек спиной ко мне стоял, и я снять его не смогла. А тут еще какой-то пьянчуга стал

ко мне приставать, и пришлось мне поскорее ноги уносить оттуда. Очень не хотелось мне заниматься этим делом! Попыталась отказаться – секретарша пригрозила, что уволит меня.
– Почему ты старалась имя девушки выведать у меня! По собственной инициативе?
– Меня заставили... Поверь мне... Ты не знаешь этих людей. Они любого заставят... Однажды я допустила одну ошибку, и теперь они меня шантажируют.
– Кто эти «они»? – спросил Уткин.
– Я не знаю. Всё делается через Анну Германовну. Её все боятся, её слово для всех – закон. Знал бы ты, какой она безжалостный человек! А к той девушке я киллеров не посылала. Мне приказали её имя узнать и Анне Германовне сообщить. Сказали, что хотят ей солидную компенсацию заплатить за все неприятности, которые в Китае с нею случились.
– Ага, компенсацию вроде ножа в спину или удавки!
– Я же не знала этого! – продолжая плакать, сказала Аида. – А тебя я не предавала. Если б ты знал, как я тебя люблю! Никогда никого так не любила! Я знаю, что ты ушел из семьи. Твоя жена утром, когда Анна Германовна ей позвонила, чтобы узнать, почему ты на работу не вышел, сказала, что её это не интересует, потому что она выгнала тебя из-за шлюхи Лебедевой и будет подавать на развод. Я была в отчаянии, потому что не знала, где ты и что с тобой. А Анна Германовна в тот же день в Москву меня командировала, и я только вчера вернулась. А сегодня вышла на работу и узнала, что ты болен. Позвонила в поликлинику и узнала твой новый адрес. У одной моей подруги «Жигули», с нею я и приехала к тебе.
Она вспомнила о пакете, который привезла, и стала выкладывать на стол фрукты, сок и бутылку дорогого коньяка.

– Будешь делать себе грог – горячий чай с лимоном и коньяком. Очень хорошо пары его дыхательные пути прочищают.

Она смотрела на него с такой любовью и такой нежностью, что ему стало стыдно за то, что он подозревал её в предательстве. Эти негодяи запутали её в своей мерзкой паутине и заставили участвовать в грязном деле. Видимо, она и в самом деле не подозревала о том, для чего Анне Германовне нужно знать адрес Нади Ветровой.

Ну что ж, пора решиться изменить жизнь, изменить круто, без оглядки на прошлое. Он ещё молод и ещё может надеяться на счастье.

Когда Аида собралась уходить, он остановил её:

– Я вот о чём попросить тебя хочу, Ида. Мне нужны копии договоров или хотя бы списки девушек, выехавших в Китай и, возможно, в другие страны. Такие документы где-то непременно хранятся – на дискетах или в распечатке. Постарайся их разыскать и привезти мне. Только смотри, чтоб никто не узнал об этом, иначе у нас с тобою будут большие неприятности.

– Хорошо, – ответила Аида. – Постараюсь их отыскать, чего бы мне это ни стоило. Я докажу тебе, что я не преступница.

15

Дни болезни были для Уткина унылыми в своей монотонности днями, полными безрадостных размышлений о прошлом, в котором так мало было счастливых мгновений, и о будущем, не сулящем ничего отрадного. Была у него собственная квартира, был письменный стол, над которым висела репродукция автопортрета Зинаиды Серебряковой «За туалетом», были воскресные прогулки с Митей в парк, в планетарий,

где в таинственном полумраке сверкают «хоры стройные светил» и среди них изумительное по своей геометрической точности созвездие Ориона, самое любимое созвездие Игоря Ильича. В прошлом остались поездки с Митей на море, жизнь в палатке, купания в ласковой зеленоватой воде, с легким шуршанием набегающей на прибрежную гальку.

Ну что ж, пора браться за ум. Его мягкость, боязнь обидеть человека многими воспринимается как безволие. Он докажет, что обладает волей, он совершит крутой поворот в своей жизни, полностью порвёт с Надей. С Аидой он не сделает тех ошибок, что сделал, живя с прежней женой. Они непременно будут счастливы. Если она принесёт списки девушек, уехавших по контракту за границу, он окончательно убедится в её непричастности к преступным делам фирмы, и тогда уже никаких препятствий на их пути к счастью не будет.

Всё-таки Аида списки принесла. Оказалось, что в Китай были отправлены две партии девушек, по шесть человек в каждой. Кроме того, девять – в Грецию.

– Я узнала, что ещё был заключен контракт на работу в Турции. Пока мне не удалось найти дискету с фамилиями девушек, но завтра надеюсь её найти. Так что жди меня или завтра вечером, или послезавтра до работы.

Потом они долго сидели, обсуждая планы на будущее. Даже если им придётся уйти из фирмы, они не пропадут: у Аиды в городе масса полезных знакомых, есть и кое-какие сбережения, которые позволят им безбедно жить, пока приличную работу себе не подыщут.

Расстались они, полные радужных надежд, потому что поняли: в мире нет сил, которые могли бы их разлучить.

В эту ночь Уткин пережил несколько страшных минут.

Он читал до десяти часов, пока не устали глаза. Отложив книгу, он выключил свет, поправил подушку и с полминуты ворочался, ища позу поудобнее.

Не спалось, тревожные мысли не оставляли его. Комната была слабо освещена огоньком лампы, за окнами была темень, лишь на боковых сторонах рам лежал бледный свет далёкого уличного фонаря.

Вдруг за окнами Игорь Ильич услышал падение чего-то тяжёлого. Впечатление было такое, будто кто-то перепрыгнул во двор через каменную ограду. Перед этим Уткин слышал, как неподалеку остановилась машина, но тогда он не придал этому никакого значения.

Сбросив одеяло, Игорь Ильич подошёл к одному из окон, выходящему на улицу. Он приблизил лицо и тут же в ужасе отпрянул, потому что в окне неожиданно возник какой-то человек. Игорю Ильичу на мгновение показалось, что сейчас они столкнутся лбами: так близко были их лица одно от другого.

Увидев Уткина, человек отшатнулся, в два прыжка достиг ограды, перемахнул через неё, и вскоре тяжёлый топот его сапог затих. Хлопнула дверца машины, взревел мотор, и автомобиль проехал мимо дома Зои Захаровны. Самого автомобиля за высокой оградой рассмотреть не удалось, видна была только его крыша, но Уткину показалось, что это всё та же оранжевая «Нива».

Игорь Ильич лёг и накрылся одеялом до самого подбородка. Его била дрожь, и непонятно было, от чего – от страха или от поднявшейся температуры.

«Кто это был? – думал он. – Вордомушник? Но они обычно по наводке работают, а кто и зачем мог навести его на домик Зои Захаровны, где и пожить-то нечем? Но если это на самом деле была та злополучная «Нива», то человек этот приходил из-за меня. Но зачем? Убить меня хотел? Или, может, запугать. В таком случае почему он сам меня испугался? Впрочем, может быть, эти люди про список, что мне Аида принесла, пронюхали».

Он долго ещё ворочался в постели и заснул далеко за полночь.

В тот же день Игоря Ильича навестили Поляков и Альбрехт.

– Ну хватит дурака валять! – уже с порога категорическим тоном потребовал Поляков. – Ты тут лежишь, а жизнь проходит мимо, и дней ушедших больше не вернуть!

– Ну надо же! – восхитился Уткин. – Ты уже стихами заговорил! Случайно книгу стихов издать не собираешься? Сейчас многие это делают, даже те, кто рифмует корову с собакой.

– Не пугайся, – успокоил его Евгений. – Так низко я ещё не пал. Это у меня случайно вышло, потому что я талантлив от рождения. Ну, здравствуй! – И он пожал Уткину руку.

– У меня же грипп, – предупредил его Игорь Ильич. – Заразиться можешь.

– Не заразится, – успокоил его Альбрехт. – Его злого языка даже инфекция боится.

Уткин поинтересовался:

– Как же вам удалось в середине рабочего дня вырваться из нежных клешней Анны Германовны?

– А пошла она в эребус! – ругнулся Поляков. – Иными словами, в самое пекло! Я сказал ей, что поехал на объекты. Она любит, когда её работники проявляют подобную инициативу.

– А мне она больше не указ, – заявил Юрий Альбрехт. – Я уже сказал ей: «Auf Wiedersehen, mein Kleinkind!»⁷ Рассчитался и завтра улетаю в Москву, а оттуда в Мюнхен, на историческую родину, которая уже давно истосковалась по своему блудному сыну. Знал бы кто, как мне не хочется туда ехать, в безработные иждивенцы записываться, паразитировать на благородном теле немецкого народа! Что мне там светит? Один мой знакомый врач, – кстати, отличный кардиолог, – устроился там рубщиком мяса, да и то благодаря тому, что его дядя ушёл на пенсию и передал ему эту должность по наследству.

Поляков рассказал Уткину о делах фирмы:

– Не знаю, что случилось, но в нашем разбойничьем притоне сейчас царит тихая паника. Наша фурия-секретарша рычит на всех, как волкодав на мосек. К ней то и дело какие-то башибузуки в кожаных коммиссарских куртках заходят и о чём-то с ней зловеще шепчутся. А когда войдёшь к ней, они замолкают и с ног до головы тебя своими гляделками обшаривают, как будто подозревают в тебе террориста-камикадзе из шайки Бен Ладена. Ох и осточертело мне всё это! Жаль, что я русский, а то бы я не то что в Германию, а даже к каким-нибудь папуасам тягу бы дал от нашей развесёлой жизни!

Они долго еще говорили, но разговор получился какой-то безрадостный. Альбрехт больше молчал и хмурился, переводя взгляд с Полякова на Уткина и обратно.

⁷ До свидания, мое дитя (нем.).

Прощаясь, они вручили Игорю Ильичу пакет с фруктами и коробку конфет.

– Если понадобится к врачу съездить, – сказал Поляков, – то мой «жигулёнок» к твоим услугам.

– В четверг, часам к восьми, сможешь меня в поликлинику отвезти? – спросил Игорь Ильич. – И мне в этой чёртовой душегубке, троллейбусе, не толкаться, и ты в наш серпентарий к девяти успеешь. А обратно я уже сам как-нибудь доберусь: к тому времени масло из пассажиров уже давить перестанут.

Проводив гостей к дверям, Уткин на прощание крепко обнял Альбрехта.

– Дай Бог тебе, Юра, прижиться на новом месте и работу приличную найти, – сказал он. – Жаль расставаться: я так привык к тебе. Странная штука – жизнь: только успеешь привязаться к человеку, а уже прощаться с ним приходится!

Потом он обратился к Полякову:

– А тебя, Женя, я вот о чём хочу попросить. Пока меня нет на работе, присматривай, пожалуйста, за Аидой. Она общалась со мною в самый разгар болезни. Боюсь, не заразилась ли она. Звони ей, а если заболит, посети, лекарства купи. Ну, ты сам знаешь, что больному человеку нужно. Хорошо?

Поляков пообещал, что глаз с неё спускать не будет, так что Уткин может спокойно болеть, сколько ему заблагорассудится. Впрочем, лучше будет, если он поскорее избавит его, Полякова, от обязанностей сиделки при женщине, хотя и чертовски красивой, но чужой...

Узнав о ночном визите, Костя встревожился.

– Ты маме моей об этом не говорил? – спросил он. – Не надо: перепугается до смерти. Больше всего в жизни она воров да пожаров боится.

– Я думаю, что это не простой вор, что человек этот из-за меня сюда приходил, – сказал Ут-

кин. – Какая-то опасная возня в последнее время вокруг меня происходит. Чувствую, что добром это для меня не кончится. Время от времени одну и ту же «Ниву» оранжевую вижу, какие-то люди в ней за мною следят. Вот и вчера мне показалось, что это она мимо нас проехала, когда я этого человека спугнул. Зря я Зое Захаровне в квартиранты навязался, как бы ей неприятностей из-за меня не нажить.

Костя задумался.

– А знаешь что? Давай я тут несколько ночей поночую. Гляди, и прищучу гостя ночного. А у него и выясним, что и кому тут понадобилось.

– Не стоит, – возразил Уткин. – Мне кажется, он больше сюда не сунется. По-моему, ему нужно было убедиться, что я именно здесь живу. Видно, это руководство нашей фирмы интересуется.

Костя предложил:

– Ну хорошо. В таком случае я тебе ружьё своё привезу. Пугнёшь ночного гостя, если он ещё раз пожалует.

Ружьё и патроны он привёз часа через полтора.

– А ты не разучился этой штукой пользоваться?

Уткин усмехнулся:

– А ты забыл, сколько мы из этой пушки жестянок консервных в детстве расстреляли? Не беспокойся: ещё помню, что штукюину эту прикладом, а не стволами к себе надо поворачивать.

Но в этот вечер ружьё так и не понадобилось.

16

Уткин ждал Аиду вечером, но она почему-то не приехала. Это не на шутку встревожило его. Он то в волнении ходил по комнате, то ложился на диван и пробовал чтением отвлечь себя от мрачных мыслей, но успокоиться не удавалось.

Что могло случиться? Почему она не пришла? Не сумела раздобыть список? Или кто-то помешал ей принести его Уткину? А может, она тоже заболела, заразившись от него?

Заснуть ему удалось только в третьем часу, но сон его был беспокоен и неглубок.

Утро наступило безрадостное, полное тревожного ожидания. Зоя Захаровна принесла ему завтрак, но он так и не притронулся к нему. Он ждал, прислушиваясь к гулу каждой машины, к каждому стуку калитки.

Не пришла Аида и утром. Тревога Игоря Ильича росла с каждым часом, и он нервно ходил по комнате, потом, опомнившись, останавливался, но через несколько мгновений опять принимался ходить. Один раз он случайно глянул на своё отражение в зеркале: в глазах его было смятение, близкое к ужасу. Что же делать? Ждать? Бежать к ней? А вдруг они разминутся? К шестнадцати часам он оделся, чтобы пойти к ближайшей телефонной будке и позвонить Аиде на работу, но тут в дверь постучали.

– Входи! – радостно крикнул он. Дверь открылась, но вместо Аиды он увидел Олега Меркурьева. Лицо его было мрачным, и Уткин почувствовал что-то недоброе, но из какого-то суеверного страха не стал задавать вопросов.

Олег молча пожал ему руку и сел на стул. Уткин вынул из «Моби Дика» бумаги и отдал их Меркурьеву.

– Аида обещала привезти ещё список девушек, уехавших в Турцию, – сказал он, – но почему-то до сих пор не приехала. Надеюсь, что после работы привезёт.

Меркурьев взглянул на него и тотчас опустил глаза. Потом, помолчав немного, заявил:

– Нет, не привезёт. Уже не привезёт, к сожалению.

– Почему? – весь похолодев, спросил Игорь Ильич.

Олег ещё больше нахмурился. Чувствовалось, что он в растерянности и не знает, как сообщить Уткину страшную весть. А в том, что она именно страшная, Игорь Ильич уже не сомневался.

Наконец Меркурьев решился:

– Игорь, постарайся принять эту весть мужественно. Держись! Аида Адамовна умерла!

Уткин так и сел на диван. В глазах у него потемнело, и сердце на несколько мгновений перестало биться.

– Ты что? – пролепетал он одеревеневшими губами. – Что ты говоришь?

– Аида Адамовна умерла, – тихо повторил Меркурьев. – Сегодня утром она не вышла на работу. Ваш сотрудник Поляков думал, что она заболела, и часов в десять поехал к ней. Звонил, звонил – никто не открывает. Толкнул дверь – она не заперта. Окликнул Аиду Адамовну – в ответ молчание. Вошёл, смотрит: она лежит без сознания. Он сразу позвонил в «скорую» и к нам. Я, как услышал об этом, немедленно выехал к ней на квартиру. Ведь она сотрудник фирмы, которая меня в последнее время очень интересует.

– Отчего она умерла? – спросил Уткин.

– От передозировки героина. Скажи, она раньше употребляла наркотики?

– Никогда! – крикнул в отчаянии Уткин. – Слышишь, никогда!

– Я тоже так думаю. Никаких других следов инъекций, кроме одного, у нее на теле нет. Вывод такой: кто-то насильно ввел ей смертельную дозу героина. Шприц во всей квартире оказался один-

единственный. На ковре лежал. Его там Поляков обнаружил, потому и вызвал милицию. Отпечатков на шприце никаких. И ещё: похоже, что в квартире был обыск. Те, кто его производил, пытались потом навести кое-какой порядок. Но Поляков, который недавно был у неё в гостях вместе с тобой и Альбрехтом, утверждает, что некоторые вещи стоят не на своих местах. В книжном же шкафу полный беспорядок.

Уткин сидел, уткнувшись лицом в ладони, и молча раскачивался взад и вперед. В голове беспрестанно билась одна и та же мысль: умерла! умерла! Поверить в это было трудно. Он знал, что только тогда поверит, когда собственными глазами убедится в этом.

Олег что-то говорил и говорил, но Уткин не воспринимал его слов. Наконец он встряхнул головой и поднял глаза.

– Думаю, что она всё-таки раздобыла тот список, – продолжал Меркурьев, – а руководство фирмы об этом пронюхало. Ясно, что обыск был произведен, чтобы этот список найти. Вернее, все списки. Скорее всего, они не знали, что два из них Лебедева передала тебе. Ты слушаешь меня?

– Слушаю, – ответил Игорь Ильич. – Я хочу видеть Аиду.

– Сейчас её пока видеть нельзя. Давай так договоримся: завтра в два часа дня я заеду за тобой, и мы поедem в морг. Согласен? А пока сделай всё, чтобы успокоиться и заснуть. Выпей снотворное, у твоей хозяйки оно, я думаю, найдётся. И спи. Договорились?

Он уехал. Уткин опять вскочил и стал метаться по комнате. Зоя Захаровна с трудом уговорила его лечь, но уснуть он не мог. А через некоторое время приехала «скорая» и женщина-фельдшер сделала

ему какой-то укол. Постепенно боль в сердце при-
тупилась, странное оцепенение охватило его, и он
провалился в глубокий сон, лишённый мыслей и
сновидений.

Проснулся он поздно, около десяти часов утра.
Приступов тоски и отчаяния больше не было, было
странное онемение сердца. Он даже попробовал
позавтракать, однако кусок не шёл в горло, и он
ограничился лишь чашкой чая с печеньем.

Меркурьев приехал, как и обещал, к двум часам
дня. В морге Уткин долго стоял, безмолвно глядя
на прекрасное лицо Аиды, словно вылепленное из
прозрачно-жёлтого воска, на ее опущенные длин-
ные ресницы, точёный нос с изящной горбинкой,
придававший её лицу изысканную, аристократи-
ческую красоту, на разметававшиеся по оцинкован-
ному железу стола, на котором она лежала, огнен-
но-рыжие волосы. Смерть уже коснулась её своим
тлетворным дыханием: черты лица заострились,
под глазами легли прозрачные голубоватые тени,
розовые губы приобрели иной, бледно-лиловый
цвет. Странно было видеть эти изменения на не-
давно ещё полном красок жизни лице. Трудно
было поверить, что Аида, женщина, только что
принадлежавшая живому, солнечному миру, уже
нисходит в царство вечной тьмы, что она будет
подвержена тлению, навсегда исчезнет в чёрном
зеве могилы. Волшебная красота её нежно выле-
пленного лица странно мерцает на фоне жгучего
пламени волос, но это уже красота увядающего
цветка, на глазах теряющего свои живые краски
и аромат.

Как можно было поднять руку на эту чуд-
ную красоту, какими жестокими и бессердечны-
ми должны быть люди, совершившие это чёрное
дело!

Горло Игоря Ильича словно железными тиска-
ми сдавило, и он молча плакал, не стыдясь и не вы-
тирая текущих по щекам слёз.

Олег обнял его за плечи.

– Крепись, Игорь, крепись! Нужно выдержать.
Аиду Адамовну уже не вернешь, но надо сделать
всё, чтобы убийцы её больше не ходили по этой
земле. Клянусь тебе, что мы засадим всю эту мерз-
кую шайку за решётку!

– Кто это сделал? – потухшим голосом спросил
Игорь Ильич.

– Я подозреваю, что это дело рук черноусого
(его фамилия Панасюк) и его напарника, того, то-
щего, чью зажигалку ты отдал мне. Зовут его Ан-
тон Чепраков, у него уже две ходки в зону – за мо-
шенничество. Они известны как рэкетеры, но при
случае и на мокрое дело способны. Пока прямых
доказательств у меня нет, но будут. Есть два сви-
детеля, видевшие их выходящими из дома Лебе-
девой. Пока мне с ними не удалось поговорить, но
завтра утром я это непременно сделаю. Есть и ещё
кое-что... А сейчас я отвезу тебя на квартиру. Тебе
ещё нужно побережись, иначе можешь осложнение
получить. Кроме того, я опасюсь, как бы эти гро-
милы и за тобой не начали охотиться: они могут
думать, что другие списки у тебя хранятся. А у вас в
глухом переулке подстеречь человека и огреть же-
лезным прутом по голове – для них пара пустяков.

Уткин сказал, что ему надо пройтись, чтобы
привести мысли в порядок, а заодно пообедать, по-
тому что он не ел уже более суток.

– Ладно, – согласился Меркурьев. – А пообедаеть
– сразу позвони. И я тебя доставлю на квартиру.

Последующее Уткин помнил смутно. Кажется,
он бродил по парку, зашёл даже зачем-то в планета-

рий, где они не раз бывали с Митей, и опять смотрел на прекрасное созвездие Ориона, только теперь оно вызывало у него не прежний восторг, а сосущую тоску, какой он, казалось, не испытывал ещё никогда в жизни. Впрочем, это не так. Были, были у него скорбные, невосполнимые потери. Первой ушла из жизни мать, и он перенёс это как полное крушение всего, на чём держался его мир. Много суток подряд плакал он и не верил, что когда-нибудь сможет утешиться. А потом умер отец, так и не опомнившийся после смерти жены, которую он любил горячо и преданно. Каждая из этих смертей была расставанием сначала с детством, потом с юностью, прощанием с детским чувством защищённости, уверенности в завтрашнем дне. А потом рухнула семейная жизнь, процесс распада которой начался уже давно и вызревал постепенно. Винить в этом одну Надю было бы несправедливо: он тоже немало ошибок сделал.

Смерть Аиды начисто смела последние остатки его душевного покоя, и теперь даже собственная жизнь была ему не дорога.

Серый зимний день сменился сумерками, когда Игорь Ильич обнаружил, что стоит перед входом в офис фирмы «Эребус». Он решительно открыл дверь и оказался внутри здания. Теперь ему всё здесь было враждебно и ненавистно: и тяжёлая резная дверь, с грохотом захлопнувшаяся за его спиной, словно отрезая ему путь к отступлению, и высокие потолки, и картины на стенах в коридоре. Но более всего ненавидел он таинственного директора, которого никто никогда не видел, и его ведьму-секретаршу с мёртвыми глазами змеи.

Он резко распахнул дверь в приёмную. Анна Германовна оторвалась от бумаг и вперила в него холодный взгляд.

– Что вам нужно? – прошипела она. – Почему без стука?

– Мне нужен директор! – с едва сдерживаемой яростью сказал Уткин и, подойдя к обитой чёрной кожей двери, дёрнул за ручку. Дверь была заперта.

– Директора нет, – противным скрипучим голосом ответила секретарша. – У него грипп. А зачем он вам?

– Хочу спросить у него, за что вы с ним Аиду Адамовну убили.

– Что? – каркнула секретарша. – Вы думаете, что мелете? Никто её не убивал, она с наркотиками переборщила!

– Ну да, – сказал Уткин язвительно. – С вашей помощью.

– Вы ответите за клевету! – в голосе Анны Германовны зазвучал металл.

– Нет, это вам придётся отвечать! Вам, директору и вашим наёмным убийцам: Панасюку и Чепракову. И я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу вас за решёткой!

Секретарша встала из-за стола и, наклонившись к Уткину, прошипела:

– Ничего ты не увидишь! Ты даже завтрашнего утра не увидишь! Вон отсюда! Я тебя увольню!

– Я уже сам себя уволил, – отрезал Уткин. – Не хочу больше зарплату кровавыми деньгами получать. Будьте вы прокляты!

– Берегитесь! – вслед ему крикнула секретарша. Она ещё выкрикивала какие-то угрозы, но он уже шёл по коридору к лестнице.

Совсем стемнело. Ветер словно взбесился. Уткин вспомнил, что обещал позвонить Меркурьеву, вошёл в телефонную будку, набрал номер и передал содержание своего разговора с секретаршей.

– Что ты наделал!? – испуганно воскликнул Олег. – Теперь они постараются убрать тебя!

– Знаю! – ответил Уткин. – Ну и пусть убивают, мне всё равно!

Ему действительно было безразлично, умрёт он сегодня или останется жить. Всё равно с гибелью Аиды жизнь потеряла для него всякий смысл. Он опять был маленьким мальчиком, заблудившимся в чужом и враждебном мире, лишившимся всякой опоры в жизни, беззащитным и жалким существом. Он никому не нужен, и ему не нужен никто.

– Не дури! – крикнул Меркурьев. – Скажи, где ты?

– Иду домой по проспекту Мира.

– Старайся быть всё время на людях. Не сворачивай в свой переулок: там им легко будет с тобой разделаться. Подожди меня возле кинотеатра «Мир». Сейчас я найду машину и подъеду туда. Только помни: дождись меня!

От холода у Игоря Ильича зуб на зуб не попадал, а Олег всё не появлялся. Это было так на него не похоже, он всегда был человеком обязательным и пунктуальным. Видно, на этот раз сдержать свое слово ему помешало что-то серьёзное.

С каждой минутой болезнь овладевала Игорем Ильичем всё больше. Похоже было на то, что у него очень высокая температура. Мысли мешались, ни одну из них он не мог додумать до конца. Иногда он даже ловил себя на том, что начинает что-то тихо бормотать, словно в бреду.

Ему казалось, будто тело его больше не представляет собою единого целого, что оно расплывчато на мельчайшие частицы, растворено в воздухе, развеяно ветром, выморожено стужей. Лишь одно

желание владело им – скорее оказаться в постели, выпить горячего чая с малиновым вареньем и забыться сном без мыслей, без чувств, без образов.

И тогда он вскочил в полупустой троллейбус, проехал несколько остановок и вышел у Восточного рынка. Отсюда до теперешней его квартиры надо было пройти всего четыре квартала.

Переулок Кутузовский, где стоял домик Зои Захаровны, тянулся с севера на юг, перпендикулярно к проспекту Мира. Он состоял в основном из одноэтажных домиков довоенной постройки. Узкая дорога, на которой едва могли разминуться два автомобиля, шла между высокими откосами, обложенными для прочности грубыми глыбами ракушечника, а наверху, за высокими заборами, видны были крыши домов с дымящимися трубами. В переулке было темно, лишь на перекрёстках, далеко один от другого, тускло светились фонари.

Впереди, на чёрном безоблачном небе среди чистой россыпи звезд, сверкало ледяными кристаллами великолепное созвездие Ориона. В школьные годы Уткин любил астрономию и сейчас еще помнил название многих созвездий. Немного выше и правее Ориона висела мелкая россыпь Плеяд, а слева от него, на одной линии с красноватой звездой Бетельгейзе и Ригелем, горела крупной каплей, просвеченной драгоценным янтарным светом, какая-то планета. Но сейчас величественная красота ночного неба не радовала Игоря Ильича.

Сильный боковой ветер сметал с крыш и откосов сухую снежную пыль и протяжно взвизгивал в туго натянутых проводах. Холодно и неудобно в зимнюю ночь на пустынной заснеженной улице, но ещё страшнее были холод и уют в сердце Уткина.

Он так и не успел полюбить город, хотя и жил в нём с тринадцати лет. Он скучал по широким сель-

ским улицам с голубыми цветами цикория на обочинах мягких пыльных дорог, по белым, розовым и красным мальвам едва ли не в каждом дворе, по огненно-коричневым лепесткам бархатных гвоздик в маленьких палисадниках, по пьянящему запаху полыни, по летним ливням, после которых так ликующе-светло и чисто пылает на густой синеве уходящей тучи многоцветная радуга, обнимающая полседа, и так сладко щекочет босые ступни ног тёплой дождевая вода, рекою струящаяся по острым, колеблющимся в её потоках листьям пырея...

Он жил тогда у бабушки, в маленькой хатёнке, состоящей из двух комнат, всегда до ослепительного сияния выбеленных мелом. Отец с матерью уехали в город и поступили на электроламповый завод, надеясь заработать себе квартиру, а пока снимали убогий угол у какой-то сварливой старухи, сразу потребовавшей, чтоб даже духу детского в квартире у неё не было.

Игорь Ильич очнулся от своих воспоминаний и увидел впереди себя, в самом конце квартала, фонарь, бросающий на снег длинный овал голубоватого света. Впрочем, отсюда виден был даже не овал, а узкая полоса, тянущаяся через весь переулок, а над фонарём, на чёрной эмали неба, всё то же холодное и яркое сияние величественного Ориона.

Переулок был безлюден. Казалось Уткину, что идёт он по городу мертвых. Лишь в одном месте увидел он поблескивающую за белым горбом холма наклоненную металлическую крышу легкового автомобиля. Проходя мимо машины, он взглянул на нее: слава Богу, это была не оранжевая «Нива», а какой-то допотопный «Москвич». Кажется, в кабине было пусто.

Однако не успел он пройти и двух десятков шагов, как сзади послышалось шуршание шин по су-

хому снегу. Он резко обернулся, и сердце его упало: «Москвич» съехал вниз по скату и выруливал в его сторону. Уткин сошёл на обочину и ускорил шаги, чтобы быстрее дойти до дороги, поднимающейся к соседнему двору. Спине стало зябко: похоже, охота началась.

И тотчас позади взревел мотор. Уткин опять оглянулся: автомобиль, не включая фар, мчался на него.

«Вот и всё!» – мелькнуло у него в голове.

И в тот же миг он увидел, что метрах в двухстах позади «Москвича» заворачивает в переулок милицейская машина с разноцветной мигалкой наверху. «Олег! – обрадовался он и тут же подумал: – Поздно!»

Только что он не хотел жить. И тем не менее в миг опасности мгновенно сработал инстинкт самосохранения. В два скачка Уткин преодолел расстояние до круто взбирающейся вверх, к воротам чьего-то дома, дороги и прыгнул на неё. Однако нога соскользнула с оледенелого булыжника, и Игорь Ильич с ужасом почувствовал, что какая-то страшная сила затягивает его прямо под колеса. Последнее, что отметило его сознание, были брызнувшие в разные стороны холодные кристаллы Ориона, и тотчас же вместе с нечеловеческою болью обрушилась на него непроглядная тьма, в которой исчезли и звёзды, и боль, и он сам...

ЭПИЛОГ

Был тёплый солнечный день апреля. В широком больничном дворе недвижно стояли зеленовато-белые облака цветущих вишен, низким гулом бесчисленных пчёл гудели их кроны, и исходил от цветов пьянящий аромат.

Он сидел в коляске, которую катили по асфальтированной дорожке жена и сын. После затхлого воздуха больничной палаты, наполненной стонами и матерщиной больных, чистый, ароматный воздух сада казался целительным бальзамом.

А ведь совсем недавно, очнувшись в больничной палате, Игорь Ильич отчётливо осознал, что жить дальше не имеет смысла. Боль от физических травм мучила его меньше, чем глухая, разъедающая душу тоска. С гибелью Аиды что-то сломалось в нем. Казалось, что умерла какая-то часть души, и ей не воскреснуть уже никогда. Жестокая, мучительная, невосполнимая утрата!

Стоило ему забыть на мгновение, и из тьмы тотчас проступала лёгкая, словно из воздуха сотканная фигура Аиды, её глаза смотрели прямо в душу, с нежной улыбкой она манила его к себе, медленно отступая во тьму и постепенно растворяясь в ней. Он пытался подняться, протягивал к ней руки, звал её по имени, но там, где только что была она, клубилась, наплывая волнами, сизая мгла.

Очнувшись, он видел над собой склонённое лицо Нади, похудевшее, бледное, встревоженное. Он понимал, что она слышала, как он звал в бреду не её, а Аиду, но ни слова упрека не произносила она.

В первые дни пребывания в больнице он почти всё время молчал, лишь односложно отвечал на вопросы жены и врача. О разрыве, который произошёл между ними, Надя не напоминала до тех пор, пока не увидела, что самое тяжёлое осталось позади, что муж её начинает выздоравливать.

– Как же я была глупа! – призналась она однажды. – Думала, что легко обойдусь без тебя, что я человек самодостаточный. Оказалось, что это не так.

Прожитых вместе лет не вычеркнешь. После того как ты ушёл из дома, днем и ночью выла не переставая!

«После того как ты выгнала меня из моей же квартиры», – подумал он, но промолчал, устыдившись своего злорадства, нелепого при его теперешнем душевном состоянии.

– Знаешь, Игорёк, а ведь я думала, что совсем тебя разлюбила, – продолжала Надя. – Потом до меня дошло: внушила я себе всё это. А когда ты мне изменил, я просто в бешенство пришла: как ты посмел? А потом, когда ты ушёл, вдруг впервые представила себе, что ты чувствовал, когда я чуть было не сбежала от тебя! Так какое право я имею упрекать тебя?

Она заплакала. Он молча смотрел мимо неё, в потолок. На душе было тоскливо, и так хотелось остановить Надю, но он понимал, что ей надо выговориться.

– Я поняла, что главный мой враг – гордыня. Я на работе привыкла, чтобы школьники мне подчинялись, и невольно перенесла это и в свою семью. А когда ты круто поговорил с Максимом и тот от меня отвернулся, я твёрдо решила: жить с тобою в одной квартире буду, но ни о какой близости между нами не может быть и речи. При этом я почему-то уверена была в том, что ты обязан мне верность хранить.

Он по-прежнему молчал. Она встревоженно взглянула на него и сказала:

– Теперь, если ты ко мне вернёшься, я всю жизнь свою вину заглаживать буду. Только выздоравливай поскорее и возвращайся домой.

Такие разговоры у его постели она вела неоднократно, но Уткин обычно выслушивал её покаянные речи равнодушно: он не в силах был простить

ей нанесённые ему обиды и не мог заглушить постоянно гнетущую душу тоску по Аиде.

Мир, лишённый её светлой, утончённой красоты, стал пустым и мёртвым пространством. Но проходили месяцы, и Уткин постепенно оттаивал. Он начинал понемногу верить покаянным словам Нади. В сердце его не осталось места для любви к ней, но он по-прежнему любит сына и хочет вернуться к нему. А жена... Ну что ж, не все же живут в любви, многие семьи держатся на привычке супругов друг к другу. Наверное, придёт время, когда и он сумеет простить Наде то зло, которое она ему причинила; только никогда больше она не будет командовать в семье, как раньше. Ей придется теперь считаться с тем, что он, Уткин, стал совершенно другим человеком – стойким, жёстким, суровым. Жизнь многому научила его, и теперь он знает, как себя вести.

Он очнулся от своих мыслей, услышав впереди себя твёрдые, энергичные шаги, и поднял глаза. Навстречу его коляске шёл Олег Меркурьев. Высокий, стройный, в светлом костюме, лёгкой белой шляпе, он так хорошо вписывался в этот цветущий, звенящий птичьими криками, гудящий пчёлами весенний день.

– Ну слава Богу! – вместо приветствия крикнул Олег и, подойдя к Уткину, крепко пожал ему руку. – Мне сказали, что сегодня я могу тебя навестить.

Он поцеловал руку Наде, обнял Митю, потом сказал им:

– Не будете возражать, если я умыкну вашего папу минут на десять? Мне с него допрос снять надо, – он хитро подмигнул Уткину. – А вы пока на скамеечке посидите, скворца послушайте, на бабочек посмотрите.

Надя возражать, естественно, не стала, и Олег неторопливо покатыл коляску на боковую аллею.

– Ну, рассказывай, какие у тебя виды на будущее. Плясать скоро будешь?

– Врач говорит, что через неделю ещё одна операция предстоит. А к концу мая обещает снять гипс и отправить домой. Позвоночник уже зажил, правая нога почти в норме, а вот левая, после того как её из осколков слепили, получилась короче правой, так что теперь прихрамывать буду, как гётевский Мефистофель или как лорд Байрон. А у тебя какие новости? Ты так старательно оберегал мой покой, что я до сих пор ничего об «Эребусе» не знаю.

– Новостей до чёрта, – сказал Меркурьев. – Давно хотел к тебе прийти, да твой зануда-лекарь с твоей женой до того спелись. «Не надо волновать его, он такой слабый!» – говорят. Вот пришлось ждать, пока ты хоть чуть окрепнешь.

– Расскажи же наконец, что тогда случилось, в тот вечер, и что после было, – попросил Игорь Ильич.

– Ну так слушай. Когда ты из автомата мне позвонил, я сразу выехал к кинотеатру «Мир». И надо же – двух кварталов не проехали, машина сломалась. Вернулся в отдел, а там ни одной в запасе. Злился, ругался, по рации патрульные машины вызывал. Наконец одна приехала. Приезжаю к кинотеатру – тебя как корова языком слизала. Поездили вокруг – нет нигде. Погнали к Кутузовскому. И только в переулок въехали, тут тебя этот проклятый «Москвич-412» и сбил, прямо на глазах у нас. Сбить-то он сбил, да сам поперёк дороги стал. А дорога там, сам знаешь какая, особенно не развернёшься. Ну, тут мы этих мерзавцев и прищучили. Они, конечно, раздумывать не стали, выскочили из машины – и давай Бог ноги! Ну, Чепраков – хилый мужичок, как увидел, что не убежит, – лапки кверху, верещит, как заяц: «Сдаюсь, не стреляйте!»

А Панасюк, гад, успел два раза пальнуть из своего «ТТ» на бегу. Пришлось по ногам стрелять. С первого же выстрела я ему в правой ляжке хорошую скважину просверлил. Упрямый, подлец, оказался: ни в какую раскалываться не хотел, пока его фактами к стенке не приперли. А Чепраков жидок на расправу: «Всё расскажу, только оформите явку с повинной!» Ну и выложил всё как на духу – и как они Надю убить хотели, как Панасюк Аиду отравил. Назвал человека, который шофера Неретина убил. И тебя им убить было приказано.

– Кем?

– Ну конечно вашей кобылой-секретаршей. Её мы на другой же день взяли. До сих пор молчит, как копчёная скумбрия. Но у нас против неё столько улик, что хоть сейчас высшую меру давай. Кстати, подняли и дела о гибели прежних юрисконсультов этой фирмы. Там тоже кое-что проясниться начало.

– А директор «Эребуса»?

– А он уже давно никакой роли в делах фирмы не играет. Он в Москве, в хосписе, от рака умирает. Ему жить осталось всего ничего, может, недельку, может, две.

– А почему он от людей скрывался? Он что, урод какой-нибудь?

– О, это очень интересная история. Несколько лет назад он организовал в Москве финансовую пирамиду «Гелиос». Тогда он был ещё Дмитрием Николаевичем Теодориди. А когда набрал кругленькую сумму, дал вместе с денежками тягу. Изменил внешность: хирург греческий нос ему переделал в русский, нижнюю губу подправил, а он себе бородину отрастил, очки здоровенные нацепил и подался к нам, в провинцию. Документы новые выправил: чего у нас за доллары не сделают? Так он и стал Геннадием Иосифовичем Федотовым. А

что на людях не показывался, так это он от застенчивости: боялся, что не дай Бог кто-нибудь из его пострадавших вкладчиков случайно сюда приедет да и узнает его, несмотря на весь этот маскарад. А в тюрьме сидеть ему ну никак не хотелось. Он уже один раз там был, и она ему почему-то не понравилась.

– А кто же такая Анна Германовна? Почему у нее в руках такая власть оказалась? – спросил Уткин.

– Выяснилось, что она жена его законная, только фамилию мужа не взяла – ни первую, ни вторую. В Москве никто не знал её как жену Теодориди, вот она тут, у нас, и развернулась всю под видом скромной секретарши своего шефа. Хитрая бестия! Хитрая и злая! Когда муж уже стал по больницам скитаться, делала вид, будто он у себя в кабинете сидит, а она просто исполняет его распоряжения. На самом же деле эта Горгона все вопросы сама решала.

– Ну а что с девушками, проданными за границу?

– Ту группу, в которой Ирина Гладкова была, мы уже вернули из Китая. Мадам Лэй и её подручные арестованы, и я не удивлюсь, если их расстреляют: китайские власти, в отличие от наших, со своими преступниками не церемонятся. Вторую группу наше генеральное консульство в Китае разыскивает, но пока её судьба неизвестна. Из Греции и Турции пока утешительных вестей тоже нет. Следствие ещё идёт, но думаю, что уже летом будет суд. Так что выздоравливай поскорее, свидетелем будешь. Фирму «Эребус» закрыли, вся документация и счета арестованы.

– А как Поляков?

– Он неплохо устроился. Завтра он сам тебе всё расскажет. Я с твоим врачом договорился, чтоб его к тебе пустили. А тебя, как только из больницы

выйдешь и отдохнёшь немного, в прокуратуру примут, там для тебя вакансию берегут.

Помолчали, прислушиваясь к пению скворца. Под эти звонкие весенние трели холодная печаль вливалась в сердце Уткина. Он думал о том, что ушёл в прошлое важный этап его жизни, период, суливший ему удачу. Он познал настоящую любовь, поверил в возможность счастья. Но жизнь обманула его ожидания. «Эребус» и люди, работавшие в нём, стали призраками, ушли в небытие, растворились в тревожном сумраке прошлого. Нежная, полная волшебного обаяния и неистощимой энергии Аида навсегда исчезла из этого жестокого мира, не щадящего ни ума, ни красоты, ни нежного, отзывчивого сердца, и только жёлтый холмик да деревянный крест отмечают место её вечного успокоения. А где-то далеко отсюда, за тысячи километров, по чисто вымытым тротуарам своей исторической родины, которой он никогда не видел раньше, ходит сейчас Юрий Альбрехт, ходит, наверняка тоскуя по убогим, выщербленным, замусоренным тротуарам российского города, к которому он прирос сердцем, хотя и поругивал его иногда в минуты раздражения. А в московской клинике медленно и мучительно уплывает в иной мир призрачный директор «Эребуса», человек, совершивший немало чёрных дел, надеясь этим обеспечить себе долгую жизнь в роскоши и блаженстве, и кто знает, какие чувства терзают сейчас его преступную душу. В переполненной камере сидит под замком злобная ведьма с холодными глазами гадюки, бывшая секретарша бывшего главы фирмы, сидит, с ненавистью перебирая в памяти имена людей, которых не успела убрать с дороги как нежелательных свидетелей её преступлений. И подручные её ждут за решёткой решения своей участи. И лишь один

только Поляков остаётся живым напоминанием Игорю Ильичу об Аиде, потерянной навеки.

– Ну а как у тебя дела семейные? – спугнул его мысли Меркурьев. – Всё это время я следил за твоею судьбой и знаю, что жена твоя дежурила у постели дни и ночи и лишь иногда соглашалась, чтобы возле тебя посидел твой друг Костя или его мать. Надеюсь, с Надей вы окончательно помирились?

– Не знаю. Она клянётся, что отныне будет мне хорошей женой. Но, сам понимаешь, нелегко будет нам вместе, особенно первое время. Слишком многое стоит между нами. Возможно, со временем всё это сгладится, жизнь помирит нас окончательно, и мы станем жить, будто ничего плохого между нами и не было. Многие так живут. Конечно, Аида из памяти моей никогда не уйдет; эта рана, я чувствую, будет вечно кровоточить, но с годами боль, конечно, притупится, перестанет быть такой мучительной. А Надя, кажется, поняла, что жить со мною всё же лучше, чем в одиночестве. Но для этого ей надо было меня потерять, хотя бы на время. Кстати, она говорила, что это ты ей сообщил о том, что меня машина сбила, а потом довольно круто с нею поговорил о её поведении. Это правда?

– Какое это имеет значение? – махнул рукой Меркурьев. – Главное, что ты жив и что семья твоя с тобой. Я верю, что всё у вас наладится. Только выздоравливай поскорее. А теперь я вручу твоё брненное тело в руки твоих близких, мне уже на службу пора.

Он подкатил коляску к скамье, на которой сидели Надя и Митя, попрощался, пожал мальчику руку, наказав ему охранять отца, пока тот сам себя защитит не может, и ушел, насвистывая какую-то весёлую мелодию.

Уткин смотрел ему вслед, пока он не скрылся за оградой. Там, на улице, кипела весенняя жизнь:

слышался гул автомобилей, говор людей, раздавались далёкие свистки электровоза за железнодорожной станцией, а здесь было тихо, лишь вскрикивала где-то в кустах синица, да время от времени заводил свою песню над головой Игоря Ильича скворец.

Уткину было грустно, и в то же время тихо зарождалась в душе слабая, пока ещё едва заметная надежда на то, что рано или поздно всё наладится. Он думал о том, что человек всегда найдет, ради чего жить, даже когда ему кажется, что уже всё потеряно. А жить надо – ради сына, ради того, чтобы видеть это голубое небо над головой, зеленова-то-белые шатры цветущих вишен, танцующий полёт белых бабочек над молодой щетинкой травы, – и просто жить, чтобы жить. И кто знает, может быть, в его выгоревшем сердце когда-нибудь возродится угасшая радость жизни и, возможно, он ещё испытает терпкий вкус, казалось бы, навсегда утраченного счастья...

Пока перо мое скрипит
И над строкою бьется сердце,
Я буду жить, я буду жить
И у огня родного греться.

Пока душа моя болит –
Она жива, она ранима.
Я буду жить, я буду жить,
Ветрами вечности хранима.

Пока свеча моя горит,
Я буду Господу молиться.
Я буду жить, я буду жить,
Покуда сердце будет
биться.

Угасает румяная осень,
Потому ли, наверно, опять
Сердце – тише, усталые очи
Глянут вдаль – ничего не
видать.

Потому ль разбрелись
мои мысли,
И уже несказанно легко
Обрывают горячие листья
И куда-то летят далеко.

И снимают пурпурные платья
С легких ив, что поют на ветру.
И светло раскрывая объятия,
Лягут в стерни полей поутру.

**ВАЛЕНТИНА
НАРЫЖНАЯ**

Поэзия

Угасает румяная осень,
Покидая родной уголок.
Лишь сияет меж елок и сосен
Золотых куполов огонек.

Вставай, деревня!
Паши и сей.
Ведь род твой древний –
На зависть всем.

Твой род великий! –
В нем кровь славян...
Но где ни кликну –
Скрипит бурьян.

И луг не скошен,
И поле спит.
И сад заброшен –
Душа болит.

Под ветхой крышей
Почил твой род.
И еле дышит
Твой огород.

Проснись, деревня!
Пора пахать.
И род твой древний
Пора спасти.

Опалённый грозою,
Вечер лег в лебеду.

Я иду за тобою
И безумия жду.

Чем себя оправдаю? –
Ноги сами ведут.
Белокрылую стаю
Ветры к берегу жмут.

Все когда-то уж было
И, казалось, прошло.
Только вновь опалило,
Да сильнее еще.

До безумства, до боли,
До пожара в душе...
Помню тихое поле,
Помню рай в шалаше.

Ветра луга весь день косили
И травы падали вразброс...
Какое счастье жить в России
Среди рябин, среди берез!

Родное все, не наносное:
Хатенка, изгородь, ветла.
И луга платье расписное,
И ранний оклик журавля.

И синева родного неба,
И колокольчик под дугой,
И запах маминого хлеба
На белой скатерти льняной.

Затерялась моя родословная,
Как звезда средь безмолвных полей.
Но шумит ее ветка зеленая
У истоков России моей.

И над каждым распаханном полем,
И над каждой согбенной избой
Пролегла бороздой моя доля,
Словно луч золотой над стерней.

И хоть шлет мне судьба испытанья,
Терпеливо несую я свой крест...
Поднимается род мой, как знамя,
В пелене затуманенных лет.

Померкли ветряные дали,
И ночь размашистой рукой
Ласкала шелковые шали
Берез, уснувших над рекой.

А по низине, к устью речки,
Качались ивы в полусне.
И тот, кто мог бы греть им плечи,
Ушел за тучкой по волне.

Хоть все кругом давно уснуло:
Зверюшки, птицы, рыбаки,
Но почему-то в степь тянуло,
Туда, где спали косари

На копнах сена, как на плахах,
Тела раскинув как кресты.

И полыхали их рубахи
В объятьях утренней зари.

Ходят ветры по травам, хмелея,
И бегут, как по морю челны.
И церквушка стоит, не старея,
Колоколенки всюду слышны.

Здесь лучи золотые сверкают,
Обнажая все тайны земли.
И в глубины веков проникают
Сквозь раздоры, и кровь,
и кресты.

Где менялись и взгляды,
и время,
И тревожные судьбы людей...
Нес народ свое тяжкое бремя,
И безмолвие шло от полей...

Как волнуются травы
степные!
Под июньским горячим
лучом.
Ходят, бродят здесь духи
святые,
И Поэзия льется ручьем.

Тикает сердце по венам,
Тело опутала страсть.
Хочется в теплое сено,
Словно в перину, упасть.

В запахах трав окунуться,
Ночью обнять купыри.
Утром счастливой проснуться
От поцелуев зари.

Я хочу, чтоб завтра плакал
ветер,
Простодушный мелкий
дождь шумел
И, мой путь предсказывая,
где-то
Одинокий лист с ветвей летел.

Чтоб за горем городских
окраин
Шляться по сверкающим лугам
Там, где холод сам себе хозяин
И ручей петляет по горам.

Чтобы недовольные погодой
Люди грелись, коротали век
И не ведали, что снова кто-то,
То есть я, брожу – один за всех.

Который час? Которая весна?
Куда мне деть размах,
полёт порыва? –
Так запросто, как всхлипнула
жена:
Чтоб отошёл подальше
от обрыва.

Как просто ей любить и
ревновать.
А тут сиди и думай: как
заставить
Своей судьбы земную
благодать
Войти в рисунок неба, в камни,
травы.

**СЕРГЕЙ
СМАЙЛИЕВ**

Поэзия

Вот силуэт, а вот – ищи-свищи.
 Как тягостна без образа свобода!
 И будто мной искусство хочет жить,
 И так, чтоб не убить в себе природу.

Я, может, сам устал торчать над ним
 Лохматой и простуженной вороной.
 Уже и краски вытянулись в клин
 И улетели к солнечной короне,

Из робких пальцев выпал карандаш –
 В родную рошу поскакал по скалам...
 Всё – как всегда, когда находит
 блажь
 Вместить судьбу в стихию для начала.

С разбега. Ухватившись за букет
 Уже не вдохновенья, а буксира...
 Когда привычно – прежде, чем взлететь, –
 Опомнишься, что в жизнь вошёл
 без крыльев.

Я люблю рисовать,
 Когда рядом Ирина играет.
 Вот заслушался скрипку
 И сразу к бессмертью привык.
 Пусть оно на картине
 Красуется в солнечном платье,
 Одиночества свежесть
 Украдкой дяля на двоих.
 Краски радуют вечер –
 Являя, что жесту открылось,
 Скрипка дарит взаимность

Всему, что способно принять.
 Хорошо, что сегодня
 Терпенью дано причаститься
 И послушное сердце
 Не втискивать в роль скакуна.

Хорошо, что порой удаётся
 Без лишней потуги –
 Тем, чем мы не виновны, –
 Уйти от жестокости дел.
 Может – к их доброте,
 Если всё же поможем друг другу
 Только цветом и музыкой
 Высветить прожитый день.

Говори. Но поменьше.
 Чтоб слышал способный
 к молчанию.

А от прочих – терпи
 Опьяненье кичливых свобод.
 Где не знающим тайн –
 Торговать атрибутами тайны,
 Не имеющим веры –
 Рядиться в блаженных сирот...

Ещё успею забежать в ларьки:
 Куплю на радость что-нибудь для
 близких,
 Сынишке – акварельные мелки,
 Жене – цветы, себе – пучок редиски...
 Понятно, что – не то. И наконец

Не обмануть обыденность,
усталость...
И с мирозданием чёрт-те что!.. Но здесь
Хоть маленькая в чём-то будет радость.

На другой стороне
Бесконечных окраин души
У меня есть парадный костюм
И китайская роза.
Как стихийное бедствие – кот...
А на этой – дрожат камыши,
И проспавшее зиму
Болото насквозь безголосо.

Не успел и заметить,
Как сбросил с очей саркофаг,
Приобщая себя
Ко всему, ко всему, чему внемлю:
Ощущая готовность
Вмороженных в лёд черепах
Пробудиться и жить,
И держать над безумием землю...

«...И еще раз: земля...»

**(Памяти моего отца –
Георгия Шумарова)**

«Чья потеря – моя находка?», – спрашивает Бог. «Моя потеря», – отвечаю я. Смерть – это очень странная штука. Когда она отбирает близкого человека, тем снимая с тебя обязанности по отношению к нему, ты подпрыгиваешь от этой образовавшейся непосильной легкости, как мячик, и повисаешь в пустоте, глядя уже немного сверху на свою Землю и на свое место на ней.

...Он научил меня необыкновенным вещам – очень нужным для жизни, но про которые я вряд ли смогла бы узнать из других источников. Плотно наматывать нитку на палец – виток к витку, по всей длине, когда другие способы снять кольцо уже исчерпаны – принцип «корректирующего белья», так сказать, – палец становится тоньше, и кольцо слезает. Выдыхать до упора несколько раз подряд, если от быстрого бега заболит под ложечкой. Никогда не скучать наедине с собой – даже в магазинной очереди или в поликлинике, потому что «умному человеку с самим собой никогда не бывает скучно».

**ГАЛИНА
ТУЗ**

Проза

Через год после его смерти я поняла, что пресловутый «зов крови» – вовсе не мистика. Я вдруг стала интересоваться теми вещами, которые любил отец: слушать его любимую музыку, смотреть его любимые фильмы, перечитывать его любимые книги. Как будто через мои глаза и другие органы чувств он продолжал получать из земной жизни информацию и эстетическое удовольствие. Я словно стала каналом связи земного с небесным. (Ой, только что вспомнила из Вознесенского: «С иными мирами связывая, глядят глазами отцов дети – широкоглазые перископы мертвецов». Оказывается, не только я что-то такое чувствовала.)

А любил он многое и страшно много обо всем этом знал. Мне не нужны были словари и справочники, я просто выходила в соседнюю комнату и задавала вопрос отцу, у него на все имелся ответ: музыка, история, русский язык, не говоря уже о литературе и медицине. Тут он был вообще вне конкуренции: писатель и практикующий хирург, профессиональный читатель и мыслитель по призванию, он никогда не демонстрировал свою особую образованность, сдержанность – это тоже его.

Крестьянский сын, «пензяк толстопятый», чумазый малолетка, которого богомольная бабка Фимка таскала за собой на рынок табаком торговать, чтоб хоть что-то выручить в этой кромешной сельской нищете 30-х годов, – отец вырос сначала в студента-отличника Первого Ленинградского медицинского, а потом – во врача и прозаика. Селф-мейд-мен – в его поколении это случалось.

Место рождения: село Маис Пензенской губернии, по другим источникам – станция Ночка, там же. Весьма поэтичные названия, из таких местечек грех не выйти в поэты-писатели. Как-то я спросила отца: в кого это он, мол, такой талантливый – и литератор, и рисует отлично, и музыкальный слух превосходный... Родители-то его, вроде, безо всяких этих интеллигентских заморочек обходились. Он сказал, что два его

дядьки-крестьянина были художниками-самородками, они без вести в Великую Отечественную пропали... А отец в 41-м учился в начальной школе. Рассказывал одну веселую историю про это невеселое время – как сочинил тогда для школьной стенгазеты стихи: «И тут и там вздымалось пламя вверх, И тут и там качались трупы ребятишек. Мы отомстим за материнский грех и за убитых ими маленьких детишек». Его молодая учительница так и покатила со смеху, хоть это было и не вполне педагогично, а сквозь смех еле вымолвила: «А что это, Жорик, за чудо такое: материнский грех?» «Ну, это значит – материнское горе!» – ответил автор, вполне сохраняя при этом чувство собственного достоинства.

Вообще, отец обожал смешные истории – и свои, и чужие, – стоит только его записные книжки почитать (кстати, вот бы их издать!), да и в отцовских романах полно веселых ситуаций. Но сам он улыбался крайне редко, а уж смеялся – и подавно. Интроверт...

И еще одно: он был человеком, который может себе позволить роскошь говорить правду. Если что-либо не подлежало разглашению – он это просто не озвучивал, но если уж говорил, со стопроцентной уверенностью мы знали: так оно и есть. Верный друг в ремарковском понимании и верный возлюбленный собственной жены (он мне почему-то признался однажды, хотя не моего ума это было дело: «Я никогда даже не целовал другой женщины»), отец, в отличие от многих-многих, слово свое за целую жизнь не девальвировал. И дело тоже.

...Я прискакивала к нему на работу в краевую больницу, взбегала по ступенькам на второй этаж, поворачивала налево и оказывалась в ординаторской, где всегда было накурено хоть топор вешай (понятно, что советские времена хороши были еще и этим: никто не навязывал никому своего понимания здорового образа жизни и не давил на несчастных курильщиков). Хирурги, «отстояв смену», резались в шахматы, самым

лучшим игроком у них там считался Андрей Андреич Шкарупелов, но и отец был не последнего разбора, они подолгу думали над шахматной доской, а болеющий вокруг народ нервно обсуждал полушепотом очередную ход и мечтал поскорей занять место игроков. Меня из ординаторской никто не гнал, но и не замечал особо. Я сидела напротив отца и тихо млела, он мне казался героем из книжки: умным, красивым, таким большим и таким романтичным в своем белом халате и белом колпаке. Мощные пальцы с коротко остриженными ногтями, желтоватые от табака и йода, тушили в пепельнице окурков за окурком. Все в ординаторской было необыкновенным, даже пепельница – сани из тяжелого серого металла – уменьшенная в десятки раз точная копия старинных розвальней, подарок хирургам кого-то из благодарных пациентов, вернее, их родителей, пациенты детской хирургии, понятное дело, дети.

Вообще, с подношениями у отца было сложно. Кольяк – еще куда ни шло, но продукты и что-либо другое исключалось полностью, к нам домой частенько прибывали какие-то люди с кульками и сетками, и отец их решительно выпроваживал, у нас это называлось «спустить с лестницы». Про деньги я вообще молчу – о том, что в благодарность за удачную операцию хирургу можно было предложить деньги, – об этом я как-то даже не догадывалась.

Шестидесятники, что поделать. Кодекс чести у них такой железный: порядочность – прежде всего, вера в социальную справедливость, в человека – несмотря ни на что. Шестидесятники, друзья отца, вечно торчали у нас – сначала в комнате в общежитии, потом в отцовском кабинете – таком же прокуренном, как и ординаторская. Я держала уши на слуху, поэтому во всех мировоззренческих перипетиях шестидесятников стала разбираться очень рано: права человека, Сталин-палац, «По праву памяти» и «Теркин на том свете» Твардовского, ахматовский «Реквием», Галич, Шукшин с

Тарковским, новомировская драма... Когда в 68-м пришло время подписывать в Союзе писателей письмо во славу танков на улицах Праги, отец этого не мог сделать по определению – Прага и Дубчек были для него и его друзей символами недостижимой свободы.

...В семье говорили, что свой первый роман «Круглый стол на пятерых», который вышел в московском «Совписе» в 66-м, отец написал со мной «на коленях». Так что стук печатной машинки по ночам был для меня звуком вполне обыденным, данностью, и я даже немного удивилась той радости, с которой отец демонстрировал нам вышедший «Стол...», – ну я всегда знала, что мой папа – писатель. Писатель пишет, книжки выходят – что ж тут особенного?

До этого отец издавался дважды – в Орловском книжном издательстве (в Орел из Ленинграда родители уехали по распределению). В Ставрополе его рукописи всегда проходили трудно, редакторы свирепствовали, сказано же: «Когда в Москве стригут ногти, в Киеве рубят пальцы», то есть, чем дальше от центра...

Но в центр надо было пробиваться, совершать какие-то телодвижения. Отец предпочитал не тратить на это время. Его самоирония и «антипафосность», абсолютное отсутствие тяги к красотам позволяли не тяготиться званием провинциального литератора. Он не терпел неточности в слове, хотя к начинающим авторам был снисходителен, давал рекомендации в Союз, работал с текстами, руководил семинарами молодых. Его фразы по поводу всяческих поэтических или прозаических неудач сидели у меня в голове занозами: «Хм... «Ты узнаешь, что напрасно называют Север крайним, ты увидишь – он бескрайний...» Харитонов – стилист! Это ж все равно что сказать: «У нас мировые танки, потому что они защищают мир...»».

У каждого писателя (впрочем, как и у каждого человека вообще) есть право на ошибку: гениальной ошибкой Горького называли Литературный институт (кстати, отец самую малость жалел, что не учился в Лите. А я

Помнится: за праздничным столом
Веселилась свадьба удалая!
Стол богат и хлебом, и вином –
Покидает дом сестра родная!

Песенно и людно во дворе.
Почему ж в душе моей тревога?
На Покров, в звенящем октябре,
Так маняща и легка дорога.

Вот и я покинул вскоре дом,
Веря в неизбежность коммунизма.
Без оглядки. Ветрено. На слом.
Я тогда рванулся к новой жизни!

Только светят, светят мне впотьмах
Преданно хранимые годами
Ковыли на склонах и лугах
И ромашки белые –
Коврами!

Солнце пляшет! Ветер в бубен бьет!
Осень синью красит поднебесье!
Но покоя сердце не найдет!
И не встретит мама у ворот,
И – седой...
И затерялась песня...

В разгар зимы, когда мороз со звоном
Насквозь пруды и речки прихватил.
Когда доволен не скупым поклоном,
А тем, что в круг семью объединил, –

Вдруг в распорядок жизни сей печальной
Дохнут огнём поляны и кусты...
Девчонки образ юный и венчальный
Целуешь ты...
Целуешь ты.

Предгрозовая тишина.
И сердце резче бьется!
А лошадь на лугу одна,
Спокойная, пасется.

Сверкнула молния во мгле,
Как будто – Бога роспись!
И искрами – по всей земле –
Звезд поднебесных россыпь...

И гром раскатный надо мной,
Над лошадью и лугом –
Ворвался в призрачный покой
Тревожным гулом!..

Вблизи погост суров и тих...
И все-таки: нетленны
И жизнь вокруг, и этот миг
В объятиях Вселенной!

Ловлю дождейки
Жадными губами.
Глотаю васильковый ветерок.
И, улыбаясь,
Трогаю руками
Чертополоха
Огненный цветок.

А ливень – рядом.
В летнем поле – праздник!
Гроза – салютом молний
В небесах!
И жеребенком
Кажется кустарник,
Поднявшийся на тоненьких ногах.
Дождя потоки
Будто в дымке синей.
И над лугами сполохи...
Во мне
Мятежная безудержность России
Вновь песней отзовется в тишине...

Я буду жить в ночных туманах
И в миражах костром мерцать.
Для путников водою стану,
Чтоб сил идущим прибавлять.

Как луч стремительный весенний,
Я буду мчаться над землей.
А надо – молнией мгновенной
Сомкнусь с печальной душой.

Сольюсь с протоками полыни,
С прохладой ивы у ручья.
И может, зимней ночью длинной
Звездой желанной стану я...

Заплатки

Разметали порывы вешние
Тонкий ситцевый мой покой.
Коромысло с ведёрком
вешал мне,
Душу залил живой водой.

За околицей травы пряные –
Задыхаюсь, тону в стогу.
Губы пахнут густой сметаной,
А насытиться не могу.

Растрепалась коса плетёная,
Между прядей ромашек цвет.
На колени в углу к иконам я –
Мне, дурёхе, прощенья нет.

Сарафанная душит лялочка –
Сердцу тесно, темно в груди!
Семь замков вешай мама,
мамочка,
Запрети мне к реке ходить!

Над избой брызжут звёзды-
капельки,
К бережку окропляя путь.
Заколавивай ставни,
папенька,
Чтоб в окошко не упорхнуть.

Я латала нутро заплатками,
Но рвалась, но терялась нить.
Разве может быть гибель
сладкою?
Оказалось, что – может
быть.

ЕЛЕНА
ЯДРИНА

Поэзия

Груда облаков, над морем свисшая,
Словно мрачных мыслей рыхлый гнёт.
Солнце позолоченною вишнею
Сок лучей последних в воду льёт.

Сдавленно закатом солнце спелое
Брызжет сласть тепла за горизонт.
Так же песнь свою шальную спела я,
Так же и меня заход влечёт.

К новым берегам за далью розовой,
К тайным неизведанным мечтам.
Сочно-молодая, спело-взрослая...
Я – уже не здесь, ещё не там...

Утро в бежевых тонах

Влюблённой скромницей опять
Встречаю утро,
Я снова рада размышлять,
Я снова Будда.
Держу полвечности в руках
И крекер к чаю
И утро в бежевых тонах
Сижу, встречаю.

Неспешность мыслей и лучей
Течёт и греет.
Я вся твоя, а ты ничей,
Но так острее
Желаний вкус и стрелы слов,
Летящих в песни.
Я вся твоя, а ты таков –
Ничей, хоть тресни.

Мне непростительно к лицу
Вуаль улыбки.
Сейчас мне хоть бревно подсунь –
Всё корпус скрипки.
Смычок души не в канифоль –
А в мёд испачкан.
Вкушать, звучать, любить позволь
Своей скрипачке.

Убранство утренних небес –
Венчальный полог.
Мой путь в эдем – с тобой и без –
Истомно долог.
Я вся твоя до слёз в глазах –
Да, я такая...
И утро в бежевых тонах
Меня ласкает.

Июльский проказник

Назойливый дождь был не слишком
тактичен:
Вальяжную речь заведя,
Он влез в разговор увлекательный птичий,
Что, в общем-то, в духе дождя.

На сено подсохшее бесцеремонно
Улёгся, забыв комильфо –
Примял, намочил и в ключе моветона
Продолжил лихой марафон.

К избе направляясь рысцой шаловливой,
Он сбил с одуванчика пух.
И пса дождь загнал в конуру неучтиво,
Сердясь, что остался тот сух.

Крыльцо обогнул, пробежался вдоль хаты,
Стуча кулачками в окно.
Затих за углом. И исчез виновато.
Ругать его, право, грешно.

Я люблю этот дом
С его трещинами,
С его скрипом дверей,
С крышей вкось,
Свято помня о том,
Что завещано мне –
В листьях календарей
Унеслось:

И былое тепло,
Детством даренное,
И беспечность житья
Без счетов.
Сердце всё сберегло,
Всё, что дадено мне.
Век сменила не я.
И никто.

И пока за душой
Покалеченною
Хоть пригоршня, да есть,
Медяков,
Буду тратить с лихвой,
Как намечено мне,
На венец и на крест
Из брусков.

Азово-Моздокская линия – пограничный рубеж на Северном Кавказе

В исторической науке и, как следствие, в политических мнениях преобладает устойчивая точка зрения о том, что отсчет Азово-Моздокской линии ведется от заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира.

В настоящей статье рассматривается вопрос с позиции того, что Азово-Моздокская оборонительная линия являла собой продолжение процессов по созданию русских рубежей на Северном Кавказе, начало которым было положено во второй половине XVI в. Сунженские городки 1567, 1578, 1590, 1635, 1651 годов и построение в 1588 г. Терской крепости обозначили первый рубеж по р. Терек. Здесь начал формироваться левый фланг будущей линии между Каспийским и Черноморо-Азовским бассейнами. Сообщение русского государства с этим флангом обеспечивал волжский путь через Астрахань.

Терская крепость со второй половины XVII в. стала рассмат-

**НИКОЛАЙ
ОХОНЬКО**

Краеведение

риваться не как отдельный населенный пункт, а как один из окраинных регионов российского государства наряду с такими его частями, как Астрахань, Сибирь и Малороссия. В документах под Терками подразумевалась целая территория с центром в Терской крепости. Эта роль Терков красноречиво выражена в одном из царских указов 1679 г. по земельным вопросам, где особо выделяются воеводы «в Астрахани и в Сибири и на Терках». В этом же документе, имеющем статус государственно-правового акта, приводится следующее перечисление окраинных воеводств и земель: «А которые люди... посланы будут на Воеводство в Астрахань, на Терек и в Киев и в Сибирские и Малороссийские города...» В 1728 г. для этой территории был даже разработан герб.

Становление правого фланга начиналось с низовья Дона и от крепости Азов, которая оспаривалась Турцией и Россией, переходя из рук в руки, а затем окончательно став русским оплотом. Отсюда потянулась граница в сторону Волги и Кубани.

На становление этих рубежей первостепенное влияние оказывали взаимоотношения между Россией, Турцией, Крымским ханством и Ираном. Именно они выводили закрепление формирующихся границ на уровень международных договоров. Азово-Моздокская линия завершила процесс создания единых рубежей в Черноморско-Каспийском междуморье и на Северном Кавказе.

На рубеже XVII–XVIII вв. Османская империя начала терять завоеванные территории в Европе и стала переходить «к оборонительной стратегии, элементами которой стало строительство пограничных крепостей, переговорные процессы и четко установленные границы». Между Россией и Османской империей наступила эпоха нового «пограничного порядка». Впервые вопрос о стабильных гра-

ницах между этими государствами встал после заключения Бахчисарайского перемирия в 1681 г., когда впервые за всю историю между участниками переговорного процесса возникла общая зафиксированная граница. Разграничение земель между Россией и Османской империей на кавказском направлении началось после заключения в 1700 г. Константинопольского договора.

Понимание же границ в этом направлении формировалось уже до этого. Показательным моментом здесь может служить наказ терскому воеводе, данный Петром I 14 мая 1797 г. В Наказе больше всего места отведено тому, как контролировать ситуацию на границе и выстраивать отношения с такими «пограничными государствами», как Персия, Турция и Крымское ханство, а также «Кумыки», «Кабарда» и «горские Черкесы».

При этом в тылу Терской линии находился спокойный степной регион между нижней Волгой и Доном. Контроль за этим пространством возлагался на Астраханского воеводу, которому в 1700 г. дается наказ, аналогичный наказу Терскому воеводе. Астраханскому воеводе предписано было организовывать частые разъезды «детей боярских, и сотников стрельчих и стрельцов добрых степью, человека по два или по три... а с ними посылать вожжей и провожатых... которые бы знали поле до Украинных городов достаточно». На этом направлении обозначались такие субъекты внимания, как Турция, Крымское ханство, ногайцы, калмыки и донские казаки. О результатах таких разведок необходимо было каждые шесть недель сообщать в Москву.

Выстраивание границы на правом Азово-Кубанском направлении между Россией и Турцией началось после Константинопольского договора 1700 г. В самом договоре по этому поводу было записано:

Статья IV. «Азов город и ныне к нему належашие все старые и новые городки, и меж теми городками лежащие, или земля или вода, понеже во владении Царского Величества суть, паки тем же образом всемерно Его ж Царского Величества в державе да пребудут».

Статья VII. «Понеже также Азовскому городу и с другой стороны приличным образом земли владение надобно есть, дается от Кубанской стороны уезд, считая расстояние его от Азова к Кубани, даже до кончания десяти часов ездой конскою, обыкновенным считать обычаем во всех народах так, дабы Коммисары никоими мерами ссориться не могли; но по силе сего постановления обою страны земли добро да отделят, и положением явных знаков да разделят, и никому никогда не дан бы был разности случай, от содержимых меж определенного расстояния земель десяти часов, да и с равным числом людьми, с обеих сторон назначенные разумные и благоволительные Коммисары, постановя меж собою время, сие дело как скорее да учинят».

На основании этого постановления в октябре 1704 г. «произошло разграничение земель в Прикубанье по р. Ея и в районе Азова». Представителями совместной русско-турецкой комиссии непосредственно на местности была определена пограничная линия, начались мероприятия по обеспечению ее неприкосновенности и приведению местного приграничного населения к новой модели межгосударственных отношений.

При определении границы на местности использовались как естественные объекты, так и искусственные знаки. Основная часть границы пролегала по р. Ея – самой длинной водной артерии Азово-Кубанской равнины. В число ориентиров входили курганы и естественные высоты. В допол-

нение к этому искусственно насыпались «курганы граничные».

Нарушать границу строго запрещалось. О серьезности контроля за ней свидетельствует то, что, когда казаки, увлекаясь охотой, пересекали границу и попадали на турецкую территорию, «там их ловили турецкие разъезды из Азова и продавали как «ясырь». Забегая вперед, отмечу, что при заключении в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского договора при определении здесь новых границ с Турцией за отправную точку бралась именно эта линия, проложенная в 1704 г.

Следуя хронологической последовательности, переместимся на левый Каспийско-Терский фланг формирования российских рубежей, где происходили события, которые определялись Каспийским походом Петра I, предпринятым им летом 1722 г., в результате чего к России от Персии отошли провинции Гилян, Мазандаран и Астрабат, а также «города Дербент и Баку со всеми принадлежащими к ним землями». Это было закреплено в трактате, заключенном 12 сентября 1723 г., по которому персидский шах «уступал эти территории» России. В результате присоединения указанных персидских провинций Россия вышла к закавказским границам Турции в районе Шемахи и слияния Арагвы и Куры. 12 июня 1724 г. в связи с изменившейся геополитической ситуацией между этими государствами был заключен трактат «О согласии Российского двора с турецким по поводу явившегося в Персии самозванца Махмуда, по присоединении Персидских провинций к России и Турции по их прикосновенности к границам того и другого государства». Этот трактат определил новые границы не только между Россией и Персией, но и между Россией, Персией и Турцией. Границы, продекларированные в трактате, затем были

отмежеваны непосредственно на местности. Уполномоченные «с обеих сторон комиссары» обследовали в течение 1726 г. и 1727 г. трассу всей границы и установили здесь более 30 пограничных знаков. Межевание было закреплено в двух «Межевых записях», подписанных Россией и Турцией 27 октября 1726 г. и 12 декабря 1727 г.

В результате этого у России на кавказском направлении появилась внешняя государственная граница с Персией и Турцией и несколько внутренних оборонительных линий – Царицынская, Терская, а также по Сулаку и Аграхани. Похожая ситуация сложится в 1829 г., когда российская государственная граница пройдет в Закавказье, а Кавказская военная линия на Северном Кавказе окажется в тылу.

В 1732 г. между Россией и Персией были заключены мирный договор и трактат, согласно которым Россия отказывалась от персидских провинций в южном и западном Прикаспии. Одновременно в этом же и последующем 1733 году предпринимаются активные меры по укреплению Царицынской линии, которая существовала до возведения Азово-Моздокской линии. Для укрепления этой линии, протяженностью 60 верст, было переселено 1060 семейств донских казаков, которые образовали Волжское войско и которые в 1771 г. и в 1777 г. поселялись на Терской и Азово-Моздокской линии.

Как известно, к 1735 г. персидские провинции были оставлены, и российская граница возвратилась на Терский рубеж, который к 1771 году полностью перекрыл пространство от Каспийского моря до Моздока. Для контроля за этой границей был сформирован воинский контингент регулярных войск и организована сторожевая казачья линия вдоль левого берега Терека.

Граница с Турцией на западном Азово-Кубанском фланге была вновь рассмотрена после русско-турецкой войны, закончившейся подписанием в 1739 г. Белградского договора. После этого по вопросу границы были подписаны еще два договорных акта: 20 октября 1741 г. «О подорвании Азовской крепости, о разорении двух каланчей, о постановлении барьерной земли, и о разграничении оной по рекам Кайсуге, Кагальнику, Чебуре и Эи, и о бытии оным местам Барьером впусе лежащим» и 30 марта 1747 г. «О разграничении земель около Азова, на Кубанской стороне лежащих».

Согласно им р. Ея становилась не пограничной, а «барьерной», т. е. ничейной землей. Барьерный статус присваивался и Кабарде. Так как российские рубежи от р. Еи до Терека определялись соседством с Кабардой и закубанскими народами, которые имели своеобразный международный статус (территория Кабарды «барьерная», а закубанские народы считались подданными Турции и Крымского ханства), то граница с ними до 1777 г. не строилась.

В 1768 г. начинается очередная русско-турецкая война. В ее ходе российской стороной предпринимаются меры по укреплению своих опорных флангов. На правом фланге происходит усиление Таганрогской и Азовской крепостей. 9 сентября 1769 г. Екатериной II утверждается доклад Военной коллегии «Об учреждении в Азовской и Таганрогской крепостях гарнизонных батальонов и казацких полков», а 22 июня 1770 г. доклад этой же коллегии «Об утверждении штата казачьему пехотному полку, поселяющемуся в Азовской крепости». Согласно этим актам Таганрогская и Азовская крепости включались «в число прочих Государственных крепостей», т. е. получали особый государственный статус. В Азове создавался гарнизон из трех батальонов под

командованием полковника, он усиливался дополнительной артиллерией и инженерной командой. Для несения патрульной службы на прилегающей территории назначался полк донских казаков.

22 января этого же года утверждается доклад Коллегии иностранных дел и Военной коллегии «О приведении Моздокской крепости в оборонительное состояние и о поселении Горцев и Волжских казаков по прилагаемым штатам, для безопасности Кавказской области». На его основании Моздок приводится «единожды и навсегда в надлежащее оборонительное и в безопасное состояние», а между ним и крайней фланговой станицей Червленной для замыкания Терской линии с Моздоком основывается пять станиц из Волжских казаков (Наурская, Мекенская, Ищерская, Галюгаевская и Стодереvская), которые составили отдельный Моздокский полк.

В Моздокской крепости, которая до этого содержалась за счет сил Кизлярского гарнизона, размещается дополнительный собственный гарнизон и назначается «особливый комендант» в чине полковника. Сюда поставляется 40 артиллерийских орудий. Для обслуживания артиллерии в Моздоке поселялись 100 канониров, а в Моздокском полку 50 канониров из донских казаков.

Уже в ходе военных действий российским правительством предпринимаются действия и по научному изучению Кавказа. В 1770 году здесь начала работать комплексная экспедиция под руководством академика Гмелина. Один из отрядов этой экспедиции возглавляет академик А. И. Гюльденштедт, о роли которого будет сказано ниже.

Переходя к заключению Кючук-Кайнарджийского мирного договора, следует учитывать, что этому предшествовали как минимум два важных акта.

Первый. 19 мая 1772 г. между Россией и Турцией заключается перемирие, ратифицированное турецкой стороной 15 июня. В артикуле 8 этого документа отмечается: «В Грузинских, Кубанских и в прочих Анатольских местах... каждый город, крепость и прочие места... останутся в том состоянии и в тех руках, как находятся, учредя границы в местах пристойных».

Второй важный документ – «Мирный и союзный трактат между Российской империей и ханством Крымским», заключенный 29 января 1773 г. В нем признается, что «большая и малая Кабарды состоят в подданстве Российской империи». Это ключевой момент в истории Азово-Моздокской линии, которая в основном возводилась как раз на кабардинском направлении. Признание Кабарды в подданстве России позволяло ей создавать здесь границу для контроля за ситуацией на своих землях. Эта граница выстраивалась российской стороной самостоятельно, так как данный сосед не обладал должной международной договороспособностью, как Турция, Персия или Крымское ханство.

Через несколько месяцев после заключения договора с Крымом территория между Моздоком и Азовом была обследована экспедицией академика А. И. Гюльденштедта. В сопровождении отряда казаков и кабардинцев он проделал конный путь по следующему маршруту: Моздок – Баксан – Пятигорье. Отсюда ученый совершил поездку в Маджары по маршруту: гора Бештау – гора Лысая – Георгиевск – Александровское – отсюда по долине р. Томузловки до Маджар – и обратно вдоль Кумы и Подкумка к Бештау. Во время этих поездок был намечен правый фланг будущей Азово-Моздокской линии из 5 крепостей.

9 июля экспедиция направилась из Пятигорья к вершинам Калауса и далее по маршруту: Северное –

Ставрополь – Московское – Безопасное – Красногвардейское – Сальск – Старочеркасск. Исследователем было предложено два варианта линии. Один шел от Моздока к Пятигорью, отсюда к верховьям Егорлыка и далее вдоль Егорлыка до Маныча. Однако этот вариант, по мнению И. А. Гюльденштедта, имел такой недостаток, как большое расстояние и близость закубанских народов. Предпочтительным вариантом он считал направление прямо от Моздока к Куре, отсюда к Куме, затем по вершинам Карамыка и Буйволы к Калаусу и далее к Егорлыку, а затем вдоль него к Манычу. При этом ключевым местом пограничной линии И. А. Гюльденштедт считал местность напротив Бештау, где, по его мнению, следует разместить военный корпус численностью в пять тысяч человек. Отметим, что при возведении линии в 1777 г. именно здесь была расположена главная крепость линии – Георгиевская. А в 1780 г. для дальнейшего усиления линии в районе г. Пятигорска закладывается крепость Константиногорская.

По пути исследователь описывал рельеф местности, прокладывал маршрут по компасу с указанием расстояния в часах конской езды, отмечал наличие водных ресурсов, качество воды, наличие леса или камыша для топлива, наличие строительных материалов, качество почв, места для пастбищ и сенокосов, животный и растительный мир. При этом, исходя из имеющихся природных ресурсов, он выбирал места, пригодные для поселений, которые он именовал «колониями».

В этом и состояла главная миссия А. И. Гюльденштедта. Он, как естествоиспытатель, до прихода военных топографов и фортификаторов должен был оценить ресурсы той или иной местности для обеспечения жизнедеятельности войск и казаков, которых предстояло разместить на линии. Для этого

в первую очередь требовалась качественная вода, пастбища, сенокосы, пахотные земли, наличие строительных материалов и топлива, на что в первую очередь и обращал внимание ученый.

На участке от р. Калаус до Маныча он определил 10 мест, где могли бы располагаться такие «колонии». На территории Ставрополья к таким местам он отнес современное с. Северное, г. Ставрополь, верховья р. Ташлы (Калаусской) в районе с. Московского, с. Безопасное, с. Птичьё, с. Дмитриевское, с. Привольное (возможно, там, где впоследствии будет основано село Вестославское и возведен хорошо сохранившийся до наших дней редут Вестославский). Окончательный выбор мест для укреплений он оставлял на дальнейшее усмотрение военных топографов и фортификаторов.

Прокладывая будущую Азово-Моздокскую линию, И. А. Гюльденштедт так выразил ее роль и значение: «Благодаря этой линии граница между Терекком и Доном будет так укреплена, что при полагающемся патрулировании никто не сможет пройти незамеченным. Этим самым будет укреплена не только астраханская дорога из Кизляра, но и дорога, идущая из Моздока в Царицын и в Черкасск и оттуда в Крым, к большой выгоде купцов, которые на этой дороге потеряли большие суммы. Благодаря этой же линии будет, во-вторых, защищен доступ к расположенным у Кумы и Маныча соленым озерам...»

Завершающим этапом в истории создания российских рубежей между Черным и Каспийским морем было учреждение и непосредственное строительство Азово-Моздокской линии, которая замкнула российскую границу на всем указанном пространстве и сыграла важную роль в становлении российской государственности на Кавказе.

На стадии подготовки Кючук-Кайнарджийского мирного договора российская сторона в качестве одного из главных его положений выдвинула требование об «оставлении границ от Кабарды через кубанские степи до Азовского уезда в том состоянии, как они до войны были». Из этого следует, что территориальное разграничение здесь имело уже устойчивый характер, а в 1777–1780 гг. вдоль существующей линии разграничения устраивается регулярная, как тогда отмечалось, правильная граница.

10 июля 1774 г. заключается Кючук-Кайнарджийский мир, который следующим образом подводит итог взаимоотношениям договаривающихся держав на Северном Кавказе:

«АРТ. 20. Город Азов с уездом его и с рубежами, показанными в инструментах, учиненных в 1700 году... вечно Российской Империи принадлежать имеет.

АРТ. 21. Обе Кабарды... большую связь имеют с Ханами Крымскими; для чего принадлежность их Императорскому Российскому Двору должна предоставлена быть на волю Хана Крымского...» А воля эта хана Крымского, как мы уже знаем, была выражена за полтора года до Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

Азово-Моздокская линия замкнула Кавказскую границу от моря до моря. По данным инспектора Кавказской линии генерала Кнорринга, к началу XIX в. общая протяженность границы на Северном Кавказе составляла 900 верст. Азово-Моздокская линия, протяженностью 500 верст, составляла большую часть этой границы.

К столетию
А.И. Солженицына

О встрече с А.И. Солженицыным

В годы Перестройки, в период возвращения в Россию имен отечественных литераторов, волей судьбы оказавшихся за границей, встал вопрос и об Александре Исаевиче Солженицыне. Он был восстановлен в Союзе писателей, ему было возвращено советское гражданство, и уже ничто не мешало физическому возвращению знаменитого писателя на родину. И оно состоялось: 27 мая 1994 года самолет компании «Аляска эйрлайнз» с Солженицыным на борту совершил посадку в аэропорту города Владивостока.

Переезд в столицу с Дальнего Востока Александр Исаевич превратил в путешествие по России, в новое знакомство с ней, затянувшееся на восемь недель. По пути в Москву он делал частые остановки, осматривал города и исторические места, встречался с жителями и читателями. Осенью того же года Александр Исаевич наве-

**ПЕТР
ЧЕКАЛОВ**

**Литературо-
ведение**

стил город юности Ростов-на-Дону и Ставрополье – свою родину и родину ближайших предков. 24 сентября состоялась встреча писателя с жителями краевого центра в Ставропольском Дворце культуры и спорта профсоюзов.

В программе начало встречи значилось в 11-13. Я сразу обратил внимание на эту точность: не 11-00 и не 11-15, и потом хотелось сопоставить, действительно ли он появится точно в обозначенное время? Но когда Солженицын вышел на сцену, было уже не до того, чтобы наблюдать за часами.

Появился он неожиданно и не сбоку, как обычно, а прямо посреди сцены, раздвинув занавеси. Сопровождали его жена и заместитель главы тогдашней администрации Ставропольского края Василий Александрович Красуля. Зал поднялся моментально и стоя приветствовал гостя.

Когда дело дошло до приветственных речей, оказалось, что микрофоны не работают, хотя до этого по сцене ходили рабочие и устанавливали все необходимое. По предложению Василия Александровича Солженицын подошел к краю сцены и, не дожидаясь включения микрофонов, открыл встречу, а затем Александр Исаевич сказал несколько вступительных слов.

Я сидел во втором ряду, и он буквально возвышался надо мной. Выглядел он гораздо моложе своих 75 лет, хотя усы и борода почти сплошь были седыми. Белая рубашка была одета на выпуск, и на ней отчетливо были видны полоски от складок: видимо, он надел свежую рубашку, не заботясь о том, чтобы прогладить её после дорожных чемоданов.

Начались выступления. Люди из зала выходили на сцену и большей частью несли чушь, во всем чувствовалась неорганизованность, спон-

танность. Один ветеран войны говорил о том, что из-за засухи пастбища превратились в пустыню и почему-то передал Солженицыну письмо, предназначенное руководству Ставропольского края. Под конец он так разволновался, что ноги у него ходили ходуном.

Вышел другой мужчина, чуть старше средних лет, сделал небрежный жест в сторону Александра Исаевича и бросил: «Я с вами не согласен». И понес околесицу о корнях фашизма в России, о сионизме и т. д. Речь его нередко вызывала смех и ухмылки, из зала раздавалось требование сойти со сцены, но он, не обращая внимания на реплики, самоуверенно продолжал поучать и зал, и Александра Исаевича. Как бы между прочим он попросил Солженицына передать Ельцину анекдот, но Александр Исаевич возразил против этого, встал из-за стола и попросил его закончить, взяв у него какие-то данные.

Некий Кольцов из ботанического сада сказал, что в последних книгах Александр Исаевич погрузился в историю, но не сумел нащупать законы развития России, и что необходимо перенимать опыт других стран. Выступление его тоже носило нравоучительный характер...

Александр Исаевич сидел за столом с женой и Красулей и все время писал. Он как будто и не являлся участником встречи: откинулся на спинку стула, почесал правый глаз, улыбнулся, когда выступающий сказал что-то о штрейкбрехерах. В зале поднялось возмущение, потребовали удалиться со сцены. Солженицын встал и сказал, что молодой человек несет такой бред, что слушать его нельзя.

Кольцов подошел к столу, сказал что-то Солженицыну и, красный, сошел со сцены.

Встречу превратили в балаган. Микрофоны все еще не работают, зал шумит, не слушает выступающих, прерывает их репликами. Выступала женщина, когда сзади меня кто-то крикнул:

– Да русскому человеку в России места нет! Уходи!

Очень эмоционально говорил один пенсионер, с 17 лет оказавшийся в лагере и отбывший там 11 лет. В левой руке у него букет роз, рука дрожит так, что хруст и шуршание целлофановой обертки отчетливо разносится по всему залу. Подошел к столу, пожал руку Александру Исаевичу, тот с улыбкой поднялся навстречу; пенсионер передал писателю бумаги и пошел со сцены, зал напомнил про цветы, он спохватился, вернулся и вручил их Солженицыну.

Вышел молодой человек и назвал себя представителем студенчества Ставрополя. Из зала потребовали имя. Он обернулся в ту сторону, откуда прозвучал голос, и назвал фамилию, имя, отчество, год рождения и адрес проживания. Зал засмеялся.

Около двенадцати наконец включили микрофоны. Александр Исаевич все пишет. Иногда прикусывает нижнюю губу, задумывается, подается вперед, смотрит немного сощуренно, сосредоточенно склоняется над бумагой, подпирает лоб указательным пальцем правой руки. Лоб и лицо его уже покраснели, хотя не жарко, зал проветривается. Почти посередине лба сверху вниз проходит углубление наподобие шрама, лыс, но ото лба идут еще редкие волосы.

Очень хорошее впечатление производит Наталья Дмитриевна, жена Солженицына: тихая, милая, спокойная. Одеты в светлый костюм, гармонирующий с поседевшими и обретшими серебристый оттенок волосами. Она провожает выступивших

улыбкой, иногда встает навстречу и пожимает руки.

Александр Исаевич встает и обращается к залу: будем продолжать слушать или достаточно? Зал единодушно:

– Хватит!

И тогда он берёт слово.

– Я прошу прощения, буду говорить сидя: так лучше видно записи. Я попробую отозваться на некоторые моменты...

Незаметно, видимо и для себя, стал эмоционален, голос приобрел звучность, напряженность, накал. Наталья Дмитриевна тронула его за правое плечо и что-то сказала. Он кивнул, помолчал секунду и продолжил тише о 70-ти годах советской власти, нанесших много вреда России и русскому народу.

– Спрашивают: демократия у нас или нет? Я всегда отвечаю: нет. Демократия – это когда народ сам решает свою судьбу...

Голос четкий, но не резкий и не грубый. Говорит связно, последовательно переходя от вопроса к вопросу. Иногда приподнимает правую руку с ручкой и по ходу выступления что-то подчеркивает в записях.

... – XX век наша страна проиграла! Я все еще надеюсь, что Россия воссоединится со славянами: Украиной и Белоруссией. Они по-глупому проголосовали. Они думали, что им больше сала достанется. (Зал смеется.)

... – Нечего нам делать в Таджикистане!

... – В Башкортостане 23 % населения местных, а все ключевые посты занимают башкиры.

... – Безумная февральская революция. Развалили страну...

... – Мы должны подняться на ноги самостоятельно...

Лоб весь в морщинках. Лицо все-таки не славянского, а монгольского типа. Глаза часто сощуриваются и становятся узкими. Жестикулирует только правой рукой, в левой держит очки. Спокойная речь резко переходит в напряженную, а затем снова обретает спокойное течение. Когда затронул тему ущемления русских в Закавказье, зал горячо зааплодировал; когда упомянул о «большевицкой банде», тоже поаплодировали, но не густо.

... – С двенадцати лет ненавидел Сталина. Я читал газеты, видел, что процессы Промпартии фальшь...

... – Россию никогда не удастся сделать, как Америку. И не надо. Тогда стало бы скучно. Повеситься можно.

... – Сегодня телевидение по-обезьяньи повторяет все худшее, всякую гадость от Европы...

Вошел в раж, жестикулирует уже обеими руками: выбрасывает вверх обе ладони и потом сжимает их в кулаки. И снова переход от напряженной речи к спокойной.

Закончил выступление ровно в 13-00 на патриотической ноте. Обещал залу, что не уйдет, пока не подпишет всем желающим книги, и попросил не толпиться.

Всю сцену заполнили читатели с книгами, и очередь протянулась по проходу почти до середины зала. По микрофону то и дело слышится голос Александра Исаевича: «Фамилия, имя, отчество? Если у кого трудное имя – запишите, пожалуйста, на листочке...»

Неожиданно потушили свет на сцене. Установилась какая-то полумгла от нескольких слабых ламп вдоль стен. Владимир Маркович Лычагин, тогда заведовавший отделом культуры города, прошел че-

рез зал к кабине дежурного и сказал, что до двух будут подписываться книги и чтобы включили свет. Оттуда, видимо, спросили: «Кто сказал?» Я услышал только четко прозвучавший ответ: «Я сказал!» Свет включили.

Уже три часа. Александр Исаевич все подписывает книги, но и очередь уже подходит к концу.

В это время вокруг Натальи Дмитриевны собирается тесный круг, люди задают самые различные вопросы, в том числе и семейно-бытового плана. Она отвечает с готовностью, просто и дружелюбно. Некоторые протягивают ее фотографии, просят расписаться. Она продельывает это с неохотой, приговаривая: «Страшная».

Один преподаватель педагогического института давал советы по охране архива от пожара, на что Наталья Дмитриевна заметила: «Если суждено – сгорит, нет – останется». Александр Исаевич, не поднимая головы от книг, поправил её: «Не суждено, а как Бог даст!»

Мужчина уговорил Наталью Дмитриевну оставить свой автограф на книге о декоративных растениях.

– Что ты там подписываешь? – спросил Александр Исаевич.

– Декорации...

– А ты их составляла?..

Фотограф попросил Наталью Дмитриевну статью поближе к Александру Исаевичу, чтобы запечатлеть их вместе.

– Он без меня лучше смотрится, – отмахнулась она.

Один школьник, вероятно подписавший книги для себя и товарища, спустившись со сцены, протянул ему одну из них. Тот открыл, глянул и произнес в полный голос:

– Какой почеркан! Какие-то каракули! Так и я с закрытыми глазами напишу!..

Когда Александр Исаевич закончил подписывать книги, женщина, видимо имеющая отношение к организации встречи, предложила задержаться на 15–20 минут и попить чай или кофе.

– Никаких чай-кофе! – возразил Александр Исаевич. – Надо работать! Я ещё не готовился к следующему выступлению. Алюша, забери свои цветы и идем...

Ставрополь, Дворец культуры и спорта профсоюзов. 24.09.94 г.

«СЕДАЯ ПЕЧАЛЬ»
ВИКТОРА
ЛОГВИНОВА

...Года и тревоги –
Не крошки на вышитой
скатерти.
Смахнул бы, но это
Пока не под силу живым.
Меня обжигает
В медлительном облике
матери,
Как белое солнце,
Седая печаль головы.

Орех шелестит
Над её сединой
несмываемой.
Глаза беспокойно и прямо
Мне в душу глядят.
Я знаю, что в жизни,
Из разностей разных
слагаемой,
Лишь честного сына
Глаза её видеть хотят.

Эти трогательно-нежные строки принадлежат перу замечательного поэта и прозаика Виктора Александровича Логвинова. Родился он 17 октября 1938 года в селе Юца Предгорного района Ставропольского края. Родители работали в колхозе. Два старших брата окру-

ГАЛИНА
ШЕВЧЕНКО

Литературо-
ведение

жали малыша заботой и любовью. Хрупкое благополучие советского народа разрушило начало Великой Отечественной войны. Отец Виктора был мобилизован и зачислен конником в кавказскую группу дивизии генерал-майора Доватора Льва Михайловича (1903–1941). После гибели командира в бою под Москвой Гвардейский казачий корпус получил имя этого прославленного человека. В стихотворении «Здравствуйте, конники!» Виктор Логвинов писал:

...Скачут вперёд краснозвёздные хлопцы
И отступает холодная мгла.
Родины знамя к Победе несётся –
Время не выбить врагу из седла.

В лирическом стихотворении Виктора Логвинова «Жизнь хуторская» отражены трудовые будни семей фронтовиков в первый год сурового бабьего лета:

Рассерженной ранью врывается утро
В мальчишеский сон – подниматься

пора.

Ведь жизнь хуторская замешана круто;
Работа, как сторож, стоит у двора.

Вот, будто испуганно, звякнул подойник,
Потом от молочной струи забренчал.
Напился студёной воды рукомойник.
Спросонья зевая, петух закричал.

Работы по горло, а рук маловато –
В жестокое время взяла их война.
И едут солону громадить ребята,
Вдев ноги в верёвочные стремяна...

Глубокий след оставила ВОВ в памяти и в творчестве Виктора Александровича. Скорбные строки о погибших невозможно забыть! Стихотворение «Мы помним» поэт посвятил расстрелянному фашистами за связь с партизанами брату своей жены, но оно звучит клятвой памяти всех, потерявших родных и близких:

...Как в космосе, звёздно и тихо
В моём предрассветном краю,
И будто бы не было лиха
И кровушки в этом раю.

И вдруг скорбный голос России
Окликнул из пекла войны,
Где пал Борисенко Василий,
Погибший братишка жены...

Лежит он на кладбище русском,
В Канглах, вечно юный боец.
А рядом соседствуют грустно
С ним мама, сестра и отец...

Мы помним. Мы помним. Мы помним.
Всех тех, что сгубила война.
И наши печали огромны –
Не видно ни крыши, ни дна.

В 1946 году Виктор пошёл в первый класс Юцкой средней школы № 5. Учился он хорошо. Его стихи украшали школьные стенгазеты. В цикле стихотворений, посвящённых старшему брату, есть такие строки: «Мы льстим себе невероятно. Зачем такой самообман? Зачем о жизни неприятной Трудяге – сахарный роман?» В моей памяти он остался честным, чистым, замкнутым и несколько стесни-

тельным «подранком» нашей эпохи. Посвящая ему, рано ушедшему из жизни собрату по перу, статьи о его жизни и творчестве, я тоже старалась быть чрезвычайно правдивой. Раскрыть сложности его судьбы и незаурядную личность этого красивого человека помогают его стихи. Многие стихи Виктора Логвинова отражают природу родного края, трудовые будни земляков, заботы и ощущения близких.

Через год после окончания школы – призыв в армию. Физически прекрасно развитый Виктор Логвинов попал в погранвойска. Он был не только ладно скроен, крепко сшит. Он был умён, наблюдателен, талантлив и чист во всех своих устремлениях. Трогательны его воспоминания о том периоде его жизни в стихах «Первый завтрак», «Помним границу», «Земля моя», «День Победы» и многих других. Воинам в зелёных форменных фуражках посвящены им строки:

...Здесь каждый миг звучит особо,
Здесь сердце Времени слышнее...
Границу не забыть до гроба
Тому, кто служит вместе с нею.
Весна опять пришла на

склоны,

Заполнила теплом заставу.
Листвы зелёные погоны
Надел сегодня клён кудрявый.

Служил Виктор Логвинов добросовестно и, по решению командования, после окончания срока службы на заставе был направлен в военное погранучилище. Женился. Родился сын Борис. В эту счастливую пору у Виктора рождались лирические признания в стихах:

Я вижу в родниковом отраженье
Немеркнувшее небо старины.
Мы пьём прозрачность вечного движенья,
И тем напитком Вечности сильны.

Там неустанно серебрятся росы
В зелёном шёлке медоносных трав.
И предок мой – певун медноголосый,
Руками держит Солнце по утрам...

Он был уже курсантом-третьекурсником, когда вышло Постановление Совета Министров СССР «О сокращении личного состава в Вооружённых силах страны». Это одно из многочисленных бездумных решений малограмотного Н.С. Хрущёва сломало тогда судьбы многих кадровых офицеров и курсантов военных училищ Советского Союза. Потом всё пришлось «возвращать на круги своя», но для пострадавших от хрущёвского произвола военных – потерянные годы уже были невозвратны.

После внезапной демобилизации не мог найти работу по душе и Виктор Логвинов. Задыхался от отчаяния, как выброшенная волной на берег рыба, и не видел выхода из тупика. Дома – недоумевающая молодая супруга, маленький, требующий внимания ребёнок и гнетущая неизвестность. По его признанию, «работал на разных производствах, даже ездил за «деньгой» на рыбную Камчатку и ходил в моря. Всё это время писались стихи в голове, так как не догадался занять блокнот и ручку, потому что не верилось в серьёзность литературных навыков».

Стон израненной души поэта Виктора Логвинова произвольно выплеснулся – в стихотворения «Никите Хрущёву», «Правота» и «Что было, то было». Нашлись сексоты, донесли в военную прокуратуру, и случилось то, что случилось.

После отсидки «поселенец» В.А. Логвинов работал матросом на рыболовецких промыслах Камчатки, Хабаровска. Писал стихи. Мне особенно дорого его стихотворение «Находка»:

Я уйду в солёное пространство.
Рыдают чайки, над волной паря.
За вечный плач, за цвет непостоянства
Я полюбил суровые моря.
Я полюбил портовую Находку,
Её туман, порталы и бичей –
За шаткую моряцкую походку,
За грусть прощальных песен и речей.
За переливы резких восклицаний
Морских буксиров, шхун и катеров.
За то, что здесь меня не отрицали.
Я возвращусь сюда, под флотский кров.
Здесь берег бухты пахнет огурцами.
Здесь пьют за тех, кто в море – мужики.
Здесь женщины на берегу часами
Стоят и сохнут, сохнут от тоски.

От Виктора Александровича я узнала, что огурцами пахнет рыбка-корюшка, чей запах сохраняют берега бухты после выгрузки улова рыбаками. Пронзительно печально его написанное в Хабаровске в 1964 году стихотворение «Праздник». Написано оно в Международный день 8 марта вдали от любимой и сына-проказника. Мучительная боль автора с трагической судьбой неизменно ранит сердце читателя:

...Думы, думы за решёткой.
Перебьёшь ли обух плёткой?
Может, дома горе, брат,
Празднику никто не рад.

Может, ищут все пути,
Чтоб домой ты мог прийти.
Хорошо там или плохо,
Думать будешь поневоле.
Крик души и сердца грохот
Не слышать на дальней воле.

...В 1970 году Виктор Логвинов вернулся на Кавминводы. Работал водителем в таксопарке и посещал литобъединение при «Кавказской здравнице». Несколько раз приглашали на литературные семинары в Ставрополь. Многотиражной газетой транспортников руководил член Союза писателей СССР Александр Фёдорович Мосинцев. Благодаря ему Виктор Логвинов познакомился с известными ставропольскими писателями и начал публиковать свои стихи в периодике. В 1983 году в Ставропольском книжном издательстве выпустил свой первый поэтический сборник «Корни родников». В Новопавловске в издательстве ОАО «Кировская районная типография» вышли его сборники «Выхожу на обгон» (1995), «Разлад» (1998), «Грехи и раны» (2000), «Плакида» (2002). В Антологии «Современные писатели Ставрополя» (составитель А.И. Куприн) утверждается, что в 1990-е годы изданы в той же типографии «Эхо сердца», «Муки творчества», «Пытки ада», «Истязание правом», «Здравствуй, папа», «Смех голопузых».

Я познакомилась с Виктором Логвиновым в середине 1990-х на заседании Ассоциации Независимых писателей КМВ, учредителем и руководителем которого был А.Ф. Мосинцев. Представили нам его коротко: «Талантливый поэт Виктор Логвинов». Автор явно сломался от всеобщей нелюбви! Однако он легко поднялся. С места. Держался

молодцом. Читал свои стихи наизусть – чётко и взволнованно, но с некоторым надрывом. Заметив нерасположение присутствующих литераторов, я пожалела нашего неудачливого гостя и попросила разрешения прочесть несколько его стихотворений. Среди них были «Грехи и раны» и «Первый снег»:

Нам жить обещано неплохо.
И хлоркой старались мочить
Мы – гордые раны эпохи,
Которые не излечить...
Нас будут тиранить и резать
И смрадным наукам учить,
Чтоб мы на кабальных протезах
Могли наши раны влачить.
Но надо наращивать кожу
И душу хранить в чистоте,
Тогда сам Господь нам поможет
Грехи излечить на кресте.

Глядеть и век не наглядеться
На первый снег в родных горах.
Снежинки, словно эхо детства,
Летят и тают на губах.

Вороний чёрный грай качает
Галдёжем веточки ольхи,
И зимний лес весь день читает
Пространству белые стихи.

Среди пушистого безмолвья,
Как снежный памятник, стою.
Желаю вечного здоровья
Зиме, которую люблю.

После этой встречи один за другим выходили его поэтические сборники и даже одна книга прозы. Каждый раз, вручая мне очередную книжку с автографом, Виктор Логвинов смущённо улыбался и спешил откланяться. Вскоре (в 2002 году) он был принят в Союз писателей России. Мне так и не удалось поговорить с ним по душам. Эпиграфом к своему сборнику «Плакида» Виктор Логвинов совсем не случайно взял слова: «Плакида – грустная звезда. Плакида – русская планета. В её печалях – много льда, а в сердце очень много света». В этих философских коротких фразах – выражена суть его ощущений на одноимённых звезде и планете. Слово «плакида» в переводе с греческого языка на русский означает «тихий, кроткий, твёрдостоящий». Возможно, Виктор Александрович, вспоминая свое военное прошлое, имел в виду сходство своей судьбы с трагической судьбой военачальника римской армии времён царя Траяна, великого ученика святого Ефстафия Плакиду. Стихи, написанные Виктором Логвиновым в 1996–1999 гг. на злобу дня, поражают даже названиями: «Беспредельщина», «Исповедь», «Гони, гони, душа...» и тому подобные.

Помимо гражданской темы с щемяще острым ощущением душевного надлома автора, спасительным эликсиром воспринимаются его лирические строки. В строках его обращения к «Жене 22 декабря 1999 года» он пишет: «Я б всё отдал за преданность и верность...» Заключительные строки прочувствованы мною особо:

...Прости за все сюрпризы и печали,
За каждую морщинку на лице.
И та любовь, что грела нас в начале,
Пусть также согревает и в конце.

В марте 2009 года Виктора Александровича Логвинова не стало. О его смерти родственники и соседи не сочли нужным сообщать в писательскую организацию, и никто из нас не проводил его в последний путь. В одном из его стихотворений есть такие строки: «Вы не грустите сильно обо мне, Но всё-таки немного вспоминайте». Поэт Виктор Логвинов заслужил, чтобы о нём помнили!

Подписано в печать 06.11.2018.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ № 318-2. Тираж 979 экз.
Дизайн и верстка: Климов А.В.
Корректор: Иванов В.Б.
Отпечатано в типографии «Фаворит»:
394036, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Трудовая, дом 50, кв. 10.
Тел.: 8-958-649-53-31.